

Мэрилин Мюррей

Узник иной войны

**Удивительный путь
исцеления от детской травмы**

Моим внукам
Биджею, Дженел и Эшли

Будьте свободны!

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции оригинального издания

Вступление. Боль и шок

Часть первая. Возникновение Контролирующего ребенка

Глава 1. Военное время – 1944

Глава 2. Свобода и похороны

Глава 3. Картины и тюрьмы

Глава 4. Больше чем друзья

Часть вторая.

Всвобождение Плачущего обиженного ребенка

Глава 5. Вулкан

Глава 6. Коробка карандашей

Глава 7. Конфликт между детьми

Глава 8. Осколки стекла

Часть третья. Обретение Естественного ребенка

Глава 9. Возвращение

Глава 10. Сочувствующие лица и землетрясения

Глава 11. Болота и бикини

Глава 12. Комья глины

Глава 13. Забор из колючей проволоки

Часть четвертая. Развитие чувствующего взрослого

Глава 14. Недостающая часть

Глава 15. Песок и огонь

Глава 16. Хрупкая броня

Глава 17. Румба и ракеты

Глава 18. Все мои жертвы

Глава 19. Реальный мир, реальная война

Эпилог. Круг замкнулся

Выражение благодарности

От редакции оригинального издания

Все события, описанные в этой книге, произошли в реальности. Редакторы лично переговорили с большинством главных действующих лиц и получили разрешение использовать имена и соответствующие подробности их жизни. Чтобы сохранить конфиденциальность в отношении других лиц, и особенно членов их семей, многие детали были опущены. С той же целью имена терапевтических клиентов Мэрилин Мюррей были либо изменены, а их истории либо модифицированы, либо скомбинированы. Следует также отметить, что диалоги на страницах переданы не дословно, а воспроизведены автором по памяти.

Вступление

Боль и шок

Доводилось ли вам пережить несчастный случай, результатом которого стали переломы или серьезные ранения?

«Как-то раз мой спортивный автомобиль перевернулся. Я разбился всмятку, получив множественные переломы обеих ног. Вдобавок и сломал ключицу и несколько ребер. Но при этом я был совершенно спокоен и в течение нескольких дней совсем ничего не чувствовал. Я и сейчас не помню, как это случилось и что было потом».

«Мне было лет десять, когда я бежал со стекляшкой в руке и упал. Порез оказался очень глубоким. Пришлось наложить более тридцати швов: но боль я ощутил только через несколько часов».

«Я был ранен во Вьетнаме, где командовал ротой. Однажды я стоял перед десантным самолетом, как вдруг начался обстрел, и я утонул в ослепительной вспышке света. Когда атака была отбита, я взглянул на свою левую руку и обнаружил, что она залита кровью и безжизненно висит вдоль тела. Я пошевелил пальцами, и у меня промелькнуло в голове: «По крайней мере, рука на месте!». Однако большую часть мышц плеча срезало осколками противотанкового снаряда вьетконговцев. Я долго ждал, когда меня подберет вертолет. Какое-то время я не чувствовал боли. Когда же наконец боль появилась, врач дал мне морфий».

Все эти воспоминания – последнее принадлежит одному из моих терапевтов, доктору Питеру Денилчаку, - объединяет реакция физического шока и оставленной боли. Когда человек получает телесные повреждения, в его организме автоматически

срабатывает система защиты. Мозгу не обязательно подавлять сознательную команду: «Не боли!». Ответная реакция, подавляющая боль, возникает сама собой.

Большинство из нас знает, что мы обладаем врожденными физиологическими защитными механизмом, который не позволяет нам в полной мере ощутить физическую боль от получения повреждений. Временная блокировка боли позволяет организму направить энергию в нужное русло. Шок заглушает не только физическую боль, но и эмоциональную реакцию на травме.

Это состояние шока необходимо для нашего выживания. Оно оберегает нас до тех пор, пока мы не обретем способность справиться с болью. Тем не менее, каким бы необходимым ни было предохраняющий механизм шока, он действует лишь временно. Боль также необходима нам. Не ощутив боли, мы не узнаем о полученных повреждениях. К примеру, если ваше тело не чувствует боли, вы можете облокотиться на горячую плиту и сильно обжечься. Боль также может подавать нам сигнал о том, что мы нуждаемся в помощи.

Я убеждена, что у нас есть также и эмоциональный защитный механизм, который не дает нам ощутить всю силу эмоциональной боли. В случае телесного ранения он срабатывает одновременно с физическим шоком. Но бывают случаи, когда задействует один только механизм эмоционального шока.

Когда вы страдаете в связи со смертью любимого человека, чувства притупляются, и это нормально. Вы можете не ощутить всей глубины этой потери в течение недель или даже месяцев. Такая реакция – обычное дело на войне, когда несколько травмирующих событий происходит одновременно. В подобных обстоятельствах эмоциональный шок может заставить нас подавлять свои воспоминания. Это явление часто наблюдается у ветеранов войны, страдающих от посттравматических стрессовых нарушений. Многие жертвы холокоста испытали омертвление чувств, когда подавляли в себе воспоминания о пережитых ужасах.

Что же делать с болезненными переживаниями, которое было забыто и о котором сам человек не имеет ни малейшего понятия?

Оно – лишь смутный след воспоминания, который мелькает то и дело во сне или вспыхивает вдруг в отсветах прошлого. Насколько это вообще нормально?

Я убеждена, что это нормально. И не только нормально, но и необходимо для выживания – на некоторое время. Когда человек, особенно ребенок, испытывает нечто болезненное и не в состоянии высвободить чувства, связанные с этим болезненным событием, в течение короткого периода времени, он пытается «похоронить» эту боль через неосознанное подавление, сходное с физическим шоком.

Чтобы произошло такое подавление, травма не обязательно должна быть значительной. Травмирующие события могут быть самыми разными. Это могут быть не только несчастный случай или полученная на войне рана, но также и вербальное, эмоциональное, физическое и сексуальное насилие. Количество «захороненных» воспоминаний и степень их подавленности у всех людей разные.

Точно так же, и физический шок, эмоциональный шок должен быть временным. Когда эмоциональный шок длится неопределенное время, когда он становится хроническим, он наносит серьезный ущерб. Если не лечить телесную рану, она начинает гноиться и причиняет еще более серьезный, подчас угрожающий жизни вред.

Таким же образом и эмоциональная боль, которая отрицается или подавлена хроническим шоком, непременно напоминает о себе в свое время. Эмоциональная рана приведет к нарыву, который либо прорвется, либо уйдет вглубь, чтобы дать о себе знать иными проявлениями.

Эмоциональная «инфекция» может проявляться в деструктивном поведении, зависимостях, депрессии, нарушенных взаимоотношений и физической боли. Она может проявляться и в так называемых приемлемых моделях поведения – перфекционизме, трудоголизме и чрезмерной заботе о других.

В ходе своей работы, когда я говорила с профессионалами и непрофессионалами о детских травмах и насилии, я встретила множество страдающих людей. Эти люди – жертвы войны. Речь идет не только о ветеранах таких известных войн, как Вторая мировая, война в Корее, Вьетнаме или Персидском заливе. Вновь

и вновь я слышу рассказы жертв иной войны, которая не прекращается в тишине спален, на спортивных площадках, в школах, в школах и парках, в обыкновенных городах – таких, как Уичито в штате Канзас. Эта война не имеет географических границ. Эта война не связана с национальной и расовой принадлежностью, возрастом, полом, классом или религиозными убеждениями.

Жертв этой войны не так легко узнать, как узники Дахау или Дананга. У них нет ни татуированных номеров на запястьях, или шрамов, безмолвно напоминающих о пробившей плечо или бедро пуле. Они – неизвестные жертвы войны, которая втайне идет в каждом поселке, городке или мегаполисе по всему миру. Эти жертвы – узники иной войны, пленники боли, скрытой и их прошлом. Словно в камерах – одиночках, они заперты в скрытых кавернах своего разума – и это точно такие же тюрьмы, как те, что сделаны из бетона и стали.

Это история о борьбе узника за свое освобождение.

Это подлинная история.

Этот узник – я.

Часть первая

Возникновение контролирующего ребенка

1.

военное время – 1944

Уинчито, штат Канзас, был далек от полей сражений, в отличие от душных джунглей Лусона и Минданао или заснеженных деревень и городов Лидице и Варшавы. Застывшие черно-белые изображения тел в униформе, небрежно разбросанных в снегу, проносились на экранах кинотеатров, отпечатываясь в памяти жителей Уичито. Но этим людям было мало дела до слухов о таких местах, как Бухенвальд и Освенцим, где люди с изможденными лицами стоят, потухшим взором глядя сквозь бесконечные ряды колючей проволоки.

Заснеженные поля Канзаса никогда не были залиты кровью солдат, сражавшихся, чтобы защитить ее от чужеземных захватчиков. В его полуденном воздухе никогда не раздавались крики ребенка, пытаемого охранниками концентрационного лагеря.

Но война и боль здесь были.

Хоть это был и Канзас.

«Мама! Я не могу дышать! Посиди со мной, мама. Я ненавижу этот сон. Он такой страшный».

.....

«Тише», - отзывается моя мать. «Мама здесь, золотце».

Я чувствую, будто я тону в белом клее. На моем лице что-то липкое. Я задыхаюсь и кашляю, пытаюсь вздохнуть.

«Пожалуйста, мама, держи меня за руку, не давай мне заснуть, чтобы не видеть этот сон».

.....

У меня было во всех отношениях замечательное детство. До восьми лет я оставалась единственным ребенком своих родителей, окружавших меня любовью и вниманием. И хотя с рождением младшей сестры это внимание несколько уменьшилось, я не переставала ощущать заботу и любовь моей семьи. Родители трудились, не покладая рук, стараясь обеспечить нас. Во время Великой депрессии мы часто переезжали с места на место, чтобы отец мог найти себе работу. Одинокое вечера у колыбели со спящим младенцем были для моей матери обычным делом.

Мои дедушка с бабушкой умерли рано, при трагических обстоятельствах, но в семье никто и никогда не позволял себе открыто выражать свое горе в связи с их гибелью. Обнаружение сильных чувств полагалось неуместным, особенно если чувства можно было счесть проявлением слабости или несогласия. Улыбка – пусть даже вымученная, - и все шло как прежде.

Судя по всему, моя мать старалась сделать так, чтобы у меня обо всем были только «хорошие воспоминания». Гнев был под строжайшим запретом. Я даже не могу припомнить, чтобы мои родители когда-либо спорили друг с другом. «Мир любой ценой» - таково было неописанное правило. Обстановка защищенности, создаваемая из самых лучших побуждений, позволяла мне оставаться наивной и не подозревать о жестокой реальности. С насилием я сталкивалась лишь по утрам в субботу, наблюдая на экране потасовки Роя Рождерса в баре.

И мои родители, и мое окружение внушали мне, что судить обо мне будут по тому, как я выгляжу и как себя веду. «Что подумают обо мне другие?» - девиз штата Канзас мог бы звучать именно так. Мне ни в коем случае не следовало делать что-либо неподобающее – ничего такого, что могло бы бросить тень на меня или мою семью.

После Великой депрессии родители возвратились в свой родной городок – в Мэрион, штат Канзас. Однако в 1944 году мы на месяц перебрались в Уичито, где отец в течение девяти месяцев проработал на военном предприятии. Когда война окончилась, мы, в моему удовольствию, вернулись в Мэрион. Мне не нравилось в Уичито.

Жизнь в Мэрионе была беззаботной идиллией; я часами играла у реки, совершала дальние велосипедные прогулки к озеру, катались на лошадях в открытом поле и принимала участие в пирушках с мороженым, которые церковь устраивала в парке. Как это принято у протестантского населения в наших местах, каждое воскресенье я вместе с родителями ходила в церковь. По выходным и праздничным дням вся наша большая родня собиралась вместе, и я наслаждалась роскошными обедами, приготовленными многочисленными тетками и кузинами.

Все и впрямь казалось безукоризненным. За исключением вседающего ужас сновидения, мучившего меня на протяжении всех детских лет. Это был ночной кошмар, который сопровождался болезненным приступом астмы. Астма появилась совершенно неожиданно однажды зимним вечером, когда мне было восемь лет.

Астма лишила меня возможности заниматься всем, что было связано с физической нагрузкой. И хотя я не была такой уж хворой, мне приходилось соблюдать режим дня, сидеть на диете и отказываться от поездок в летний лагерь с другими детьми. Не в силах конкурировать со своими сверстниками в физическом отношении, я стремилась достичь интеллектуального превосходства и заставила себя стать круглой отличницей. Моя неразлучная подруга была жизнерадостная непоседа по имени Джинджер. Она была дикаркой и сумасбродкой, я же занимала главенствующую, исполненную серьезности, позицию. Мы устраивали школьные мероприятия, пикники, ночевали друг у друга, вместе ходили на свидания. Я храню чудесные воспоминания о вечерах, когда мы с ней распевали на два голоса старые походные песни вроде «Скажи зачем» или новые, такие как «Тебе не надо идти одному». Дружба с Джинджер давала мне ощущение спокойствия и надежности.

Несмотря на наши клятвы в вечной преданности, мы начали ссориться. Джинжер вела себя намного беззаботнее и в отличие от меня не столь тяготилась чувством долга. Я с неодобрением отнеслась к тому, что она стала встречаться с парнями «не нашего круга». Мы разошлись. Однажды я получила от нее письмо, в котором она просила прощения и утверждала, что я навсегда останусь лучшей подругой в ее жизни. Я проплакала несколько часов – что мне отнюдь не было свойственно. Но я так и не ответила ей и даже не поблагодарила за письмо.

Вместо этого я с удвоенными усилиями принялась готовиться к экзаменам – через месяц я заканчивала школу. Накануне похода выпускников со мной случился новый приступ астмы.

Я не отказалась от участия, но весь поход провела одна в своей палатке, борясь с удушьем.

По возвращении в город астма не прекратилась. Я смогла выбраться из дома только для того, чтобы получить свой аттестат. На следующий день гостившие у нас друзья из Аризоны рассказали моим родителям о тамошнем чистом горном воздухе. Они заметили, что людям с астмой он особенно полезен, и пригласили меня приехать к ним на лето.

Аризона? Я даже не знала, где это находится. Но я была уверена, что это далеко от Канзаса.

В Канзасе я жила внутри строго очерченных рамок – ограничений, установленных моей культурой, моим поколением и моим происхождением. Я никогда не подвергала сомнению эти границы. Они существовали, чтобы обеспечить мою безопасность и уберечь от «плохих вещей». Плохое случалось с другими людьми далеко отсюда, за пределами спасительного окружения, обеспечивающего меня своим покровительством.

Теперь же, спустя всего девять дней после окончания школы, взволнованная и исполненная тревожных ожиданий, с пятнадцатью долларами в кармане, я села на пароход, идущий в Аризону. Я сказала «прощай» рамкам, которые контролировали и ограничивали мое существование, и шагнула к новым рубежам, в новую жизнь.

2.

Свобода и похороны

Аризона и впрямь дала мне новую жизнь

Стоило мне зажмуриться от яркого солнца и вдохнуть чистого горного воздуха своими закупоренными легкими, как я поверила, что мне удастся избавиться от астмы раз и навсегда. «Именно так, - подумала я, - со мной все будет в порядке».

Мой летний визит в Аризону вскоре обернулся переездом на постоянное место жительства. Вместо того, чтобы возвратиться в Канзас и поступить в колледж, я нашла работу и сняла квартиру. Родители были настолько поражены происшедшими переменами – моя астма исчезла, как и было обещано, - что спустя год тоже перебрались в Аризону. Я поселилась вместе с ними, уже не как ребенок, а как взрослая и самостоятельная дочь.

Я работала на фабрике по производству ковбойской одежды, владелец которой, Джек Мимс, взял меня под свое крыло и принялся учить предпринимательству: планированию производства, рекламе и продажам. Именно в одном из его магазинов, где я работала менеджером, я повстречала своего будущего мужа, Тодда. Тодд был красив и обаятелен. Он служил пастором в небольшой миссионерской церкви. Спустя три недели мы обручились. Наши отношения до венчания во многом были

связаны с церковью. Я играла на пианино в миссионерской церкви, и мы вместе посещали все церковные торжества.

На Пасху 1956 года мы поженились. Радость этого дня была вскоре омрачена моим недавним недугом. Через несколько дней после брачной церемонии из-за сильно астматического приступа я оказалась в больнице. То, что астма вернулась, удивило меня – я никак не могла взять в толк, что могла быть тому причиной.

Вскоре после того, как я вернулась из больницы, меня навестила моя мать. Вместе в Тоддом они сели у моей кровати, и мать сообщила мне, что моя любимая подруга Джинжер погибла в автомобильной катастрофе. Я принялась рыдать, то и дело повторяя: «Как же так? Ведь я так любила ее!». Я плакала, вспоминая наше прошлое, и чувствовала вину за то, что не принимала ее такой, какой она была. Мое горе настолько истощило меня, что я пообещала себе никогда больше так сильно не привязываться к друзьям. Это слишком больно. Вскоре после свадьбы мы с Тоддом переехали в Феникс, чтобы он мог продолжать учебу в коллежде. Я поступила на работу, а по вечерам стала вести занятия по музыке и Закону Божьему. Вдобавок Тодд и я исполняли пастырские обязанности в маленькой фермерской церкви, совершая трехчасовые поездки туда и обратно каждое воскресенье. Это было радостное, но и утомительное время для нас обоих.

Через три года после женитьбы я впервые забеременела, и 22 января 1960 года родила маленькую ясноглазую девочку, которую мы назвали Джинжер Джейнел. Она сразу же стала усладой нашей жизни.

Тодд занялся розничной торговлей, и благодаря его обаянию, дружелюбию и способностям у него сложился круг постоянных заказчиков в тогда еще небольшом городке Скотсдейл, пригороде Феникса. В свободное время он отправлялся поохотиться со своими родителями или младшими братьями. Выходя за Тодда, я знала, что охота и рыбалка – его страстные увлечения. Я отнеслась к этому обстоятельству как к неотъемлемому пункту брачного соглашения. В то время я не подозревала, что эти поездки станут чуть ли не самым важным в его жизни. Когда на свет вот – вот должен был появиться наш второй ребенок, Мисси,

Тодд отвез меня в больницу, дождался окончания родов и тотчас уехал охотиться.

За три месяца до рождения Мисси магазин ковбойской атрибутики, где работал Тодд, внезапно обанкротился. У нас с Тоддос было двое детей, о которых надо было заботиться, и уйма неоплаченных счетов, необходимо было что-то предпринять. Поскольку у нас обоих был опыт торговли предметами ковбойской атрибутики, помноженный на преданную клиентуру Тодда в Скотсдейле, мы решили открыть собственный ковбойский магазин. Мы начали свое дело холодным январским днем 1963 года, даже не имея в кассе наличности, чтобы дать сдачу в пятидолларовой купюры. У нас был маленький дом с участком, нов силу необходимости нашим домом стал магазин.

Я готовила хот-доги и суп для Джинжер и Тодда на электроплитке в задней комнате. Там же я нянчила Мисси, нередко оставляя ее одну, чтобы обслужить покупателя.

У моей сестры Мэри Сью вышедшей к тому времени замуж за Уэйна Уотсона, было двое сыновей – Тим и Рэнди, приблизительно того же возраста, что и наши девочки. Когда я работала, Мэри Сью частенько брала под свою опеку Джинжер и Мисси, став для них второй матерью; эти четверо карарузов скорее походили на родных, нежели на двоюродных братьев и сестер. Отпуск, выходные и совместные развлечения с Уотсонами и нашими многочисленными родственниками стали очень важны для нас всех.

Следующие годы дались нам нелегко. График работы в магазине, церковные мероприятия, общественные и гражданские обязательства и воспитание двух маленьких дочерей нечасто позволяли нам с Тоддом побыть наедине. Когда же это случалось, наш разговор почти всегда касался дел в магазине.

Вечером, когда наши девочки засыпали, Тодд часто отправлялся на деловую встречу, а я оставалась сидеть над бухгалтерскими книгами. Поглядывая на Джинжер и Мисси, чей сон был столь безмятежен, я завидовала их покою. Я любила моих малышей. Я любила их смех, такой непосредственный. Думая о них, и о том, как сильно я их люблю, я все больше ощущала пустоту внутри себя. Жизнерадостная, полная ожиданий девушка, приехавшая из Канзаса, исчезла. Мне казалось, будто я

ее похоронила. Я ощущала усталость и опустошение, но считала, что не имею права жаловаться. Я была воспитана на изречении «РАдость – это Иисус, Другие и Ты». Но подлинный смысл этих слов исказился. Они стали означать для меня, что мой долг и моя задача – принести себя в жертву своей семье, церкви и друзьям. Мне даже в голову не приходило принять во внимание собственные нужды.

Я не позволяла себе ни малейшего чувства обиды или разочарования, связанного с браком или каким-либо иным аспектом моего существования. У меня не было ни слов, ни навыка, чтобы определить, что я чувствую. Понятия «созависимость» тогда не существовало. Я любила своих детей и любила своего мужа. Любой счел бы, что так оно и есть, и я сама в это верила. Всякий раз, когда у меня возникали иные чувства, я отвергала их как «эгоистичные». Я была полностью сосредоточена на своих обязательствах перед другими людьми. Я развернула бурную деятельность. Чем больше я была занята, тем меньше времени оставалось на чувства.

Тодд также загрузил себя до отказа. Он не колеблясь предоставлял себя в распоряжение других людей. Постепенно каждый из нас зажил отдельной жизнью у Тодда были его магазин, друзья, обожаемые дети, поездки на охоту и конные походы. У меня – мои дочери, церковные мероприятия, обслуживание покупателей и бесконечные кипы бухгалтерских отчетов.

Никто не замечал, что мы все больше отдаляемся друг от друга; мы и сами этого не сознавали. Мы были двумя людьми, которые идут рядом, но не смотрят друг на друга, поглощенные заботой об остальном мире. Мы ни разу не обернулись, ни взглянули друг на друга, не обратили внимания на собственные нужды. Ни один из нас не догадывался о том, что можно научиться определять свои эмоциональные потребности, и о своем праве требовать, чтобы эти потребности были удовлетворены.

Мне всегда было важно не допустить возникновения конфликта и сохранить мир любым путем: сделать что угодно, лишь бы удержать мир. Семейные и деловые проблемы практически никогда не разрешались нормальным образом. Когда Тодд изливал свой гнев, я молчала. Когда я пыталась обсудить

проблему, он просто уходил. На следующий день мы вели себя так, как если бы вчера никакой обиды и гнева не было и в помине.

Несмотря на трудности в общении, в нашей в Тоддом жизни было много радостей, связанным с нашей семейной жизнью и нашим быстро растущим бизнесом. Наш магазин был местом, где любили собираться деловые люди, фермеры и туристы. Им нравилась атмосфера Дикого Запад, созданная Тоддом. Кроме того, он прославился как один из лучших торговцев лошадьми в округе. Он выменивал оружие, ковбойскую одежду, седла и предметы старины. Если ему было что-то нужно, он просто выменивал это. Наш бухгалтер был готов сойти с ума, пытаясь упорядочить все его обмены, чтобы как-то внести их в отчетность. Нас обоих привлекло искусство американского запада, и многие известные люди, имеющие к нему отношение, стали делать покупки в нашем магазине. Время от времени некоторые из них стали приносить картины или изделия из бронзы, чтобы выставить их на продажу.

Как-то к нам заглянул один состоятельный фермер – поправить свою фетровую шляпу, которую он отдавал в чистку. Покуда Тодд отпаривал замятину на подкладке его шляпы, фермер подошел к прилавку и стал рассматривать бронзовую статуэтку ковбоя. Он справился о ней у Тодда и тот поведал ему связанную с ней историю. Фермер поинтересовался ценой, и Тодд ответил: «Семнадцать пятьдесят».

Фермер забрал у Тодда свою старую шляпу, водрузил ее на голову, сунул за пазуху своей сильно поношенной холщовой рубашки и направился к выходу. В дверях он обернулся и бросил: «пришлите мне счет». Ошеломленный Тодд спросил: «Как потвоему, он понял, что я имел в виду семнадцать долларов пятьдесят центов?». Несколько дней спустя, когда пришел чек на тысячу семьсот пятьдесят долларов, Тодд сделал заявление, которое изменило нашу жизнь:

«милая, мы занимаемся не тем делом!»

3.

Картины и тюрьмы

в конце шестидесятых мы с Тоддом продали магазин и открыли художественную галерею. Время для этого мы выбрали самое что ни на есть подходящее и оказались на гребне волны внезапно нахлынувшего интереса к современному искусству Запада. Вскоре после открытия галереи Тодд решил на время оставить работу, чтобы занять поисками денег для новой христианской академии в нашей округе.

Мне нравилось управлять галереей. Я напрямую общалась с художниками и покупателями и выстраивала стратегию развития. Впервые за много лет в меня появилась возможность творить и проявлять свою индивидуальность независимо от Тодда.

Когда Тодд спустя два года вернулся к руководству галереей, я в качестве «Миссис Тодд» вернулась на место, которое «подобает Миссис Тодд». На первый взгляд казалось, что я делаю

это охотно, поскольку я полагала, что моей задачей в жизни было поддерживать Годда и содействовать ему в его начинаниях. Я была приучена забывать о себе и направлять всю энергию на облегчение жизни своего мужа. Я считала, что нужды женщины стоят на последнем месте после потребностей всех тех, кто ее окружает.

Продолжая работать в галерее, я окружила себя живописью. Меня привлекали картины с изображением тех, кто лишен свободы, - индейский младенец, туго запеленатый в одеяло; одинокий всадник, застигнутый снежной бурей; ковбой, окруженный стенами глубоко каньона или атакующими его индейцами, - образы неволи и поисков освобождения.

Я покинула пределы Канзаса, чтобы выйти на новые рубежи в своей жизни. Но даже преодоление географических границ со временем перестает означать свободу и непосредственность. В конце концов вы обнаруживаете, что принесли с собой ваши прежние ограничения или создаете новые. Преграды, которые я взяла с собой, укреплялись последующими событиями, пока не превратились в высокие стены. Эти стены мешали другим увидеть, кто я есть на самом деле, и не позволяли мне дотянуться до людей.

Запертая в этих стенах, я терзалась от постоянной физической боли. Астму сменили сильнейшие головные боли, проблемы с пищеварением, боль в ногах и спине. Когда я была ребенком, моя мать страдала мигренями и на протяжении многих лет мучилась от деформирующего артрита. Я полагала, что головная боль и боль в теле – это нечто обыкновенное, особенно для женщины. Я обращалась к врачам, специалистам и диетологам, испробовала акупунктуру и боирезонансную терапию, но ничто не избавляло меня от боли. никто не смог даже установить ее причину.

Я никому не рассказывала об этих болях. Мне надлежало быть довольной и неунывающей. У меня была работа, которую следовало выполнять, и люди, о которых нужно было заботиться. Я развлекала заказчиков, друзей из церкви и родных, но всегда в роли жены Годда. У меня не было своего круга общения. И вот, наконец, несколько раз отклонив приглашения, я, с одобрения Годда, все же отправилась на неделю в конный поход, в котором

участвовали одни женщины. Впервые за пятнадцать лет я оказалась вдали от мужа и детей.

В этом походе я обрела дружеское общение. Я восторгалась независимостью и самодостаточностью моих спутниц. Укоры совести, терзавшие меня из-за того, что я оставила свою семью без надлежащей заботы, вскоре уступили место душевной радости и веселью, царившей в нашей новой компании. По вечерам мы пели песни у костра, а одна из дам, Кей, подыгрывала нам на гитаре. Наши с ней дуэты вызвали у меня в памяти те песни, что я пела с Джинджер, - «Дружище», «Назови свою мечту». Эти воспоминания отзывались и радостью и болью одновременно. Когда мы с ней затынули «Тебе не идти одному», я еле сдерживалась от слез, и слова застряли у меня в горле.

Дни проходили в долгих разговорах; и я и Кей часами болтали, сидя у костра и когда наши лошади шли бок о бок во время перехода. Мы обе обожали лошадей, музыку и искусство. Кей была энергичной и успевающей деловой женщиной и, как и я, страдала жестокими головными болями. Хотя у нас было много общих интересов, во всем остальном мы являли полную противоположность. Кей воспитывалась в атмосфере строгости и сдержанности, я же росла в теплой семейной обстановке. Религию Кей считала костылем для слабовольных, для меня же она была всей жизнью. Несмотря на эти различия, Кей меня заинтересовала.

В последующие месяцы, по мере нашего сближения, я стала понимать, что меня меньше всего привлекает перспектива быть слугой своего мужа и все больше тянет к дружеским отношениям. Я не позволяла себе испытывать душевную близость с подругами со времени моей учебы в старших классах, когда прекратились наши отношения с Джинджер. Мне подумалось, что может быть, теперь стоит рискнуть.

Кей воодушевляла меня и поддерживала и вдобавок внимательно относилась к моей физической боли. Мало-помалу я стала предпочитать нашу дружбу моим поверхностным отношениям с Тоддом.

Работа в галерее и дружба с Кей дали мне возможность творчества и дружеского общения. Две поездки в Европу с Тоддом к нашим друзьям заставили меня по-новому взглянуть на вещи. Путешествуя, я впервые начала понимать, как опустошает

людей война. Тридцать лет мирной жизни не смогли заставить их забыть голод и страх. Мы ездили в Дахау, и там я увидела огромную фотографию детей, глядящих пустыми глазами сквозь бесконечные ряды колючей проволоки. Что-то случилось со мной, когда я смотрела в эти глаза. возникло ощущение ужаса, относящегося к другому времени и месту.

Мы побывали за «железным занавесом», в Чехословакии. Там мы познакомились с Милошем Сольцем, пожилым пастором, с которым я мгновенно ощутила внутренне родство. Когда он рассказывал о боли, пережитой им в детстве, о нищете, насилии, унижениях, о страданиях, которые принесли с собой война и нынешняя коммунистическая оккупация, я отчасти ощутила его боль как свою. Я почувствовала себя «в своей тарелке». Несмотря на печальную ситуацию в тогдашней Чехословакии, я чуть было не склонилась к тому, чтобы остаться там.

Когда мы с Тоддом возвратились в реальность нашего мира, произведения искусства американского запада резко поднялись в цене. Цены на нефть выросли, а нефтяные магнаты и банкиры стали нашими главными покупателями. Выставка национального творчества, которую я представляла в одном из крупнейших музеев американского искусства, и наши многочисленные выставки в Скотсдейле доказали, что я стала профессионалом в этой области. К своим тридцати девяти годам я была одной из самых известных женщин - коммерсантов, занимающихся искусством Запада.

Знакомым я казалась женщиной, удачно сочетающей бизнес и успех в обществе, имеющей первоклассный дом, счастливый брак и двух замечательных дочерей. Однако что-то было не в порядке.

Нечто в моей душе пронзительно кричало, пытаясь привлечь мое внимание, жаждало быть увиденным, услышанным и понятым. От этого у меня все внутри разрывалось и шла кругом голова. Но вместо того, чтобы прислушаться, я работала еще сильнее и быстрее. С каждым новым проектом моя боль усиливалась, а вместе с ней росли дозы принимаемых мною лекарств, которые оказывались все более бесполезными в моих попытках освободиться от тисков этой боли. Освобождение

пришло ко мне совсем не так, как я ожидала. Как и большинство беглецов из неволи, мне предстоял нелегкий путь.

Но и вырвавшись на свободу, я вновь и вновь возвращалась в свою тюрьму, ибо только там я чувствовала себя в безопасности.

4

Больше чем друзья

к 1975 году мы с Кей стали близкими друзьями. Ее брак переживал трудные времена, и ей казалось, что вся жизнь рушится на глазах. В поисках ответов она принялась читать книгу доктора Сесила Осборна «Искусство понимать себя». Просматривая книгу в первый раз, она увидела в ней слово «Бог» и отложила ее в сторону. Теперь же книга завладела ее вниманием. Под воздействием этой книги и встреч с консультантом Кей принялась радикально менять свою жизнь.

Произошедшие в ней изменения ошеломили меня. Я немедленно отправилась в ближайший магазин и купила книгу доктора Осборна. Каждый день мы с Кей читали отрывок и вместе его обсуждали. Доктор Осборн писал о вещах, которые были в диковинку для нас обеих: о группах поддержки, в которых люди

могут поделиться своими насущными проблемами с любящими, заботливыми и не осуждающими друзьями.

Это стало началом общества «Больше чем друзья». Мы с Кей собрали пеструю компанию женщин разного возраста, социального положения и религиозной принадлежности. Кей позвонила всем, кто пришел ей в голову, и пригласила присоединиться к нам.

Группа собиралась раз в неделю. На наших встречах я выслушивала и поддерживала других, но при этом я была не в состоянии рассказать о вещах, которые глубоко ранили меня саму. Я говорила о них Кей, а на группе помалкивала. Научиться «получать» было для меня отнюдь не просто. Мне долго не удавалось выработать в себе компульсивную способность отдавать, чтобы позволить другим проявить свое участие и позаботиться обо мне. Сама того не ведая, я не желала развенчивать образ семейства Мюррей. Я начала признавать, что мне необходимо меняться. Мне не доводилось прежде думать о себе как о человеке, которому требуется что-то в себе изменить, или о необходимости самосовершенствования. Внимание к своим нуждам – эмоциональным или каким-либо иным – казалось мне верхом эгоизма.

Первое время я пристрастно и с осуждением относилась к некоторым из женщин в группе. Я реагировала на них так же, как на приятелей Джинджер в школе. Но, слушая их истории, я начала избавляться от осуждающих оценок и критики. Я также начала рассказывать кое-что о своих проблемах. Однако я заговаривала о себе только после того, как выскажутся все остальные, в оставшееся время.

Изменение в жизни участников группы на заставили себя ждать. Мы с Кей получили много заявок от других женщин, желавших как можно скорее присоединиться к нашей группе. В итоге я оставила работу в галерее и сосредоточила свои усилия на создании новых групп. Тодд, казалось, был доволен тем, что я веду более «духовную жизнь».

Все это время мы с Тоддом считали, что наша семья является главным источником нашего счастья. Джинджер вышла замуж за парня, с которым встречалась еще со школы, - Брэда Ричардсона, чьи родители были близкими друзьями моей сестры Мэри Сью и

ее мужа Уэйна. Мисси училась в колледже в Калифорнии, но навещала нас регулярно. В семействе Уотсонов появилось прибавление – еще один сын, Джош. Мой отец был теперь на пенсии и получал удовольствие, занимаясь лошадьми и садом на нашем участке, а мать вдохновенно управляла нашим домом для гостей, где они сами теперь жили.

Первая беременность Джинджер протекала тяжело, и я не занималась делами группы «Больше чем друзья», пока не родился ребенок. Маленький Биджей очаровал наши сердца своим заразительным смехом и мягким характером. Время, проводимое в нем, давало мне душевный покой, так необходимый, когда я вернулась к своей бурной деятельности в «Больше чем друзья».

Подбор и подготовка координаторов для новых групп отнимали у меня большую часть времени и энергии. Чем больше я отдавала себя лидерам новых групп, тем больше искала поддержки у Кей. Ее это раздражало, но я была убеждена, что больше мне не к кому обратиться. Когда напряжение между нами достигло предела, Кей решила отправиться в Берлингем, в Калифорнию, чтобы пройти двухнедельную терапию с доктором Осборном - автором той книги, которая подвигла нас обоих на этот путь.

Консультативный центр доктора Осборна специализировался на регрессивной терапии. Он был убежден, что выявление лишений и травм, перенесенных в детстве, помогает многим людям справиться с трудностями в их взрослой жизни. Кей считала, что общение с доктором Осборном поможет ей в решении ее личных проблем, а, возможно, и нашего с ней конфликта.

Из Калифорнии Кей вернулась с более ясным самоосознанием и стала ограничивать время нашего с ней общения. И хотя я была рада ее личностному росту, ее отстраненность сильно меня ранила. Попытки отдаления со стороны Кей вызвали у меня чувство, что у меня земля из-под ног уходит.

Кей уговаривала меня съездить в Берлингем. Она то и дело твердила: «Мэрилин, ты самый одержимый человек из всех, кого я знаю. Ты многого добиваешься, но это убивает тебя. Она настаивала: «наверняка у тебя в детстве случилось нечто такое,

что заставляет тебя реагировать подобным образом». Я яростно отвергала это предположение о том, что мне нужна терапия, и возражала: «Это у тебя было трудное детство, Кей, и ты это знаешь. Но мне терапия ни к чему. У меня было безоблачное детство».

Пока Кей занималась выстраиванием разумных границ со мной, я все глубже погружалась в бурную деятельность «Больше чем друзья». Теперь у нас было тридцать пять групп в районе Феникса и новые группы в трех других штатах. Помимо подготовки координаторов я издавала ежемесячный информационный бюллетень, вела поиск новых учебных материалов, писала методические разработки. Я устраивала специальные торжества, привлекала к этому всех новых членов группы, и создавала новые группы, обрабатывая растущие кипы регистрационных карточек.

В течение нескольких лет «Больше чем друзья» представлялись мне снежным комом, который несется с горы с головокружительной скоростью. Но теперь он все больше напоминал прозрачную белую массу из моих детских ночных кошмаров, которая внезапно обернулась лавиной и похоронила меня под собой. Я чувствовала себя придавленной ответственностью, поскольку мне казалось, что все зависит от меня. Я боялась, что без моего руководства вся организация развалится. Я боялась позволить делам идти своим чередом, но я также боялась и того, что не выдержу напряжения. «Боже, - умоляла я, - я не уверена, что могу с этим справиться. Это гораздо больше, чем я ожидала. Я хочу служить всем и каждому, но я не могу!».

Вместе с ростом «Больше чем друзья» росла и моя физическая боль. Моя ежедневная доза лекарства отныне составляла 25 таблеток экседрина, 125 мг эливела, от 8 до 20 таблеток альказельцера плюс пузырек фиориала раз в неделю – и все это практически безрезультатно. Иногда боль была настолько сильной, что я не вставала с постели по несколько дней. Но и тогда работа преследовала меня. Лежа в постели, я до полного изнеможения диктовала учебники и письма, надеясь изложить всю информацию на бумагу прежде, чем умру. Я хотела умереть. Если бы я умерла, моим мучениям настал бы конец.

Однажды ночью, когда я начала погружаться в желанный сон, нечеловеческая боль пронзила мою грудь. Она нарастала столь стремительно, что я едва могла дышать. Я с трудом ловила воздух, в то время как боль растекалась по моим мышцам, сосудам, суставам, проникая в каждую клетку, пока не заполнила целиком все мое тело. В ушах раздался ужасающий звук. Сперва он был низким и негромким, но становился все громче и пронзительнее, и мне начало казаться, что сейчас меня разнесет на куски. Он превратился в вопль, во внутренний крик. Наконец вопль достиг громкости, от которой вдребезги разбиваются стекла, боль в моей груди стала невыносимой, и я почувствовала, что мое сердце вот-вот разорвется.

Я задыхалась в ожидании последнего, катастрофического взрыва, с которым наступит освобождение. Я умоляла: «Пожалуйста, Боже, дай же мне умереть». Но мало-помалу боль утихла. Вместо облегчения пришло сожаление.

На следующий вечер, придя с работы, Тодд обнаружил меня корчащейся от боли на кровати. Боль взрывалась у меня в голове с такой силой, что я готова была впасть в неистовство. Он тотчас же отвез меня в больницу. Врач дал мне огромную дозу димедрола, но боль не проходила.

18 сентября 1980 года моя группа «Больше чем друзья» устроила торжественный вечер в честь моего дня рождения в доме одной из участниц. Одновременно это была интервенция. Друзья с любовью обличили меня, указав на мои многочисленные проблемы, - причем не только со здоровьем.

«Мэрилин, ты хоть чуточку догадываешься о том, как мы воспринимаем твой перфекционизм и альтруизм? Мы чувствуем себя неполноценными, поскольку не можем воздать тебе тем же. Ты настолько занята работой и другими людьми, что мы чувствуем, что ни на что ни годимся. Ты так высоко поднимаешь планку, что нам не допрыгнуть. Это доставляет нам дискомфорт и это губит тебя».

Дробь в моем черепе превратилась в оглушительный гул. Сперва меня бросило в жар, затем в ледящий холод. Я пыталась удержать навернувшиеся слезы, в то время, как друзья продолжали: «Забота превратилась у тебя в навязчивую идею. Ты заботишься о ком угодно, только не о себе. Мы считаем, что тебе

необходимо поговорить с компетентным консультантом - немедленно!»

Я сбежала с «вечеринки» и в одиночестве поехала домой. Я была ошеломлена, разгневана и обижена. Я знала, что Кей так думает, но не подозревала, что и другие думают точно так же. По дороге домой я замыслила план. Первым делом я брошу принимать свои лекарства. Хотя я всегда охотно рекомендую консультирование другим людям, я по-прежнему полагала, что терапия на для меня. Единственный выход, который, как мне казалось, у меня оставался, это самоубийство. Мне всегда внушали, что христианин не имеет права на убийство. Впервые я подумала, что это не соответствует действительности.

У боли нет предпочтений. Перед болью все люди равны. Боль сбивает вас с ног и топчет вас. Когда вы пытаетесь подняться, она ставит вам подножку и снова бьет вас. мучительная боль, физическая или душевная, - боль, от которой вы не можете убежать – лишает вас рассудка. От боли отказывает мозг и невозможно мыслить здраво. Я принялась обдумывать, как бы мне лишить себя жизни так, чтобы это выглядело как несчастный случай. Сохранить свой имидж для меня стало важнее, нежели сохранить жизнь. Моей первой задачей было подготовить семью. Я провела Мисси по всему дому и показала ей список фамильных ценностей и их стоимость: картины, фарфор, серебро, фотографии, налоговые документы. Поначалу Мисси терпеливо слушала меня, но потом ответила: «Мама, это нездорово».

Однажды в восемь вечера позвонила Кей. Я уже была в постели, плача от сильнейшей боли. Услышав мой зареванный голос, Кей не пыталась скрыть свое негодование: «Где черти носят твоего мужа? Он должен был бы позаботиться о тебе!»

Я отозвалась устало: «Для Тодда невыносимо видеть мою боль. Да и что он может сделать? Мне ничто уже не помогает».

«Все равно нужно что-то делать. Тебе нужна помощь. Я не дам тебе умереть».

«Кей, - прошептала я, - что я могу сделать? Я уже все перепробовала».

«Я требую, чтобы ты поехала в Берлинге на терапию. Я позвоню доктору Осборну и узнаю, может ли он принять тебя незамедлительно».

«Но, - возразила я, - у меня столько дел в «Больше чем друзья». И потом Тодд ни за что не согласиться».

«Предоставь Тодда мне, - ответила Кей, - а в «Больше чем друзья» полно женщин, которые справятся в твоими обязанностями. Утром же я позвоню в авиакомпанию и закажу тебе билет».

«Мэрилин, - закончила она, - у тебя не осталось выбора».

Часть вторая

Высвобождение обиженного плачущего ребенка

5.

вулкан

день благодарения. 1980 год.

Я почти не замечала вибрации самолета, летящего в колеблющемся воздухе над пустыней. Мой чемоданчик лежал открытым передо мной на откидном столике, и я перебирала бумага, пытаюсь разобраться с недоделанной работой. Но сколько я ни силилась, мне не удавалось сосредоточиться.

Кей, верная своему слову, обо всем договорилась, и даже отвезла меня в аэропорт. Не переставая бороться с сомнениями в необходимости этой затеи и не особо веря, что она способна мне помочь, я поднялась на борт самолета, летящего в Калифорнию. Еще один рубеж в моей жизни.

В здании аэровокзала Сан-Франциско ко мне подошел молодой человек: «Привет, вы должно быть Мэрилин? Меня зовут Джерри, Бабетт попросила меня забрать вас». У Бабетт Бейкер останавливались многие из иногородних пациентов доктора Осборна.

Пока мы добирались до Бермингема, Джерри рассказывал мне, как пройденная им терапия переменяла его жизнь. Я слушала с улыбкой, стараясь скрыть свой скептицизм. Когда он свернул с автострады, я заметила: «Это место напоминает мне Канзас – сырая, холодная погода и огромные старые дома за изгородями. Кроны деревьев, словно заря, накрывают улицу – совсем как у нас дома».

Джерри остановился у крыльца прекрасного двухэтажного дома с ухоженной лужайкой. Нас встретила маленькая женщина с жизнерадостной улыбкой. «Кей мне все о вас рассказала, - журчала она, - я решила, что поселю вас в той же комнате, где жила она. Это сюда».

Я проследовала за ней по коридору в очаровательную спальню в дальней части дома. Две кровати были сдвинуты и уютно смотрелись на фоне ярких обоев в цветочек. Я разложила вещи, размышляя о том, что это недурное место для двухнедельного пребывания. Потом мы с Бабетт сидели в гостиной и разговаривали о докторе Осборне и его центре.

Оказалось, что Бабетт вот уже двадцать три года работает с доктором Осборном и в настоящее время является консультантом директора в его консультативном центре. Позже к нам присоединился ее муж Дон. Я была поражена тем, с каким энтузиазмом он поддерживает жену в ее работе. Мое восхищение выросло еще больше, когда я обнаружила, что в этом доме поселились не только я и Джерри, но и несколько других клиентов из центра.

В тот вечер я чувствовала себя замерзшей и усталой после перелета. Я пораньше забралась в постель и укуталась до подбородка своим одеялом с электроподогревом. Мысли путались в сомнениях и замешательстве. Мне хотелось только двух вещей: избавиться от мучительной боли и следовать воле Божьей в моей дальнейшей жизни. Я вовсе не была уверена, что для этого мне необходимо здесь быть.

На следующий день была назначена моя встреча с доктором Осборном. Мы уже встречались прежде, когда он несколько раз приезжал в Феникс на торжества «Больше чем друзей». Он обрисовал мне цели регрессивной терапии. «Детей часто поощряют проявлять хорошие, добрые чувства, но не дают выражать ничего негативного».

Доктор Осборн пояснил, что эти негативные, тревожащие чувства, которые дети передают забвению, вызывают проблемы: как психологические, так и физиологические – по мере того, как ребенок становится взрослым. «Назначение этого вида терапии – позволить этим похороненным, мучительным воспоминаниям всплыть на поверхность».

Я выдавила из себя улыбку, закинула ногу на ногу и попыталась сосредоточиться на словах доктора Осборна. Он продолжал: «Мэрилин, у всех на есть «море» этой боли. Мы все - результат своего окружения, и никто из нас не является полностью тем безукоризненным ребенком, каким мы были задуманы».

«Но, - запротестовала я, - мне в самом деле не нужна такая терапия. Я из тех немногих людей, у которых было безупречное детство. Мои родители искренне любили меня».

Он мягко улыбнулся и произнес: «Многие из тех, кто сюда приходят, утверждают то же самое. Обычно в памяти сохраняется

очень мало мучительных моментов нашей жизни». Люди обращаются к терапии по самым разным причинам. Не у всех эмоциональные проблемы видны сразу. Некоторые приходят, потому что у них трудности во взаимоотношениях, иные – подобно вам – из-за невыносимой физической боли».

Я поинтересовалась, как происходят терапевтические сеансы. Вы почувствуете, будто находитесь на разделенном пополам экране. Ваш взрослый держится в стороне, полностью осознавая, что происходит. Когда начнется высвобождаться ваш внутренний ребенок, его голос будет звучать подобно голосу ребенка, а не взрослого».

Я беспокойно заерзала на стуле. «Звучит довольно странно». Доктор Осборн согласился. «Поначалу это кажется странным, вы будете работать с одним из четырех терапевтов». Он помолчал какое-то время, потом поднялся со стула. «Давайте поднимемся наверх в комнату для терапии».

Переступив порог, я обещала комнату взглядом. Она была почти пустой. Посредине лежал большой ковер, а сбоку от него, возле магнитофона – несколько больших разноцветных подушек. Звучала негромкая расслабляющая музыка. Маленький ночник был единственным светом в этой большой комнате без окон.

Я почувствовала себя нелепо и неуклюже, ложась на ковер. Доктор Осборн сел у моей головы и попросил меня глубоко дышать. «Давайте вашим мыслям и чувствам течь свободно. Следите за каждой мыслью или зрительным образом, который возникает, и сообщайте мне о них».

Неуклюжая и одеревеневшая, я уговаривала себя дать волю своим чувствам. Наконец я не выдержала и села. «Я не могу этим заниматься! Это слишком непривычно и странно. Я хочу сейчас же уйти».

Он коснулся моего плеча. «Не будьте слишком строги к себе. Вам просто нужно немного больше времени».

«Я не могу перестать думать. Мысли одолевают меня».

В понедельник я встречалась со своими терапевтами и пробовала расслабиться. Мои мысли ежеминутно возвращались к моим рушащимся отношениям с Кей. Потом я вспомнила о Джинджер и заплакала. Джинджер была единственной в моей жизни подружкой, которая любила меня так же сильно, как я ее. А

может, и больше. У нее хватило духу написать мне то письмо, а я даже не ответила на него».

Я прикрыла глаза, мысленно перебирая каждую деталь прошлого. Нам было так весело вместе. Сумасбродная Джинджер. Она делала все, что я хотела делать, но не делала. Слезы полились снова. «Я не смогла пойти на ее похороны. Я чувствовала себя предательницей. Иногда очень трудно согласиться с тем, что ее больше нет».

Понемногу я начала свыкаться с мыслью о том, что Джинджер нет в живых, и что Кей не станет ей заменой. Несмотря на это новое восприятие, мои маленькие инсайты меня не удовлетворяли. Мне казалось, что я всего лишь скольжу по поверхности своих проблем. с другой стороны, я не считала, что мне действительно есть, что откапывать.

В среду вечером, когда я вышла из центра на улицу, моросил холодный дождь. Сырость и мрак проникали внутрь меня, затронув там нечто черное и холодное. Было такое чувство, будто нечто или некто, кого я не знаю, живет внутри меня, глядя на мир моими глазами. Привычная дорога к дому Бабетт превратилась в путешествие Алисы с Стране чудес: путь стал долгим и незнакомым, я же становилась все меньше и меньше. За изгородями вдоль тротуара мерещилось что-то жуткое.

У меня перехватило дыхание и засосало под ложечкой, будто предостерегая о некоей невидимой угрозе, скрывающейся за кустами. «Должно быть, я совсем спятила», - бормотала я себе под нос. – я не могу идти по тротуару. Как последняя идиотка, боюсь темноты. Надеюсь, никто не видит этого».

Я оглянулась украдкой. «До чего же это не похоже на пустынную Аризону» - подумала я. Дома и голые деревья все более и более напоминали мне Канзас. Дрожа от страха, я повернула за угол и поспешно зашагала к дому Бабетт, где меня ждали тепло и безопасность.

Утро четверга оказалось столь же мрачным, как и мои чувства. Хмурый мелкий дождь, казалось, шел внутри меня самой, оседая тяжким грузом на моей душе. Я запретила себе думать о своей неудовлетворенности терапией, в которой, как мне казалось, я не достигла никакого успеха. Вместо этого я пыталась сосредоточиться на показе слайдов, который я планировала

устроить за ланчем. Это были фотографии и комментарии к ним, рассказывающие историю «Больше чем друзей», на фоне спокойной музыки. Там упоминался доктор Осборн и его книга, и ему хотелось узнать, что мы говорит о нем. Я с тревогой ждала его отзыва.

Сотрудники и несколько клиентов битком набились в комнату. Прежде я лишь однажды видела эти слайды. На этот раз я не столько слушала голос, сколько смотрела на фотографии. Я обратила внимание, что Кей выглядит как прелестный подросток с очень грустным лицом. Потом я увидела вцепившуюся в куклу восьмилетнюю Мэрилин перед большим белым домом в Уичито. Я смотрела, судорожно сглотнула, потом изображение исчезло. *Откуда взялся этот страх и предчувствие беды, которые вспыхнули во мне и исчезли?* Я содрогнулась и тут же принялась вместе с другими хихикать над фотографией, где я была изображена перед окончанием школы.

Когда я медленнее, чем обычно, - шагала домой из центра, тяжесть в моей груди все нарастала и наконец превратилась в моего старого врага – астму. Меня трясло от озноба, температура подскочила до 39 градусов.

Хрипя и задыхаясь, я продолжила терапию в пятницу. Наступившие затем выходные не облегчили моих страданий. Мне хотелось отправиться в Аризону, может быть, даже лечь в больницу,

В понедельник мне не стало лучше. От лежания на ровном полу я кашляла еще сильнее, так что терапевт сунул мне под голову подушку.

«Сожалею, что со мной такое творится, - проскрипела я, - У меня уже 25 лет не было астматических приступов – с того раза, как мне давали кислородную подушку в больнице после моей свадьбы»

«Закройте глаза и попробуйте мысленно вернуться в ситуацию, когда ваша астма впервые появилась» - предложил терапевт.

К моему великому удивлению, я вдруг ощутила, что на самом деле переживаю этот первый приступ. «Мне восемь лет, - выложила я, - я прошу маму быть со мной, потому что всякий раз, когда я пытаюсь заснуть, мне видятся жуткие кошмары».

Эту фотографию я увидела на просмотре слайдов. Мне восемь лет. Я стою перед большим белым домом в Учино.

Затем я услышала, как тоненький незнакомый голос произнес: «Я ненавижу этот сон. ненавижу этот сон. Он такой страшный»

Мое сознание не управляло этими словами. Они появились непроизвольно. Голос, произнесший их, принадлежал ребенку. Это не был мой взрослый голос. Изумление и страх охватили меня, но вместе с тем – интерес и любопытство. *О чем еще собирается поведать мне этот ребенок?*

Сеанс продолжался. Мои воспоминания скользнули дальше, к летним дням после первого приступа астмы, к летнему лагерю, в котором мне не удалось побывать, и затем к загородной вылазке выпускников. «Ненавижу быть больной. Я хочу быть как все. Хочу делать то, что делают другие дети!». Я слегка застонала, и мой голос ослабел. «У меня болит голова».

Я села, пораженная тем, как быстро все стало обретать смысл. Я тотчас же принялась устанавливать связь. «Я никогда не считала себя болезненным ребенком. Похоже, я не признавалась себе в том, насколько сильно это беспокоило меня на самом деле».

Этот сеанс обрисовал картину. На протяжении своей жизни, в самых разных ситуациях, я испытывала необходимость

позаботиться о себе, - потому что у моей мамы были мигрени, потому что шла война, потому что я сама следила за тем, чтобы вовремя принимать лекарства от астмы, потому что кроме меня самой мной никто не занимался.

Теперь я знала, что будучи ребенком, я бессознательно решила быть лучшей в интеллектуальном отношении. Иного выбора у меня не было, потому что физически конкурировать я не могла. И ребенком, и взрослой я всегда отказывалась от игр, в которых не могла выиграть.

Я пришла в возбуждение от этого открытия. «Теперь я понимаю причину своей одержимости. Это все результат моей астмы». После чего довольно самонадеянно добавила: «Полагаю, теперь я могу отправляться домой, не так ли?»

Терапевт улыбнулся: «Думаю, вам лучше побыть здесь еще немного».

На следующем сеансе у меня возникли новые догадки. «Когда мне было восемь, я решила быть не тем, кем я была. Я начала подражать другим...» мой голос блуждал, подобно лодочке, сбившейся с пути.

Спокойный голос терапевта указал мне направление.

«Опишите все дома, в которых вам довелось жить ребенком. Расскажите мне о каждом, был ли это хороший или плохой дом».

Подложив под голову подушку, чтобы было легче дышать, я начала перечислять дома. Я вспоминала, какие там были обои, мебель, дизайн, размеры комнат. Я увлеченно называла каждый дом «хорошим». Но внезапно мои мысли пришли в смятение и перенеслись к дому в Уинчито – дому, который я видела на слайде во время презентации «Больше чем друзей». «Это плохой дом», - произнес голос, шедший откуда-то из глубины.

«Почему?»

переключившись, я заговорила моим обычным взрослым голосом. «думаю это потому, что именно там впервые произошел приступ астмы. Раз в неделю после обеда я ездила на автобусе на репетицию хора, еще раз в неделю брала уроки фортепьяно после школьных занятий и возвращалась домой в темноте», - пояснила я.

«Я знаю, что было темно, потому что зимой темнеет около пяти. В те дни все слушали передачи Одинокого Рейнджера, я они

начинались в шесть. Я слышала, как в домах вдоль дороги звучит увертюра из «Вильгельма Телля», и торопилась вернуться прежде, чем закончится передача.

Позже я удивлялась, как мне позволили возвращаться домой в темноте. Моя мать отвечала, что в те годы это было обычным делом. В отличие от нынешнего времени тогда еще было достаточно безопасно.

Затем я перешла к описанию следующего дома.

Ко вторнику, 9 декабря 1980 года, астма и общее переутомление довели мои физические и эмоциональные защиты. Мне было трудно дышать, и я без конца кашляла и задыхалась. На одном из сеансов, заслуживающего особенного внимания, я лежала на ковре с закрытыми глазами. Почувствовал над собой какое-то движение, я открыла глаза, и увидела, как на мое лицо медленно опускается подушка.

Про себя я подумала: «Какого черта вы делаете? Ведь вы же знаете, что я и так боюсь задохнуться. Если вы прикоснетесь этой подушкой к моему лицу, я вам так нападдам, что вы улетите в другой конец комнаты!»

Подушка накрыла мое лицо. К моему изумлению, мое тяжелое дыхание замедлилось - настолько, что мне казалось, будто я умерла.

Умерла.

Все неважно. Я мертва.

Терапевт слегка потряс меня за плечо. «Мэрилин, Мэрилин, что происходит?»

Незнакомый голос вынырнул из смутного мрака внутри меня: «Я мертва».

Терапевт хотел убрать подушку с моего лица, но я ухватилась за нее и притянула обратно. *Мне было нужно оставаться мертвой. Что-то случилось, что-то ужасное.*

Он накрыл мое тело еще одной большой и длинной подушкой. Мои губы растянулись в умиротворенной улыбке. *Я в гробу. Мое тело покоится на гладком, прохладном атласе его обивки.*

Моя рука коснулась моего лица, и я расплакалась.

«что случилось?» - осторожно поинтересовался терапевт.

Женщина касается моего лица на похоронах. Ей грустно, потому что я умерла. Мне плохо, потому что она плачет из-за меня». Внезапно наступили темнота и безмолвие. *Я зарыта глубоко под землей в своей могиле.* Голос - не громче шепота - произнес: «Здесь тихо и спокойно. Слез больше нет. Мне здесь нравится. Я хочу остаться».

Ураган ворвался в мое сознание, беспорядочно разбросав мои мысли. Я задыхалась от ощущения, что я не просто мертва - я вообще перестала существовать. Я всегда считала, что умереть означает «выйти из тела и водвориться у Господа». Сейчас же смерть означала прекращение существования. Сейчас меня не было нигде. Ни на небесах. Ни в аду, нигде. Меня не было.

Терапевт убрал подушку. Сеанс закончился, но не внутри меня. Я была рада двухчасовой передышке до начала вечернего группового занятия.

Услышав о пережитом мною несколько часов назад, другой терапевт провела меня к себе. Я легла на ковер, и она с головой накрыла меня простыней. Тотчас я вновь ощутила себя мертвой и похороненной в гробу. Ее мягкий голос вопрошал: «Может, мы дашь «подлинной Мэрилин» проявиться и поговорить со мной?»

Тонкий детский голосок отозвался: «Нет, она мертва. Она не может говорить. У нее нет голоса. Она не может говорить».

Маленькие дрожащие ручонки прикоснулись к моему лицу, внимательно ощупывая его, словно крошечные эльфы, изучающие неизвестную страну. Руки касались друг друга, будто чужие. Тонкий голосок зазвучал напряженно, с недоверием и смятением. «Это не мои руки, и это не мое лицо!»

Мелодия в магнитофоне сменилась маршем, звуки которого заполнили комнату наводя на меня еще больший страх. «Ой – Ой, солдаты! Я вижу их ботинки и военную форму. Они маршируют по моей могиле! Но я не почувствую боли и не испугаюсь, потому что они не знают, что я здесь. Я очень глубоко под землей. Даже если они сумеют меня найти, они не смогут сделать мне больно, потому что у меня больше нет чувств. Я мертва».

Музыка грохотала на полную мощь, и голосок кричал в ужасе: «Это война! Это война! Падают бомбы! Смотрите! Одна из них разворотила дыру на моей могиле!» мое тело словно взлетело на воздух, выброшенное из разрытой земли.

«Сейчас я наверху». Мои пальцы ощупали ковер вокруг. «Земля черная и грязная. На деревьях нет листьев» на мгновение я умолкла, страх ослабел от новой мысли: «Теперь я совсем одна. Солдаты ушли».

Затем уже где-то вдали, я увидела их вновь. «Они смотрят на меня и хохочут. Это не люди. У них марсианские лица с вытарашенными глазищами!».

У ставилась на простыню мой голос снова зазвучал нормально и я умоляла терапевта: «Господи, что со мной происходит?»

Она выключила музыку и сняла с меня простыню. «Мэрилин, с вами в самом деле что-то происходило в детстве. Но ваше время подошло к концу. Сейчас мы должны остановиться».

«Остановиться? Как я могу остановиться? Я чувствую, как что-то находит на меня, а я даже не знаю, что это?»

«вам нужно позволить себе выяснить, что это. Посидите в офисе доктора Осборна и запишите все, что будет приходить в голову. Возможно, вы обнаружите что-то еще».

Я была смущена и не могла пошевелиться. Тело казалось безвольным и тяжелым. Я едва доковыляла до приемной доктора Осборна. Добравшись туда, я даже не потрудилась включить свет. Сквозь два больших окна проникало достаточно света от уличных фонарей и проезжающих машин, чтобы видеть предметы.

Я села на диван, сбросила туфли, и легла навзничь, с желанием провалиться в кожаные складки дивана, чтобы спрятаться от правды. Мне было известно, что некоторые женщины, обратившиеся к доктору Осборну, обнаружили, что они были жертвами инцеста. «Прошу Тебя, Боже, только не это».

Мои руки стиснули подушки дивана. Стараясь собраться с мыслями, я принялась мысленно перебирать всех мужчин и своей родне. С облегчением я поняла, что ни один из них не причинил мне вреда. Я закрыла глаза, припоминая всех парней, с которыми я когда-либо встречалась. Ничего.

Но страх не исчезал. Он рос. Из гущи смутных воспоминаний, словно из темной ямы, дрожащий голос испуганной маленькой девочки произнес: «Тот дом, тот дом, тот плохой дом! Идет война. Солдаты, солдаты, тот плохой дом! Ой! Ой-ой!»

И тут прорвалось. Вулкан, бурливший и клокотавший во мне столько лет, вдруг извергся с невообразимым звуком, сотрясая воздух. Абсолютный, вопиющий, обнаженный ужас. Меня рвало им. Я задыхалась. В голове взорвалась бомба, через раскалывался на куски.

О, Боже. Это произошло со мной.

Это случилось со мною тогда, и теперь это происходит со мною снова! Боже, не дай этому случиться со мной! Нет, нет, только не я!

В темноте я почувствовала, как отвратительные руки сжимают меня как в тисках. огромные лапы хватают меня, заламывают мне руки за спину. «Не надо, пожалуйста, вы делаете мне больно!»

Незримые силы с нечеловеческой жестокостью хватают мое тело и швыряют его с дивана на кофейный столик. *Что происходит? Что со мною происходит?*

Мое тело было целиком во власти воспоминаний, вырывающихся наружу с неуправляемой яростью. Я согнулась пополам, вспомнив пинок, который пришелся мне в живот. Я покачнулась и упала. Пытаясь подняться, я получила новый удар ногой. *Я не могу убежать. Я не могу спастись от ботинок, от ударов по моему телу.*

Мне всего восемь лет. Мне всего лишь восемь! Не надо, я такая маленькая. Помогите мне кто-нибудь! Я такая маленькая!»

Пронзительный вопль женщины и ребенка?

«Помогите мне, кто-нибудь!»

6. коробка карандашей

на мой крик сбежались люди. Какой-то мужчина бросился отыскивать терапевта.

Откуда-то я услышала мягкий голос: «Это Пит. Я здесь». Его рука осторожно коснулась меня. Как непохоже было это прикосновение на ту боль, которую я только что испытала! Но уже через мгновение я заметалась по комнате, опрокидывая и круша все вокруг.

Пытка продолжалась еще несколько часов, пока мое тело выпускало на волю свою ужасную тайну. Я носилась по комнате, натываясь на стены, забираясь под стол, прячась в углах, прыгая по стульям.

Я вспомнила все или почти все. Восьмилетней девочкой я возвращалась домой то ли с хоровой репетиции, то ли с музыкальных занятий, и зачитавших в автобусе, пропустила свою остановку. Оказавшись в незнакомой части города, я бродила, пытаюсь выбраться в знакомые места.

Чьи-то огромные руки из-за темной изгороди сгребли меня, грубо и внезапно, и как стальные обручи сжали мое тело. Солдаты – орава солдат – глумливо ржали, предвкушая мерзкую забаву. Они швыряли меня друг другу и роняли. Ботинки игриво пинали съезжившийся комок.

В воздухе раздавались мои иступленные крики. «Я такая маленькая! Помогите мне хоть кто-нибудь! Мне всего восемь! Всего восемь!» тоненький голосок отчаянно умолял: «Не надо, не надо, вы делаете больно моей руке! Не надо делать мне больно!»

Я не могу подняться, мне некуда укрыться. Я не могу убежать от них,

Я отшатнулась и упала. Еще пинок. Они считают, что это весело. Мне так страшно, а они считают, что это игра!

Пятна света, руки, ноги, униформа смешались с моей голове. Ползая на коленях, пытаюсь выбраться из сужающегося круга, я протянула руку и коснулась блестящих носков солдатских ботинок. «Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять..»

Дрожащая маленькая девочка заверещала, как раненый заяц посреди стаи волков.

Отвратительные ручищи держали меня за руки и за ноги, пока другие срывали с меня одежду, швыряя ее на соседние кусты.

«Перестаньте, прошу вас, перестаньте. Что вы делаете? – молил надрывный голосок.

Уличный свет на пустыре отражался в блестящих пуговицах и медалях, украшавших огромные, нависшие надо мной фигуры. Четверо вцепились в мои руки и ноги, растянув меня наподобие жалкой голы буквы Х. Тяжелые туши уселись на мои ноги, прижав их к обледенелой земле.

Вдруг я перестала быть частью происходившего. Я была высоко на вершине дерева, и смотрела вниз на жуткую сцену. Мужчины, встав вокруг, хохотали и передразнивали жалкую маленькую девочку, чье белое обнаженное тело так странно смотрелось на черной замерзшей земле.

Солдаты резко запрокинули мне голову назад, и я увидела деревья, где я парила какую-то долю секунды назад. «На деревьях нет листьев», - подумала я, будто и они предали меня. Безжалостные пальцы схватили меня за волосы, пытаюсь удержать мою дико мотающуюся голову. «Тихо, девочка, не то тебе в самом деле будет больно»

Что-то мерзкое ткнулось в мое лицо.

«Я не могу дышать! Я не могу дышать!»

они насильно открыли мне рот. Какой-то огромный предмет втиснулся мне в рот, извергая отвратительную на вкус жидкость в мою глотку. Давясь и задыхаясь, я пыталась выплюнуть ее.

Я умираю. О, Боже, помоги мне. Не дай мне умереть. Мне так страшно. Пожалуйста, пожалуйста, Боже. Не уходи от меня.

Свет фар проезжавших мимо автомобилей причинял мне боль. Автомобили с людьми. Они не станут слушать моих криков и не захотят прийти на помощь. *Я очень плохая девочка. Если бы я была хорошей девочкой, кто-нибудь наверняка помог бы мне.*

Неистовые возгласы поощрили следующего нападающего. они выкручивали маленькое восьмилетнее тело, заставляя его принимать гротескные позы. Тошнота накатывала на меня бесконечными волнами.

Миленький Божже, дай мне умереть! Я этого не вынесу. Я до смерти задыхаюсь. Это так больно! у меня нет сил сопротивляться. Я не могу пошевелиться и больше не могу кричать.

Затем, собрав оставшиеся силы, я предприняла последнюю попытку оказать сопротивление и тотчас получила удар и потеряла сознание. Меня поглотила безучастная темнота.

Минуты казались часами. Когда я очнулась, было тихо. Медленно, очень медленно я пошевелила головой.

Лежа ничком на ковре, я прошептала: «Я мертва, мертва. Солдат больше нет. Боли больше нет. Ужаса больше нет, криков больше нет. Только тишина и покоя, если я заползу под этот куст, то умру. На мне нет одежды. Мне очень холодно».

Другой новый голос, произнес: «Тебе надо идти домой. Твои мама с папой будут за тебя волноваться».

Тоненький голосок произнес с укором: «я уже мертвая. У меня больше нет никаких чувств. Оставь меня в покое. Не видишь разве, что я мертвая».

Спустя несколько минут меня охватил пронизывающий холод и настоятельная потребность отыскать свои туфли. «Надо встать и идти домой».

Я принялась упорно искать свои туфли. Обессиленная и увязшая в причиняющих боль воспоминаниях, я шарила руками, дюйм за дюймом, ползая туда – сюда в темной комнате, тщетно отыскивая свои туфли.

Почему никто не придет и не поможет мне? Должно быть потому, что я слишком грязная, и противная, им неприятно смотреть на меня. Я не хочу, чтобы они пришли и нашли меня сейчас. Нельзя, чтобы кто-то увидел меня в таком виде. Я испорченная, я очень плохая. Я очень устала, сейчас я не могу идти домой. Если я приду домой босая, мама узнает, что я была плохая. Я никогда никому не смогу рассказать о том, что случилось. Мама станет плакать, а папа рассердится. Я хочу просто умереть. Я очень плохая.

Огромный офисный стол превратился в изгородь их кустарника. Дюйм за дюймом я вползала под него. Я должна спрятаться, чтобы никто не сумел меня найти.

Чужие пальцы моей руки коснулись моего лица. Слезы. Кто-то плачет. Не реальная женщина, а какое-то существо женского пола. Это та дама, которая плакала на моих похоронах сегодня днем. Она взрослее и решительнее меня, но это не мама. Она не скажет: «Ты плохая». Она позаботится обо мне.

Я поглаживала рукой лицо, в то время как существо женского пола обращалось к испуганному ребенку. «Бедное, бедное дитя. Только посмотри, что они с тобой сделали! Ты потеряла свои туфли. Тебе надо найти их, встать и пойти домой. Твои мама и папа будут беспокоиться. Тебе надо домой»

Почему она не оставляет меня в покое. Ведь она знает, что я мертва.

Начало происходить нечто невероятное. Я больше не была в своем теле, а держалась в стороне. Словно теперь я разделилась на три отдельные личности: наблюдающую женщину, покровительствующее лицо женского рода и восьмилетнего ребенка.

Я видела, как существо женского пола внимательно оглядело мою безжизненную детскую фигурку и взяло только мою голову, поскольку именно там помещались все мои чувства. Выбор был сделан: уничтожить сущность Мэрилин Рей, сосредоточие моего бытия. Страшное решение, но необходимо похоронить ребенка, чтобы тело могло продолжать жить.

Положив мою голову в маленький стальной ящик, существо пересекло пустырь, где произошло нападение.

Оно положило ящик в ямку и засыпало его землей и камнями, укрывая его от глаз. «Не плачь, малышка. Больше тебя никто никогда не обидит. Ты больше никогда ничего не почувствуешь. Я выкопаю могилу так глубоко, что солдаты, даже маршируя по ней, не смогут тебя увидеть. Но даже если они и увидят тебя, они никогда, никогда не смогут вновь причинить тебе боль, потому что ты мертва. Я похоронила все твои чувства глубоко-глубоко. Только не забывай, что ты должна оставаться мертвой и никогда ничего не чувствовать. Чувствовать – это больно. Я не дам тебе вновь ощутить боль, ни в коем случае!»

Я снова и снова принималась ковырять пол в офисе, засыпая землей ту могилку, где я похоронила своего плачущего, обиженного ребенка.

В конце концов мое сознание содрогнулось и распалось на части. Я стала эти плачущим, обиженным ребенком, лежащим в своей могиле. «Мне нравится в моем ящике, в моей могиле. Здесь тихо и уютно» - настойчиво твердил ребенок. – «Так спокойно. Ни боли, ни слез, ни ужаса»

Этот маленький ребенок посмотрел вверх и увидел существо женского рода, которое разыскивало мои туфли. Через пару секунд оно подошло к могиле с туфлями в руке.

«Смотри, - она снимает одежду с изгороди и надевает на мое тело. Она вытирает мое лицо и руки снегом. Она приглаживает мне волосы и надевает мне на голову мою шапку. А теперь она втискивается в мое пустое тело! Мое тело с моими туфлями на ногах выбирается из могилы».

Незнакомое существо женского рода сделало передышку, потом распрямило детское тельце. Затем оно неторопливо поднесло мои руки к моему лицу и провело пальцами от уголков рта к скулам, прилаживая улыбку. Улыбку, которая следующие тридцать шесть лет будет моей постоянной маской – подобно маске смерти на античной могиле.

Она оставляет меня!

Восьмилетнее дитя осталось одно в безмолвной черноте своей могилы. Но покоя больше не было.

Я плохо вела себя сегодня вечером. Думаю, я недостаточно плохая, чтобы попасть в ад. Но теперь я недостаточно хорошая, чтобы попасть на небеса. Должно быть, я очень плохая, потому что Бог не захотел послать мне кого-нибудь на помощь. Я была такой грязной и противной, что даже Он не хотел смотреть на меня. Он просто отвернулся и смотрел в другую сторону.

Ребенок подумал еще немного. *Бог говорит, что лучшее, что Он может для меня сделать, это стереть меня. Он просто поднял Свою огромную руку и провел ею по мне, как стирают тряпкой со школьной доски. Он просто стер меня! Я не существую. У меня больше нет чувств и нет души.*

Я покачала головой, по лицу текли слезы, рыдания душили меня. «этого не может быть. Этого не может быть! Такую страшную травму невозможно вычеркнуть из памяти. должно быть, я все это выдумала. Моя память всегда была предметом

моей гордости. Я ни за что не забыла бы чего-нибудь столь важного».

Слова лились вперемешку со слезами. Терапевт доктор Питер Дэнилчак слушал. Он не высказывал никаких суждений, и не торопил меня. Он дал воспоминаниям выговориться. На сегодняшний день в меня было достаточно этой травмы. Он не хотел ее усугублять.

Около полуночи доктор Дэнилчак усадил меня в свою машину и отвез обратно к Бабетт.

Бабетт, которой не в диковинку было заботиться о многих глубоко травмированных людях, осторожно уложила меня в постель. Как только моя голова коснулась подушки, у меня стали вырываться произвольные вопли. Ужас вновь со всей силой овладел мной. Я рвала ногтями простыни, яростно пытаюсь освободиться. Бабетт навалилась на меня сверху, не давая разнести комнату. Несколько часов спустя мои вопли и сопротивление перешли в жалобное хныканье. Еле слышным задыхающимся голосом я предложила Бабетт лечь спать на соседней кровати. «Думаю, со мной все будет в порядке. Только не гасите свет».

Бабетт спала, а я сидела на постели, застыв как статуя. *Боже милостивый, неужели это на самом деле со мной случилось!*

Начало светать, и во мне родилась новая просьба: «Господи, пожалуйста, скажи, что ничего этого не было. Дай мне хоть что-нибудь, чтобы я могла быть уверена»

Дрожащей рукой я дотянулась до своего дневника, намереваясь излить поток чувств, который по-прежнему меня переполняли. Зажмурившись, я принялась медленно водить карандашом по странице. Когда я открыла глаза, моему взору предстали детские каракули: «Я не умею писать. Мне всего восемь». Карандаш выскользнул из моей руки и со стуком упал на пол; сердце заколотилось где-то в горле.

«Не может быть», - простонала я жалобно, в очередной раз залившись слезами. «Неужели мне в самом деле только восемь? У меня есть муж, семья, «Больше чем друзья», и много людей, которые рассчитывают на мою поддержку? Господи, надеюсь, мы не собираешься оставить меня восьмилетней?»

я наклонилась и подобрала карандаш. С огромным напряжением я выводила буквы алфавита – большие загогулины. Дойдя до буквы «М», я отважилась написать свое имя. Слово «Мэрилин» тоже получилось большим и неуклюжим. Да, кстати, как же с фамилией? Я впала в смятение. «У меня нет фамилии. Мэрилин Мюррей уже не существует, а Мэрилин Рей умерла».

Я стала выписывать «Рэй», но рука безвольно упала, протаскивая карандаш вдоль страницы. *Я не существую. Меня нет.* Я бросила карандаш на колени и закрыла лицо руками, ошеломленная вставшей передо мной реальностью.

Грядущий терапевтический сеанс внушал мне опасения. И в то же время я ждала его с надеждой. Меня пугала истина, предстающая моему скептически настроенному «Я», но одновременно я жаждала очиститься от уродства, которое прятала внутри себя столько лет.

Сеанс длился семь часов. Отвратительные действия солдат обрушивались на меня с яростью, которой я не могла предугадать. Я была потрясена, шокирована и доведена до изнеможения. Мысль о том, что отныне существуют три совершенно разные «Мэрилин», повергала меня в ужас. Пытаясь рассказать доктору Дэнилчаку о том, что я разваливаюсь на части, я с трудом подбирала слова, излагая вперемешку мысли и чувства взрослого человека и восьмилетней девочки.

«Мне кажется, что когда я была создана, это был Естественный ребенок. Когда произошло нападение. Я превратилась в Плачущего обиженного ребенка. Затем, чтобы выжить, чтобы выжить, я стала Контролирующим ребенком. Он похоронил двух предыдущих и сказал: «Больше никаких чувств!» затем он отнес мое тело домой и со временем вырос в «большую Мэрилин» - ту даму, которая привела меня сюда.

«Мой Контролирующий ребенок не был рожден в подлинном смысле этого слова. Он пришел только для того, чтобы помочь мне, защитить меня. Мой Естественный ребенок, который воплотился во мне при рождении, исчез, когда мне показалось, что Бог стер мою душу. Он был погребен вместе с моим Плачущим ребенком. Но теперь, впервые за тридцать шесть лет, мой Естественный ребенок получил мое тело обратно!»

в тот вечер мой Естественный ребенок проявил упрямство в разговоре с Бабетт. «Я не хочу возвращать свое тело большой Мэрилин! Я знаю, что она сохранила мне жизнь во время нападения. Из-за нее я жила счастливо, не ведая и не вспоминая о страшном событии и не пугаясь мужчин, солдат или темноты. И все же я немного сержусь на большую Мэрилин. Ведь я хотела умереть. Тогда все было бы намного проще, но она напустила этого!» Я надувала губы, возмущаясь, как восьмилетняя девочка.

«Наконец-то мое тело снова у меня, и я не намерена его отдавать. Оно мое. Я родилась с ним и не позволю ей отобрать его!». Мои руки радостно ощупывали и обнимали мое тело.

Моя взрослая Мэрилин, казалось, была поражена появлением этой маленькой упрямыцы. Я всегда считала себя уступчивой и сговорчивой. Теперь я начала понимать, откуда взялась моя постоянная потребность в контроле.

В четверг утром я проснулась в нетерпеливым желанием добраться до центра и поговорить с доктором Дэнилчаком. Болезненные воспоминания, казалось, не иссякнут никогда. Пытаясь укрыться от них, я взяла свой дневник и стала упражняться в написании алфавита. Когда в кухню вошла Бабетт, я пояснила: «Делаю домашнее задание, чтобы показать его доктору Дэнилчаку, как будто он мой учитель».

Позднее, во время сеанса, я спросила у него: «Это ничего, что я так и продолжаю оставаться восьмилетней? Сейчас мне не под силу оставаться большим».

«ничего, все в порядке», - успокоил он меня.

Но, несмотря на его поддержку и заверения, я все равно съезжала обратно в «большую Мэрилин». Я беспокоилась о своей семье.

«Вы уже рассказали им? Никто не поймет этого. Для них это будет такой удар».

Доктор Дэнилчак ответил: «Сегодня я позвонил вашему мужу».

Мне стало дурно. «Я должна была ехать домой в субботу, но разве теперь это возможно? Но я должна быть там. Моему внуку Бижею исполняется год. В воскресенье у нас соберутся гости, которые приедут из другого города. Дом будет полон людей –

более сотни человек. Уже разсланы семьдесят приглашений на праздничный ужин на неделе перед Рождеством»

Доктор Дэнилчак перегнулся через свой блокнот, чтобы прикоснуться к моей плечу. «Я возьму это на себя. Сейчас все ваши силы и ресурсы должны идти на то, чтобы заботиться о себе».

«Но как же быть с Рождеством?» - причитала я. – «Не могу же я испортить всем праздник. Сомневаюсь, что восьмилетняя девочка сможет со всем этим справиться».

«Ни о чем не беспокойтесь. Сейчас ваш черед бездельничать и предоставить другим заботиться о вас».

На следующей неделе начали происходить поразительные вещи. Мои вкусовые пристрастия изменились. Мне больше не хотелось артишоков, которые я купила в день своего приезда. Я отдавала предпочтение тому, что мне нравилось в детстве, - молоку, крекерам, ореховому маслу и меду. Одновременно я стала терять в весе. Моя фигура изменилась, превратившись в худощавую и по-детски угловатую: тонкая талия стала несколько шире, а некогда полные бедра похудели. Даже волосы под мышками и на ногах перестали расти.

Я больше не носила бюстгальтер и не морочила себе голову косметикой или украшениями. При мысли о том, чтобы сесть за руль, я впадала в панику, так что Бабетт приходилось возить меня повсюду. Я настолько привыкла полагаться на себя и заботиться обо всех, что испытывала раздражение, оказавшись в состоянии, когда необходимо надеяться, что о тебе позаботятся другие. Но маленькая девочка внутри меня настаивала на то, что ей «только восемь», и ей не было дела до того, какие трудности это доставляет другим.

Набравшись храбрости, я обратилась к Бабетт: «Мне бы очень хотелось чем-нибудь заняться».

«не отправиться ли нам в магазин игрушек?» - предложила Бабетт.

В магазине я осмотрелась, выбирая, что мне нужно. «Я бы хотела эти раскраски и ту большую коробку карандашей. Я возьму пропись, чтобы упражняться в письме, и учебник математики. У меня всегда были с этим проблемы».

«Может, хочешь какие-нибудь книги для чтения?» - спросила Бабетт.

«Да, очень! Я люблю читать».

Бабетт отвезла меня в библиотеку и подобрала для меня несколько книжек в разделе детской литературы.

Вскоре у меня установился определенный распорядок дня. Я по-прежнему боялась ходить полмили пешком до центра, поэтому ехала на машине Бабетт, когда та отправлялась на работу около восьми, а около пяти мы вместе возвращались домой. Четыре часа в день или больше я проводила на терапевтических сеансах, а остальное время сидела на кухне, раскрашивая картинки или выполняя «домашнее задание».

Первые дни я стеснялась того, что я, сорокачетырёхлетняя женщина, вместо сумки таскаю с собой раскраски и хрестоматию для третьеклассников. Иногда некоторые из клиентов приходили на кухню, чтобы вместе посидеть и порисовать или просто побыть со мной, когда мне было страшно и я плакала. Мало-помалу я начала привыкать к восьмилетнему ребенку внутри моего взрослого тела.

Я неустанно молилась: «Господи, неужели в самом деле это со мной произошло? пожалуйста, подтверди как-нибудь, что это правда». Моя жизнь представляла собой огромную головоломку «пазл», которую опрокинули картинкой вниз и смешали с беспорядочную кучу. Каждый день я переворачивала несколько кусочков и пыталась угадать, куда они подходят. Куски неба, дерева, земли. Все они были свалены в ужасном беспорядке.

В один из таких дней мне припомнился мой прошлогодний визит ко врачу. Врач, пытаясь отыскать причину моей головной боли, сделал рентгеновский снимок. Он указал мне на затемнение в основании черепа, спросив, каким образом я получила эту контузию.

«Но у меня никогда не было контузии», - возразила я.

«Такой удар невозможно забыть. Судя по всему, вы упали или попали в аварию».

«У меня превосходная память. Ничего подобного со мной никогда не случалось», - запротестовала я.

Я рассказала доктору Дэнилчаку о рентгеновском снимке. «Затемнение на нем – то самое место, куда пришелся удар, от

которого я потеряла сознание. Какая ирония! По-видимому, он спас мне жизнь. Наверное, мужчинам показалось, что он зашибли меня до смерти, и они оставили меня умирать».

Доктор Дэнилчак согласился: «вы можете вспомнить, каким образом маленькая девочка умудрилась добраться до дома? Что вы сказали своим родителям?»

На следующее утро я дала своему Контролирующему ребенку полную свободу. Я вновь наблюдала, как он втискивается в мое тело и натягивает на себя улыбающуюся маску. «Я иду домой и говорю матери, что зачиталась в автобусе и пропустила свою остановку. несколько минут я играю с новорожденной сестричкой, а потом поднимаюсь в ванную. Я моюсь и надеваю длинную фланелевую пижаму». Мой взрослый добавил несколько соображений. « это было оральное изнасилование, а оно не оставляет ран, разрывов или кровотечений. К счастью, на мне был толстое зимнее пальто, которое смягчило удары в начале нападения, когда меня пинали и бросали в сугробы. Потом, когда с меня стащили одежду, меня держали так крепко, что я не могла бороться. Как правило, люди получают травмы, когда борются или сопротивляются. А я была не в состоянии этого сделать».

Доктор Дэнилчак коснулся моей руки: «Не так скоро. Со временем все станет на свои места»

«Возможно, у меня и были синяки, но никто не увидел бы их под свитером с длинными рукавами и рейтузами или длинными чулками, которые я постоянно носила зимой, не так ли? Вдобавок, играя, все дети так или иначе ушибаются».

Доктор Дэнилчак кивнул головой: «звучит разумно. Но я хотел бы знать, произошли ли какие-то изменения в вашей личности?»

«Конечно. Но изменения можно было приписать самым различным обстоятельствам. На протяжении восьми лет я оставалась единственным ребенком, а затем – как раз накануне переезда в Уинчиту – на свет появилась моя сестра. Наша семья трижды переезжала на протяжении девяти месяцев, каждый раз я меняла школу. Мне приходилось искать новых друзей, привыкать к новым учителям. Затем, разумеется, к этому добавилась астма, и

я подолгу не ходила в школу. Не забудьте также про мои ночные кошмары».

Доктор Дэнилчак заметил: «Во время вашего детства большинство людей не задумывались о том, что является причиной кошмаров, и им, конечно, не приходило в голову предположить насилие. Вероятно, ваша мать абсолютно не догадывалась о том, что с вами произошло».

Изо дня в день я вновь и вновь оживляла в памяти ужас нападения, и каждый раз события развивались практически в одном и том же порядке. Ежедневно то та, то другая деталь обретала особое значение. Время от времени возникали новые подробности. С каждым днем картина становилась все более отчетливой. Похоже, мои чувства, так хорошо и надежно упрятанные, теперь постоянно высвобождались

Мое тело, вспоминая физическое насилие, воспроизводило его заново. В момент начала регрессии я вскакивала с ковра, кружила по комнате и колотила стены. От истошных воплей раскалывалась голова. Горло и грудь саднили и болели от пронзительного визга и астмы. Воспоминания вызывали такое отвращение, что меня то и дело выворачивало наизнанку.

«Дома» Бабетт пеклась обо мне, как пекутся о напуганном, пережившим ужас ребенке. Иногда ей приходилось помогать мне раздеться и кормить меня, лежащую кровати, с ложечки.

В один из редких для зимы солнечных дней большая Мэрилин решила выбраться из дома. Я брела по городу, смотря себе под ноги, стараясь думать о чем угодно, только не о нападении. Я размышляла о своей теперешней семье – о Тодде, Джинджер и Мисси. *«Но ведь я слишком мала, чтобы быть замужем и иметь детей. Как никак, мне только восемь».* Я открыла дверь туристического агентства и, подойдя к стойке, заказала билет на самолет, намереваясь слетать домой на рождественские праздники. Заказ был сделан тихим, заикающимся монотонным голосом. В магазине я купила себе скакалку. Продавщица пододвинула мне чек для подписи. Я стиснула ручку и накарябала имя большой Мэрилин почерком маленькой Мэрилин. Я протянула счет продавщице, надеясь, что она не откажется его принять. Женщина взглянула на чек и

улыбнулась мне. Я повернулась и на деревянных ногах выбралась за дверь, терзаясь вопросом:

Стану ли я когда-нибудь нормальной?

7. дети ссорятся

дома в Аризоне никто толком не представлял, как вести себя со мной на Рождество. Мисси украсила вместо меня наше жилище, моя сестра Мэри Сью была хозяйкой за большим семейным ужином. Ей помогали Джинджер и моя мать. Милые сердцу традиции прошлого поблекли на фоне глубоких перемен, которые обнаруживали во мне домочадцы. Все было как раньше – отлично сервированный стол и изысканный ужин, - но захватывающие истории и нежные воспоминания сменились натужным смехом и тревожным шепотом, которые висели в воздухе, словно неуместные украшения.

Мой семейство понятия не имело, следует ли им разговаривать со мной или оставить меня в покое. Я присоединилась к ним на час или около того, а затем ушла в дальнюю комнату и легла спать. Своим тусклым взглядом, заиканием и нарочитой речью я напоминала им психически больного человека, а вовсе не ту Мэрилин, которая была главной опорой для всех членов семьи. Они пытались не замечать синяков на моих руках, оставшихся после того, как я колотила пол в комнате для терапии, и старались не смотреть на мое лицо, которое редко видели без косметики.

Я была не в состоянии сосредоточиться на окружающих. Я знала, кто эти люди, но не могла понять, как они связаны с моим телом, с моей плотью и кровью. Какой-то частью своего разрозненного ума я понимала, что этот мужчина – Тодд, мой муж. Но мысль о том, что я замужем, представлялась мне чужой.

Чужим казался и сам Годд. Мне также было известно, что я произвела на свет этих двух красивых молодых женщин, но они не были связаны со мной. Они принадлежали большой Мэрилин – той, что владела моим телом на протяжении тридцати шести лет и пользовалась им по своему усмотрению.

Общение со всеми этими людьми отнимало у меня огромное количество энергии. Я не знала, как позаботиться о себе, тем более – как вести себя с окружающими. Окружающие, для которых моя забота была обычным делом, не знали, как позаботиться обо мне.

Восьмилетняя девочка внутри меня была рада, когда пришло время лететь обратно в Калифорнию, чтобы вновь обрести безопасность единственного ведомого ей мира и его обитателей: моего врача, Пита, любящего меня и «присматривающую» за мной Бабетт. К миру за пределами этого мира я испытывала неприязнь. Он пугал меня. Мне не нравились изгороди и люди, и все прочее за четырьмя стенами моей комнаты для терапии или за четырьмя стенами в цветочек моей спальни у Бабетт.

Комната для терапии была местом, где я родилась заново, где я в конце концов вышла на свет после многолетнего пребывания в стальном ящике, в котором меня похоронили на заснеженном каназском пустыре. В течение долгих лет я отчаянно пробивалась из глубины забвения, пытаюсь сообщить большой Мэрилин о своем существовании, в надежде выбраться из ящика. Я укрылась в нем, чтобы быть в безопасности, чтобы солдаты не могли меня найти и чтобы никогда никто не спрашивал меня ни о чем. Многие годы прошли в поиске тела, которое унесла Мэрилин. Теперь, когда я вновь обрела его, мне было неприятно, что большая Мэрилин пользуется им – пусть даже на Рождество.

«Дома» в Берлингеме моей Естественный ребенок вновь поселился в моем теле, ощупывая его и удивляясь, как сильно оно выросло за тридцать шесть лет его отсутствия. Во время сеансов мой Контролирующий ребенок появлялся ровно настолько, чтобы удержать на расстоянии Контролирующего ребенка. Но мой страшно рассерженный Контролирующий ребенок изводил меня по ночам. Он продолжал устраивать мне разносы: «Я говорил тебе, что чувствовать очень больно! Не слушай Пита, слушай меня!».

Я чувствовала себя несчастной, но со мной каждый день был доктор Дэнилчак, и я слушалась его. Я воспринимала его не только как врача или учителя. Он был моим покровителем, моим другом. Он обращался со мной нежно и заботливо, в точности, как со своей собственной дочуркой.

Во время сеансов мои вопли ужаса пробуждали его собственное отцовское чувство: гнев, заботу и любовь. «Я здесь, - повторял он снова и снова, - Пит рядом, никто тебя больше не обидит».

Иногда я слышала его голос, - но никогда не ощущала его прикосновений. Он дотрагивался до меня, но я этого не чувствовала. Он успокаивал меня, как свою собственную дочь, но я словно была заключена в стальную камеру, куда невозможно было проникнуть. Я смотрела на него и плакала от неспособности что-либо почувствовать.

К середине января я вновь обрела способность разговаривать за пределами терапевтических сеансов голосом взрослого, а не восьмилетней девочки. Начался мой долгий путь к исцелению, к превращению во взрослого человека, способного ощущать все чувства, уместные и «неуместные». Я стала воспринимать эту часть себя как моего Чувствующего взрослого.

Понемногу доктор Дэнилчак стал работать с этой взрослеющей частью меня, и чем сильнее становился мой взрослый, тем глубже погружался мой ребенок. Мне казалось, что я падаю куда-то, словно Алиса в Стране Чудес, кувыркаясь, ломая и обдирая ногти, пытаюсь уцепиться за скользкие стены, найти точку опоры, чтобы остановить дальнейшее падение.

То, что узнавала, погружаясь в себя, вызывало у меня отвращение: жестокость изнасиловавших меня мужчин открывалась мне все более явно; я слышала, как они ржали, играя с обезумевшим от ужаса ребенком. Они подзадоривали друг друга мерзкими советами и воплощали их в извращенных действиях. Моя малышка, боясь умереть, упрашивала своих истязателей остановиться. Кошмар нарастал, и я решила, что боль чересчур ужасно. Я захотела умереть.

Мой вопль, обращенный к Богу, не был услышан. В последний, мучительный момент я увидела, как Бог повернулся ко мне спиной. Мое чувство собственного достоинства, растоптанное

здоровенными мужланами, умерло, когда Бог отказался от меня. Подавленная, покинутая и отвергнутая маленькая девочка склонила свою голову перед лицом смерти.

Смерть – далеко не всегда безмятежный переход в мир иной, как это описывают люди, пережившие клиническую смерть. Подчас это дикий ужас убийства – эмоционального, интеллектуального и физического распада и расщепления. Маленькому ребенку нелегко принять решение умереть. Как человек принимает решение умереть?

Когда телесная рана причиняет невыносимую боль, разум и тело впадают в шок, чтобы уберечь себя от страха грозящей смерти и сохранить силы для последующего исцеления. Таким же образом впадают в шок и эмоции. Они разделяются на части и создают вместо предыдущей личности – новую личность, которая и принимает на себя руководство. маленькая девочка, корчащаяся на земле, доведенная до грани безумия, нашла в себе силы уничтожить не только свои эмоции – умереть не физически или интеллектуально, но лишь в эмоциональном отношении.

Умереть физически – значит заставить свою мамочку плакать. Умереть интеллектуально – не лучший выбор для ребенка, которого всю жизнь воспитывали быть умным. У маленькой Мэрилин Рей оставалась единственная возможность – умереть эмоционально, позволив кому-то другому жить и дышать вместо нее.

Расщепление произошло с невыносимой болью. Я разорвалась на части, и острые края разрыва кровоточили: Плачущий обиженный ребенок и Естественный ребенок были похоронены, а Контролирующий ребенок заступил на их место, оставив мои остальные части в неглубокой могиле.

Чем больше подробностей мне открывалось, тем глубже я проваливалась в бездну своего бессознательного. В течение нескольких дней я работала, оставаясь на определенном уровне интенсивности своей боли, пока мы с доктором Дэнилчаком не приходили к убеждению, что этот уровень уже исчерпан. Когда он уходил на перерыв, я отдыхала в комнате для терапии. И внезапно ощущала, что пора спуститься на новый, более глубокий уровень. Я словно видела руку Божию, которая писала на потолке послание мне, - настолько это было отчетливо. Каким-

то чутьем я заранее угадывала, какой эпизод изнасилования мне предстоит пережить следующим.

В ожидании доктора Дэнилчака я часто слушала музыку, черпая новые силы в словах и мелодиях. Это были кассеты, которые мне дали послушать другие пациенты: старые песни, новые песни, песни с текстами из Писания, песни из моего детства. Однажды я обнаружила песню, которая пленила меня, когда я была еще ребенком – песня Джинджер, песня, которую мы вместе пели с Кей, песня, которая пронзительно отзывалась в моем сердце всякий раз, когда я слышала ее, - «Тебе не идти одному».

Слова песни перекликались с моими воспоминаниями: маленькая девочка, бредущая сквозь тьму, уговаривающая себя не бояться, внезапное нападение, насилие и беспомощность, ее мольбы о пощаде и ее неверие.

Как нескончаемый поезд, мой гнев сошел с рельсов, пронзительно крича: «Нет! Я была одна в этой темноте! Я шла совершенно одна, Бога там не было. У меня была надежда. Я доверяла Богу, но Его там не было».

Я схватила мягкую игрушечную битку и шмякнула ее о стену. Слезы хлынули у меня из глаз. Эта песня! Она всегда погружала меня в черноту, которую я никогда не могла описать и которая всегда причиняла мне страшную боль. Теперь я знала, почему.

Я шла домой в темноте, но Бога со мной не было. Я была одна, потому и подверглась нападению. Еще один из пазлов – частички головоломки – вставал на свое место.

Каждый день, на исходе долгих часов терапии, доктор Дэнилчак протягивал свою руку в бездну и вытягивал меня на невидимый уступ. Он пытался вытащить меня целиком, но это было невозможно. Так что он подтягивал меня вверх, насколько это ему удавалось, и устраивал на выступе на ночь. Там, на холодном каменном выступе, я лежала, дрожа в темноте. Время от времени какой-то очень яркий огонь подбирался к моим глазам, внушая мне страх. Затем он исчезал.

Каждую ночь я засыпала на черном уступе и там же просыпалась каждое утро. Как только доктор Дэнилчак входил в комнату для терапии, я просто ложилась на ковер, начинала

глубоко дышать, и вот я уже снова не держалась за выступ, а проваливалась все глубже и глубже в мои воспоминания.

Снова и снова я умоляла его сказать мне, что ничего подобного со мной не было, что я просто сумасшедшая. Он заверял меня, что мои эмоции подтверждают реальность происшедшего. Если бы я все это выдумала, мысли о случившемся не вызывали бы у меня столь сильных чувств. Они не могли бы вызвать такого потрясения, от которого я то сжималась в комок, то металась по комнате, то кричала или принималась плакать.

Из дня в день я узнавала о нападении нечто новое. Как несколько поездов сцеплялись друг с другом. Словно множество раз просматриваешь один и тот же фильм, обнаруживая нюансы, прежде не замеченные. Фильм не меняется, и подробности остаются прежними. новое восприятие возникает благодаря новым оттенкам. Пазл перестал быть просто набором разрозненных деталей, соединенных наугад. Теперь я находила детали (Я назвала их «Ага!» - детали), которые увязывали отдельные части в общий рисунок. Картина становилась отчетливой и узнаваемой.

Многие вещи находили объяснение в свете травмы, полученной мной в восьмилетнем возрасте в переживаемой теперь заново: моя неутолимая потребность покупать себе новые туфли, которых у меня набралось не менее сотни пар. Я поняла, что это стало компенсацией паники того катастрофического дня, когда мне нужно было отыскать свои туфли, чтобы вернуться домой. Стало понятно и смещение кости в основании черепа, происшедшее в результате сильнеешего удара.

Мое бессознательное использовало тело, чтобы рассказать о происшедшем моему сознанию: астма, которая началась в ночь после нападения, воспроизводила кашель и удушье в момент орального изнасилования, головные боли возникали из-за того, что во время изнасилования мужчины удерживали меня за волосы; боль в ногах...я вспомнила, как мне иногда было трудно подобрать школьную форму. Я пробовала играть в теннис, бегать трусцой, кататься на водных лыжах, но безрезультатно. Во время изнасилования мои ноги, прижатые к промерзшей земле, затекли и

оцепенели. Ноги изменили мне – они не смогли убежать, чтобы спасти меня от этого кошмара.

Более всего я хотела оказаться сумасшедшей. Я жаждала, чтобы все это оказалось выдумкой. Но я никогда не смотрела «неприличные» или «страшные» фильмы. Насилие, жестокое обращение или сексуальное нападение никогда не попадались мне ни в книгах, ни в кино. Телевизор я почти не смотрела. Вместо него я зачитывалась книгами о духовной жизни. Я хотела убедить себя в том, что просто где-то увидела или услышала о подобном изнасиловании и извращениях, и теперь воссоздаю их в своем сознании. Но это было не так.

Это казалось какой-то чушью. Мне хотелось, чтобы это было чушь. Это было чересчур пугающим, чтобы казаться правдой. Как я посмотрю в лицо моим родителям? Как я расскажу им о том, что случилось? *Мамочка станет плакать, а папа разозлится.* Всю жизнь я старалась уберечь мать от боли. Моей маме довелось увидеть, как ее собственная дочь погибла при пожаре. *Не огорчай большие свою мамочку. У нее болит голова. У нее грудной младенец. С нее хватило забот во время войны, когда она одна заботилась обо всех в большом доме. Не добавляй ей новых хлопот.*

И – Бог. Какого черта делал Бог? *Почему Он не пришел меня спасти? Почему Он не пришел помочь мне? Он был очень занят в другом месте? Или я была такой плохой, что Богу было противно даже смотреть на меня? Богу не было до меня дела. Я не нравилась Богу. Он стер меня.*

Мне было нелегко дать волю гневу по отношению к моим истязателям. Для начала я позволила себе почувствовать, какой была бы моя реакция, если бы на моем месте оказалась Джинджер или Мисси: и я с успехом представила, с какой свирепостью я защищаю своих детей. Однако прошло несколько месяцев, прежде чем я смогла взять в руки ракетку и избить ею ковер в комнате для терапии, защищая своего Плачущего обиженного ребенка.

Ежедневно я боролась с собой, пытаюсь решить продолжать или бросить. И каждый день я решала, что должна сделать это ради той маленькой храброй девочки, которая отважилась выжить. Ей непросто было постоять за себя, чтобы остаться живой в

восемь лет, и она сделала это в одиночку. Теперь я могла поддержать в ней жизнь. Теперь мы были не одиноки.

Сведенные до минимума контакты с внешним миром осуществлялись через почту и телефон. Телефонные переговоры оказались для меня делом нелегким. Я знала, что Тодду и семье необходимо слышать мой голос, но зачастую я быстро сворачивала беседу. Каждый день в центре меня дожидалось множество предназначенных мне открыток: среди них обязательно была одна от моей сестры Мэри Сью и, как правило, - письмо или открытка со словами любви от матери. Остальные приходили от других членов семейства, «Больше чем друзей», друзей из церкви, покупателей из галереи. Проявления их любви и заверения в том, что они молятся обо мне, помогли мне удержаться на своем выступе и не свалиться в вечное забвение.

Мое ежедневное погружение в бессознательное происходило в темноте. Я давно не видела солнечного света. Единственной моей реальностью стали доктор Дэнилчак, Бабетт, четыре голых стены и ковер, на котором я никогда подолгу не задерживалась.

Одновременно жизнь моей семьи пришла в не меньшее смятение, чем моя собственная. Мало-помалу я стала ощущать, что у Тодда остается все меньше желания и готовности поддерживать и воодушевлять меня в моем исцелении. Разговаривая со мной по телефону, он все настойчивее предлагал мне вернуться домой. Похоже, его расстраивало, что его жена из высшей степени компетентной женщины, способной организовать что угодно и добиться при этом успеха, превратилась в женщину, которая раскрашивает картинки и читает книжки для третьего класса. Красноречивый оратор, организатор женских групп, художественных выставок и церковной деятельности стала теперь замкнутой особой, которая разговаривает голосом испуганного ребенка, с трудом подбирая слова. Прежде чувственная женщина теперь избегала его прикосновений, не скрывая своего страха. Я догадывалась, - он считал, что теряет своего партнера, с которым проработал вместе двадцать четыре года, человека, который держал в руках все хитросплетения финансовых операций, свою любовницу, своего повара и мать своих детей.

Вынужденный взвалить полную ответственность за галерею и семью на свои плечи, Тодд оказался заброшенным в непонятный

ему и сложный мир. Я узнала, что когда он обратился за помощью к друзьям, некоторые из них подстрекали его отправиться в Калифорнию и вернуть жену силой. Они твердили, что мое место дома, возле него, и я должна давать ему все, в чем он нуждается. Похоже, говорили они, этот терапевт не ведает, что творит. Все, что мне нужно, это вернуться в Скотстдейл, где мне будет достаточно заботы моих близких.

Многие люди в нашем консервативном мире не верили психологам, психиатрам и всем прочим, кто претендовал на знание того, какие тайны сокрыты в их головах. Они не верили в существование тайн, неподвластных рассудку. На их взгляд, не существовало такой боли, которую не мог бы исцелить Бог. Они свято верили, что врачи медики призваны лечить телесные раны, но при этом многие были убеждены, что во «врачевателях души» нет необходимости. Их прекрасно заменяли молитвы и Писание.

На остальных домочадцев несомненно сказывался стресс, вызванный моим отсутствием. В свои восемнадцать Мисси подумывала бросить колледж, чтобы жить вместе с отцом. На протяжении шести недель зимних каникул она убиралась в доме, готовила еду и заботилась обо всем. Ей казалось, что она старается не дать отцу раскиснуть – совсем как ребенок, который пытается морским волнам не дать разрушить его замок из песка.

Мисси была убеждена, что я умираю, что я не вынесу терапии. Ей вспоминались месяцы накануне моей поездки в Берлингем, когда я водила ее по дому, приговаривая: «Здесь хранятся мои альбомы с фотографиями. Все в доме разложено по своим местам – серебро, предметы искусства...»

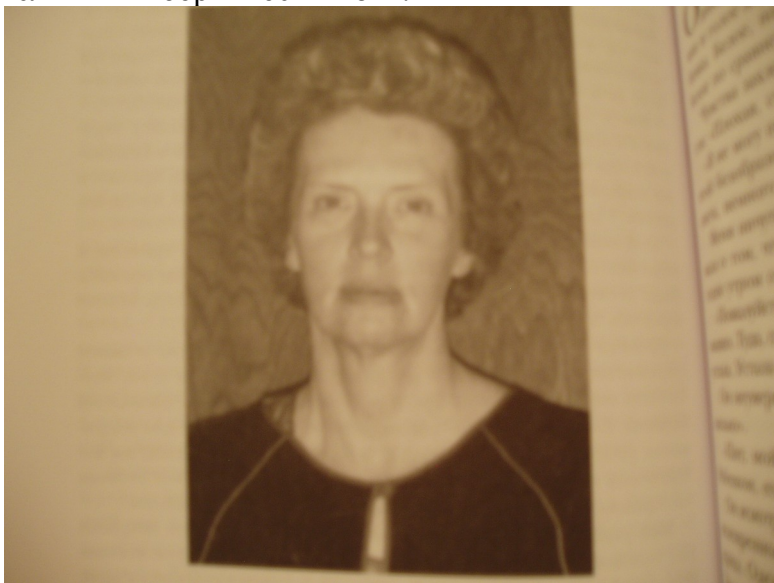
Она задвинула свои чувства страха и тревоги и старалась опекать всех и вся. Тем не менее, вопреки просьбе Тодда остаться с ним, по окончании этих шести недель Мисси вернулась в школу.

Джинджер, живущая во Флэгстаффе, черпала силы в своем супружестве. Свои время и энергию она вкладывала в то, чтобы быть хорошей женой Брэду и хорошей матерью годовалому Биджею. Ей было больно наблюдать, как ее пример для подражания рушится у нее на глазах; больно лишиться мамы, на которую она полагалась, с которой она могла поделиться своими восторгами по поводу очередных достижений ее малыша.

Мои родители не находили себе места. Вина и горе накрыли их с головой. Мать постоянно плакала. Она молила меня поговорить с ней по телефону, но я была не в состоянии говорить с ней. Я знала, что мне не вынести сразу боль моей матери и свою собственную боль. Мэри Сью и ее семья взяли на себя хлопоты о моих родителях, но сами испытывали не меньшее смятение и печаль.

Кей и «Больше чем друзья» продолжали свою работу. Члены одной из наших групп позднее рассказывали: «Мэрилин была как полюс, вокруг которого мы все вращались. Когда она уехала, мы говорили: «Куда нам теперь идти? Что нам делать? Кто будет нами заниматься?» На какое-то время мы все пали духом. Это было ужасно и для ее семьи и для нас».

Сделать выбор в пользу терапии, в пользу себя было лучшее, что я могла сделать. Впервые я предпочла то, что шло вразрез в желаниями любимых мною людей. Это был самый трудный и мучительный выбор в моей жизни.

Апрель 1981 года. Мое лицо осунулось и стало непохоже на себя, испещренное точечными кровоизлияниями в результате интенсивных криков.

8. осколки стекла

одиночество. Пустота. Пустырь, на котором – группа мужчин и голое дерево. Они смотрят сверху вниз на маленького ребенка. Белое, нагое дитя. Такое белое на черной земле. Такое белое по сравнению с черной кожей истязателей.

Чувства захлестнули меня. Слезы страха. Слезы оставленности. «Плохая, скверная, плохая!»

«Я не могу продолжать, Пит. Я больше не могу находиться в этой безобразной темной комнате. Мне нужно хоть немного света, немного надежды, иначе я умру»

меня ничуть не смущали мысли о самоубийстве. Вчера я думала о том, чтобы спрыгнуть с эстакады по дороге в центр. Сегодня утром собиралась броситься под машину.

«Пожалуйста, Пит. Пожалуйста, отвезите меня куда-нибудь на солнышко. Туда, где я смогу хоть на время позабыть о нападении. Я так устала. Устала страдать. Устала плакать. устала быть несчастной!»

он неуверенно покачал головой. «Не знаю, будет ли это правильно».

«Пит, мой Взрослый умрет в этой комнате вместе с моим Ребенком, если я не увижу немного солнца».

Он всмотрелся в мое измененное до неузнаваемости лицо, испещренное лопнувшими сосудами, - результат напряженного крика. Одежда на мне висела мешком. Сколько я потеряла? Двадцать пять.. тридцать фунтов? «Пожалуй, вам нужны физические упражнения», - произнес он.

«Я теперь подолгу хожу пешком. Я даже могу легко подняться на холм. У меня очень редко болит голова, разве что во время сеансов. Ни астмы, ни аллергии – ничего. Мне становится лучше». Я продолжала настаивать: «Пожалуйста, мне нужно что-то еще кроме этого».

«Ладно, что –нибудь придумаем».

В пятницу доктор Дэнилчак согласился отвезти меня за город. Мы ехали извилистой дорогой через холмы к океану. Я гладела по сторонам с удовольствием. Мой восьмилетний ребенок был очарован красотой. «Взгляните на цветы, - радостно вопила я.- а какое высокое вон то дерево. Посмотрите туда!»

Доктор Дэнилчак смеялся вместе со мной, довольный, что показал свой любимый берег моему восторженному Ребенку.

На обратном пути, не отрывая глаз от высоких деревьев вдоль дороги, я улыбалась. «А что, если нам приезжать сюда каждую пятницу?».

Он взглянул на сидящего возле него Ребенка, который заметно преобразился. «Увидим», - отозвался он, довольный тем, что загородная прогулка имела терапевтический эффект.

Радость от поездки за город быстро поблекла в предчувствии предстоящего визита Тодда. Я не знала, как себя вести. Мой Взрослый велел мне быть «послушной женой», а мой Ребенок очень боялся.

Тодд по просьбе доктора Дэнилчака на три дня прилетел в Берлингем. Он согласился присутствовать на одном из терапевтических сеансов в надежде, что это поможет ему понять, что происходит с той, которая некогда была его женой, а теперь стала такой незнакомой. Тодд наблюдал, как его жена, Мэрилин Мюррей, постепенно стала ощущать боль Мэрилин Рей,

маленькой девочки, поглощенной ужасом, который она не могла постичь своим разумом, и от которого не могла защититься.

Несколько часов спустя все выглядело так, как будто никакого сеанса не было. Зато я была вынуждена исполнить своей супружеской долг. Тодд был ласков и нежен, и мне хотелось ответить ему тем же; однако мои мучительные ежедневные переживания и терапии охладили во мне интерес к физической близости. Гнев Тодда был почти осязаем. Он хотел, чтобы я вместе с ним вернулась домой, поскольку ему пришло в голову, что я увлечена доктором Дэнилчаком. Это казалось ему единственно возможным объяснением моего поведения, а также объясняло то, почему я продолжаю оставаться в Калифорнии. Никакие заверения, что причина моей реакции кроется в последствиях лечения, а доктор Дэнилчак всего лишь мой терапевт, не изменили его мнения.

Я вернулась к терапии, но одновременно не переставала сомневаться в своем решении продолжить извлекать связанные с нападением воспоминания. Я разрывалась между своим супругом и своим здоровьем. Навсегда вернуться в Скотсдейл означало бы теперь стать прежней Мэрилин, моим Контролирующим ребенком, и предать забвению вновь обретенного Естественного ребенка, которым меня сотворил Бог.

Я размышляла над предыдущими пятью месяцами и всеми моими шагами в терапии. Я вспомнила, как мой Контролирующий ребенок, сохранивший мне жизнь, отчаянно маневрировал, оберегая меня от чувств, оберегая меня от боли.

За эти месяцы я узнала, что большинство людей, проходящих регрессивную терапию, переживают свои воспоминания приблизительно на 30-50 % от исходного эмоционального уровня из-за сильно защитного механизма. Мне понадобилось три месяца интенсивной работы, чтобы мой Контролирующий ребенок согласился отпустить меня, позволил мне чувствовать в полную силу. Когда это произошло, я настолько глубоко заглянула в бессознательное, что пережила нападение на все 100 процентов, без смягчающего воздействия шока.

Сперва я могла переживать нападение лишь какой-то частью себя; я воспринимала либо физическую, либо эмоциональную его сторону, отделяя их друг от друга, как отделяют белки от желтков.

Первоначальное воспоминание нападения сопровождалось огромным количеством физических действий. «Кадры» их прошлого сопровождалось телесными воспоминаниями. Я физически ощущала нападение – так, как его испытал мой ребенок, - все удары и броски, смятение и безудержный страх. Хотя чувства тоже присутствовали, но это были не самые «опасные чувства».

Постепенно мои эмоции становились все сильнее, вбирая в себя все переживания, сопровождающие нападение. Вместо того, чтобы метаться по комнате, я часами сидела, забившись в угол, крича и рыдая. Я испытывала ужас, одиночество, отвращение к себе, вину, боль оставленности и отверженности Богом. Я переживала абсолютное бессилие. Я была подавлена и раздавлена.

Я с ужасом наблюдала, когда мне придется испытать физическое и эмоциональные переживания одновременно. Без вмешательства Контролирующего ребенка физическая и эмоциональная боль сошлись в столь неистовой ярости, что я уж было решила, что достигла, наконец, дна бездны. Я ошиблась. Спуск только начинался.

Потребовались месяцы, чтобы я смогла пережить нападение и встретить его с полнотой восприятия взрослого человека, принять, что это произошло со мной – с этим лицом, с этим ртом, с этой Мэрилин Мюррей, - а не только с маленькой девочкой, которую я не знала, с незнакомым телом, лежавшим на грязной земле в Канзасе тридцать шесть лет назад.

Блаженное неведение восьмилетнего ребенка уберегло меня от осмысления того, что означало это нападение. Моя маленькая девочка не знала, что такое оральное изнасилование. Она не понимала, что истязатели сделали попытку изнасиловать ее и в анальной форме. Но взрослая Мэрилин столкнулась со всей правдой о себе. Я заставила себя испытать ужас, отвращение и омерзение от того, как эти мужчины надругались над моим телом. От этой правды меня рвало – снова, снова и снова.

Физически и эмоционально я реагировала, как взрослая женщина, которую часами ежедневно насилует группа мерзавцев. Переживание этого изнасилования сказывалось на мне уже не только во время сеансов. Последствия были такими, как если бы это все по-настоящему произошло только сегодня. Физически я

выглядела совершенно разрушенной. На уровне чувств я больше не отличала происходящего в комнате для терапии от реальности обычного мира. Мой Плачущий обиженный ребенок становился единым целым с моим Взрослым.

Одним из этапов воспоминания нападения было переживание разделения на части. Умом я понимала, что этот защитный механизм спас мне жизнь. Но внутри меня, ломая мое тело в мучительной агонии, бушевала жестокая боль, вызванная расщеплением. Как мог кто-либо, тем более восьмилетнее дитя, принять такое значительное решение – выбрать между жизнью и смертью? Решиться уничтожить часть своего бесценного «Я» ради выживания - не лучше ли было умереть целостной личностью, чем жить разделенной на части? Каким образом возникает подобное решение?

Я изливала свои муки в дневнике:

Не заставляйте меня делать это... я не хочу убивать себя!

Свет уличных фонарей проникал сквозь облетевшие деревья. Он отбрасывал тени на фигурку, которая раскачивалась назад и вперед, стоя на коленях. Воздух был наполнен ее пронзительным плачем по мертвому ребенку, лежащему у нее на руках

Доктор Дэнилчак слушал с пониманием. Он опекал, поддерживал и укреплял мое чувство собственного достоинства. Мне это нравилось, за исключением того, что он говорил о БОГе. Он спросил, способна ли я гневаться на Бога. Но я никогда не позволяла себе гневаться на кого бы то ни было, а уж о гневе на Бога я и мысли не допускала. Затем он добавил: «Чтобы иметь истинные отношения с кем-то, включая Бога, нужна честность. Мы не можем восстановить отношения, пока не признаем, что они нарушены.»

Но дно бездны еще не было достигнуто. Когда же я дошла до дна, чувство было такое, будто я свалилась с тринадцатого этажа, разбившись о промерзшую, черную, грязную землю. В детстве я полагалась на то, что некто всемогущий спасет меня, по крайней мере, будет рядом со мной: Бог всех детей, Бог, который сажает их к Себе на колени, чтобы заключить с Своем объятиями и защитить их. Даже когда меня покинула последняя надежда, я все еще рассчитывала на доброго, всемогущего и великого Бога.

Но во время нападения, показавшегося мне вечностью, я с болью осознала, что Бог отказался от меня. Я была такой скверной, недостойной, что мне казалось – Бог просто сделал вид, будто меня не существует.

Вулкан ожил заново. Год за годом я ходила в церковь и учила своих детей и друзей тому, что Бог любит их и в изобилии наделяет благодатью. Все это время внутри меня клочкотал вулкан. Он медленно закипал в глубине моей души огненным, плотным варевом злобы за то, что его держат взаперти, за то, что на нем растут цветы и стоят дома, как будто его не существует вовсе.

Отчетливая, примитивная в своей первозданности ненависть взорвалась и хлынула через край на склоны старательно ухоженной горы, уничтожая все на своем пути. «Бог, я ненавижу ТЕБЯ!»

Любящий Бог, который хранит своих детей от беды?
«НЕТ!»

Заботливый Бог, который любит тебя, несмотря ни на что?

«НЕТ! ОН СТЕР МЕНЯ!»

добрый и любящий Бог?

«НЕТ»

Бог, ТЫ позволил им сделать это со мной? Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ!

«Ты, что, слепой? Ничего не видишь? Как Ты мог позволить, чтобы это случилось с таким маленьким ребенком?!»

гнев продолжал изливаться, пока не вышел весь. Я лежала под грудой пепла, прижавшись к полу, тяжело дыша.

Когда силы вернулись ко мне и я села, доктор Дэнилчак принялся отвечать на мои вопросы. «Я думаю, Бог плакал о тебе во время нападения. Я убежден: Он не больше твоего хотел, чтобы случилось подобное. Это непросто понять – почему Бог допускает зло и несчастье в мире. Отчасти это можно объяснить тем, что он представляет людям свободный выбор. Он не управляет их поступками. С другой стороны, Бог способен сделать так, что мы можем обрести Его исцеляющую любовь от Него напрямую или, что бывает чаще, от других людей», я шал к Бабетт, прокручивая в голове эти слова. Всевозможные «Если бы» так и сыпались на меня. Если бы я не познакомилась с

Кей, я не молилась бы о ней. Если бы Кей не примирилась с Богом, она ни за что не прочла бы книгу Сеси́ла Осборна. Если бы она так и не прочла эту книгу, то даже если бы «Больше чем друзья» существовали бы, они никогда бы не познакомились с доктором Осборном и его центром. Если бы мы с Кей не ссорились, она не отправилась бы в Бермингем. И если бы Кей никогда там не побывала, она так и не заставила бы меня обратиться к ним за помощью.

Высокие изгороди на моем пути в темноте приняли угрожающие размеры. Внутренний ребенок отпрянул, опасаясь, что чьи-то ручищи подобно стальным обручам вновь сдавят мою грудь. Я собралась с силами и, задрвав подбородок, зашагала дальше.

Бог устроил мое исцеление. Он привел меня к нужному мне терапевту. Познания доктора Дэнилчака в регрессивной терапии и его докторская диссертация по пастырской психотерапии успешно объединили две сферы деятельности. Мне нужен был тот, кто способен понять, как мою духовность, как и мои поврежденные чувства.

Я подняла глаза на деревья с набухающими почками. *на деревьях нет листьев. Черная и грязная земля.* я осмотрелась и увидела повсюду новую жизнь – цветы, буйная трава покрывали лужайки перед домами.

Из зимы моей печали я заглянула в весну новой жизни. *Может Бог и в самом деле переживает за голого, перепуганного, доведенного до отчаяния ребенка.*

Я почувствовала себя хрустальной вазой, разбитой вдребезги, которую теперь собирает по кусочкам кто-то осторожный, терпеливый, кто-то, готовый потратить время, чтобы подобрать все мельчайшие осколки и разгадать, как они соединяются. Чтобы собрать вазу заново, уйдет много долгих часов. Но благодаря терпению, любви и заботе, эта работа будет доведена до конца.

Когда хрустальная ваза разлетается на куски, осколки стекла могут вонзиться в кожу, причиняя боль. Так ваза дает знать другим о той боли, которую она испытывает. Ваза, униженная и растерзанная оттого, что она разбилась, не хочет, чтобы кто-то

узнал о ее хрупкости. После того, как ее склеили из осколков, ваза поначалу чувствует себя слабой и безобразной.

Моя ваза страшилась своей хрупкости. Некоторые осколки так и не нашлись. Клей еще не высох. Настал час отправляться домой. Пора вернуться в реальный мир новой личностью, той личностью, которой я была задумана. Терапия открыла мне мой страх быть оставленной, мой страх оказаться без мастера, который собрал меня по кусочкам – доктора Дэнилчака, единственного человека, который знал, как выглядит настоящая ваза. Все в Аризоне знали лишь глиняный горшок, в котором в течение тридцати шести лет хранились осколки разбитой Мэрилин Рей. Они ничего не ведали о хрустальной вазе. *Что, если они не полюбят меня такой, какая я есть? Примут ли они мою слабость и непрочность?*

С доктором Дэнилчаком мы немало поработали, репетируя будущее и его возможности. Мы обсудили недавний визит Тодда в Берлингем и его реакцию. Пит посоветовал мне семейное консультирование как неотъемлемое условие моего окончательного возвращения домой. Будучи в Берлингеме, Тодд согласился на это, но возвратившись в Аризону, передумал. Разговаривая с ним по телефону, я догадывалась: он ждет, что я вернусь в Аризону как ни в чем ни бывало и вновь стану той женой, которой была до моей работы с доктором Дэнилчаком.

Я прижимала телефонную трубку к плечу, мои руки тряслись. Я вживалась в новую роль. «Тодд, мне необходима твоя поддержка. Мне необходимо, чтобы ты пошел к консультанту вместе со мной. От этого зависит наш брак.

Ему было трудно это понять. Мы прожили вместе множество чудесных лет без всякого консультирования. К чему оно теперь. Я думаю, он видел, что у нашего брака есть проблемы. Но на его взгляд, нет ничего такого, что надлежащая духовность, с моей стороны – не могла бы привести в порядок.

По мере того, как близилось завершающая стадия моей интенсивной терапии, доктор Дэнилчак предложил мне начать медленное вхождение в прежнюю среду с нескольких визитов в Аризону. Мое постепенное возвращение началось на Пасху 1981 года – в самый подходящий для меня день – Пасхальное

воскресение. Вдобавок это была двадцать пятая годовщина нашей с Тоддом свадьбы.

Я наслаждалась возвращением в семью. Я взглянула на маленького Биджея и поклялась себе, что сделаю все, что в моих силах, чтобы вырастить его свободным человеком, умеющим чувствовать. Однако этот краткий визит дал мне лишь незначительное представление о том, что ждет меня и моих близких после того, как я вернусь насовсем.

В последний месяц в Берлигеме я написала Тодду письма. Я была уверена, что его содержание не доставит ему удовольствия. Вероятно, он надеялся, что я взялась за ум, и вернусь раньше, чем планировалось. Вместо этого я высказала ему мои истинные чувства, что нечасто случалось в нашем браке. Наконец-то я проявила надлежащую уверенность. Я сообщила ему о том, как задело меня его отношение к моей терапии. Он воспринял это письмо как пощечину. Я чувствовала его гнев и разочарование.

Боль текла сквозь меня, как стремительная река. Когда она уменьшилась до тоненького ручейка, я написала ему еще одно письмо. Я ответила на его сомнения и затем очертила новые границы, комфортные для моего существования. Я отказалась брать на себя ответственность за его чувства, но пообещала проявлять самостоятельность в здоровом, развивающемся браке.

Часть третья

Обретение естественного ребенка

9. возвращение

октябрь 1988 года. Я как замороженная сижу, уставившись в экран телевизора, и смотрю «Империю Солнца». Это история о маленьком мальчике, выросшем в состоятельной британской семье в Китае перед началом Второй мировой войны. Это смысленный, слегка избалованный, наивный ребенок. Когда его везли на автомобиле по забитым людьми улицам Шанхая, он

видел в окно нищих, бездомных детей и проходящих мимо японских солдат. Его отделяет и защищает от них большая машина, в которой он едет.

Когда разразилась война, его незатейливый мир развалился на куски, и он оказался разлучен со своими родителями. Большую часть войны он проводит в японском концлагере, где ежедневно видит зверства, голод и смерть. Единственная задача его жизни - уцелеть.

В конце фильма мальчик встречается со своими родителями. Одиравший и бледный, он поначалу шарахается от них, все еще оставаясь замкнутым в гнетущей тюрьме, где он провел последние несколько лет. Затем он осторожно приближается и притрагивается к лицу и волосам своей матери. Сцена заканчивается тем, что он кладет голову ей на плечо и очень медленно закрывает глаза – наконец-то он в безопасности.

Большую часть фильма я плакала, но последняя сцена настолько задела меня за живое, что я зарыдала в голос. Эта моя реакция показывает, каково мне было по возвращении домой в Аризону после терапии. Я была узником войны, чего не сознавали ни моя семья, ни друзья.

Я прокрутила кассету назад и просмотрела заключительную сцену еще раз. Я пыталась представить, что будет, если поместить этого опустошенного войной мальчика в обыкновенный класс с мальчиками его возраста. Область опыта его одноклассников – их представления о границах, в которых они существуют, – разительно бы отличались от его собственной. По сравнению с «нормальными» детьми он чувствовал бы себя чем-то вроде инопланетянина. Он был выброшен из своих границ на абсолютно чужую территорию и научился выживать в этом вселяющем ужас месте. Игра в мяч или пускание самолетиков сюда уже никоим образом не впишутся.

Я вновь и вновь просматривала заключительные кадры, и на меня накатывали волны мучительных воспоминаний о собственном возвращении домой. Я была поражена и заинтригована тем, что мне открывалось. Наконец-то до меня дошло, что же происходило со мной и моей семье по моем возвращении из Бермингема.

Мальчик из фильма наконец-то почувствовал себя в безопасности, я же, вернувшись домой, не нашла там ни безопасности, ни защиты. Я вернулась к раздраженному, сбито́му с толку мужу и к обществу людей, в которое я больше не вписывалась. Мои близкие и друзья любили, но не понимали меня.

Это была не их вина. Я могла упрекать их не более, чем семейство канзасских фермеров, неспособных понять сына, вернувшегося из концентрационного лагеря в Лузоне или Минданао после Второй мировой.

В тот вечер в декабре 1980 года, когда мой «вулкан» прорвался, я была освобождена из стального ящика, моей камеры – одиночки. И хотя я больше не томилась в заточении в том заброшенном месте внутри своего сознания, свободной я также не была. Я по-прежнему оставалась узником. Потребовалось еще семь месяцев интенсивной терапии, чтобы я наконец-то могла ощутить себя достаточно сильной и выйти за ворота прошлого на свободу.

Домой в Скотсдейл я вернулась 21 июня 1981 года, уже зная, каково быть свободной. Я не просто высвободилась, как тот мальчик, из своих прежних границ. Уже несколько месяцев я брела к новому рубежу столь неведомому, столь непривычному, что он был выше понимания кого бы то ни было из моих знакомых, за исключением моих друзей в Бермингеме.

Извлекать из памяти и час за часом заново переживать групповое изнасилование, слышать крики перепуганного ребенка, осознавая, что эти крики принадлежат тебе: это вещи, о которых «нормальный» человек не хочет знать. Никто не хочет признаться, что подобное действительно случилось, особенно, если речь идет о том, кого знаешь и любишь.

Точно так же никто не хотел верить в существование Дахау. Даже когда нашим правительством были получены подлинные фотографии, чиновники никак не хотели признать, что кто-то мог совершить и совершал такое с подобными себе.

В 1981 году большинство населения нашей страны отказывалось верить в то, что сексуальное насилие действительно случается, и что оно может быть столь же страшным и распространенным, как это представлено в отчетах, которые

постепенно становились доступными широкой публике. Чем верить, куда проще было бы делать предположения, судачить, сомневаться.

Когда я вернулась в Скотсдейл, почти все увидели, что «новая» Мэрилин сильно отличается от той, которая уехала от них девять месяцев назад. Слухи о «нервном срыве», «приступе помешательства», «любовной связи», «эгоцентризме», «себялюбии», «упадке духовности» и тому подобное сопровождали меня повсюду, куда бы я ни пошла, не давая мне житья.

Для меня оказалось невозможным быть свободной в Аризоне в то время. Свобода для меня – это здоровые личностные границы, а не включение в коллективные границы нашей культуры – всеобъемлющие границы, внутри которых другие могут как угодно посягать на границы отдельного человека.

Июнь 1981 года. Мои домочадцы напряженно улыбались, встречая меня в аэропорту. Отвечая на их нежные объятия, я нисколько не подозревала ни о конфликте, который вызовет мое присутствие в ближайшие месяцы, ни о том, как трудно им будет принять все то, что отстаивала и требовала эта новая Мэрилин. Моему заново возникшему Естественному ребенку казалось, что все будет просто: надо лишь дать ему свободу быть собой.

Я покинула Бермингем, сознавая, что один час нападения перевернул всю мою жизнь. До нападения у меня уже были некоторые модели поведения – стремление уберечь свою мать от слез, неспособность выразить гнев. Нападение закрепило эти стереотипы. Нападение вызвало и новые стереотипы: стремление быть во всем совершенной, поскольку допустить ошибку – вроде чтения в автобусе – равносильно полному уничтожению, сильную потребность в контроле, чтобы противостоять ощущению подавленности и беспомощности; опасение возражать, поскольку это может жестоко меня ранить; постоянный поиск покровителя – женщины, которая сильнее меня, но «не моя мама»; избегание конфликтов любой ценой и разрешение телу выражать эмоции посредством физической боли. И главное - попытки доказать

Богу, себе и всему миру, что я не плохая. *Но должно быть я плохая, иначе Бог не позволил бы этому случиться.*

Возвращение к прежним взаимоотношениям оказались трудными и приятными одновременно. Я чувствовала себя словно канатоходце, который пытается удержать равновесие, в то время как другие раскачивают канат. Дома, казалось, все ходят за мной по пятам, опасаясь упустить меня из виду. Возможно, они соскучились по мне. Возможно, следить за мной их заставляло любопытство.

Моя мать, исполненная любви к дочери и снедаемая виной, безуспешно пыталась завести со мной разговор о прошлом. На ее лице застыло страдание. Я чувствовала себя в ответе за ее слезы и бессонные ночи и все же не могла сделать то, о чем она просила.

«Мама, я не могу говорить с тобой»

Ее глаза наполнились слезами. Она положила свою мягкую, нежную ладонь на мою руку. «Пожалуйста, детка. Прошу тебя, поговори со мной».

«Я не могу, мама. Каждый раз, когда я заговариваю, ты принимаешься плакать. А я не могу вынести твоих слез. Для меня это слишком мучительно. Мне и так приходится обращаться за профессиональной помощью из-за своей боли, мама. Твоей и моей боли сразу мне не вынести».

Мисси Сью звонила мне и уговаривала поговорить с матерью.

Джинджер звонила мне и уговаривала поговорить с матерью.

Мисси звонила мне и уговаривала поговорить с матерью.

Я оставалась в доме, не рискуя выйти на улицу. Там я наверняка наткнулась бы на мать с отцом. И тогда мне пришлось бы встретиться с последствиями, которые причинили отсутствие внимания с моей стороны. Я любила их до чрезвычайности, но не хотела видеть боль, которую я им причиняла.

Мне не терпелось побывать в церкви в воскресенье, где я могла увидеть всех тех, кто неизменно поддерживал меня в молитве. Держась позади Тодда, я могу спрятаться от шума и замешательства, которое вызовет мое появление.

Я надеялась, что в церкви мне удастся восстановить мои поврежденные отношения с Богом. Я по-прежнему любила Его, но, испытав столь много гнева и смуты, я не могла понять, как

Он мог любить меня и при этом позволить произойти этому страшному нападению. Я осознавала, что должна простить Бога за Его выбор в отношении меня. Мне надлежало простить Бога за то, что он покинул меня, когда я была маленькой девочкой.

Вдобавок я испытала огромную благодарность за то, что моя терапия с доктором Дэнилчаком дала возможность Божией исцеляющей любви начать свою работу в душе той маленькой девочки. Мне было отрадно, что Бог привел меня в терапевтический центр – убежище вдали от дома, где мне не было надобности изо дня в день возвращаться домой к семье и к обязанностям взрослого человека после заново пережитого кошмара восьмилетнего ребенка.

Наблюдая людей на церковных скамьях, беседующих и смеющихся, я ощутила себя в родной обстановке и одновременно не в своей тарелке. Хотелось знать, что эти люди говорят обо мне и как на это следует реагировать. Хотелось уйти домой и плакать. Хотелось остаться и встретиться с теми, кто любил меня все эти годы и семь месяцев молился за меня.

Я была в замешательстве. Кругом сплошные противоречия. Ежедневно я бранила себя за убеждение, что я имею право выжить. Я изводила себя за то, что отказываюсь принести в жертву собственное здоровье и благополучие ради своего мужа.

Уверена, что это сбивало с толк Тодда. Он не знал, радоваться ему или злиться. То я слышала от него, как он доволен улучшением моего самочувствия, - и тут же сталкивалась с его недовольством и разочарованием тем, что он лишился «прежней Мэрилин». Я жила с страхе вызвать еще больший гнев и разочарование. Нападение преподало мне урок: чем больше защищаешься, тем больше тебе достается.

Я мысленно встряхивала себя и пыталась сменить пластинку, которая крутилась у меня в голове. В то же время я держалась своего нового представления о браке – совместной жизни, основанной на уважении. Когда один возвышается, а другой умалется – это не семья.

Жизнь в Аризоне не останавливалась в течение семи месяцев моего отсутствия, но моя семья настолько привыкла, что все держится на мне, что многие важные вещи оставались несделанными. В сентябре я сочла, что в состоянии вернуться к

своим бухгалтерским обязанностям в нашем бизнесе. Я притащила домой из галереи гробсбухи в коробке в четыре фута длиной, два фута шириной и высотой в один фут. «*Смахивает на гроб*», - подумала я, - *мой гроб*».

Доктор Дэнилчак советовал мне, чтобы в течение года я, по возможности, избегала стресса. Грустно, но это обернулось неудачной остротой. Хрупкая ваза, мелкие осколки которой только встали на место, так что клей еще не успел высохнуть, оказалась в центре опасной зоны – среди толпы детей, у которых отняли игрушку, а это похуже, чем оказаться в центре мощного урагана.

Оставаясь одна, я плакала. Это не были слезы, вызванные эмоциональным событием, это не были слезы человека, который столкнулся с язвительным замечанием друга. То были слезы душевной борьбы сдерживаемые в течение тридцати шести лет, слезы долгих лет внутренней пустоты.

К несчастью, я столкнулась с давлением при отсутствии поддержки. Постепенно, я стала соскальзывать в прежние стереотипы, опекая в первую очередь Тодда, стараясь доставлять ему удовольствие, поступаясь при этом собственными потребностями и чувствами.

Боли, отпустившие меня на то время, что я была в Берлингеме, тут же вернулись обратно: головные боли, боли в ногах, спазмы в желудке – все это накатило сплошным потоком и ошеломило меня. Раньше боль была моей постоянной спутницей. Мне некуда было деться от нее, и потому я мирилась с ней. Но теперь, после нескольких месяцев освобождения от мучительной боли, я знала, насколько лучше жить без нее. Я сердилась, что мой прежний враг вернулся, чтобы преследовать меня, а я не знаю, куда деваться. Я была полна решимости никогда больше не принимать обезболивающих препаратов.

Мои головные боли уменьшились, и я воспряла духом, как только Тодд согласился пройти семейное консультирование у доктора Терри Крайсела, терапевта, которого порекомендовал доктор Дэнилчак. И хотя главной задачей было разобраться в проблемах, вызванных последствиями сексуального насилия и связанной с ними терапией, а также полагала, что к этому следует добавить и наши двадцать пять лет невысказанной

неудовлетворенности, вызванной неумением нормально общаться. И в личной, и в деловой жизни мы редко разрешали разногласия разумным способом.

Помимо семейного консультирования мне предстояло вновь отправиться в Берлингеми для поддерживающей индивидуальной терапии. «Это вроде лучевой терапии после радикальной операции по удалению раковой опухоли»- пояснил мне и Тодду доктор Дэнилчак.

Очевидно, Тодд был против моего отъезда. Для него наши взаимоотношения было первоочередными по важности.

Я чувствовала, что все вот-вот рухнет. «Тодд, если я не позабочусь о себе, будет просто некому продолжать совершенствовать наш брак. Я была не в состоянии объяснить ему, что «пожертвовать собой ради нашего брака», означает разрушить те самые отношения, которые мы пытаемся спасти.

Невзирая на протесты Тодда, я полетела в Берлингеми, я твердо решила заниматься и своим здоровьем, и взаимоотношениями с Тоддом. Я плюхнулась на стул в кабинете доктора Дэнилчака и выпалила: «Я готова на все, чтобы спасти наш брак».

Обеспокоенный доктор Дэнилчак с тревогой спросил: «С тех пор, как вы вернулись, что творится с вашим Естественным ребенком, которого вы такими невероятными усилиями вызволили из небытия?»

«Он умирает», - ответила я.

Доктор Дэнилчак склонился ко мне и произнес: «Как начет ваших отношений с Тоддом, где вы даете ему возможность самому заботиться о себе?».

«Это удастся мне с большим трудом. Я обслуживала его все эти годы». Но я начинаю понимать, что если я буду его «целовать да миловать», у него не будет возможности почувствовать ответственность за свои поступки».

Неделя прошла без боли, но полная тяжелого труда. По возвращении домой, в водоворот дел, боль немедленно вернулась.

Мне одной не вынести этой боли.

Я чувствую возмущение Тодда по поводу моей терапии, но она еще не завершена.

Подчас враждебность, которая исходит от него, пугает меня и вызывает желание убежать прочь, как я хотела бы убежать от своих последователей.

Я не могу находиться в Берлингеме. Я не могу находиться дома. Гораздо проще умереть.

Я начала понимать, что твердое намерение выжить не было раз и навсегда сделанным выбором. На самом деле это было решение прожить один день. Затем в течение последующих дней или недель я предпочитала умереть. После чего я вновь, всего лишь на один день, выбирала жизнь. Постепенно дней, когда мне хотелось жить, стало больше, чем дней, когда мне хотелось умереть. Мое стремление уцелеть становилось сильнее, чем соблазн погибнуть. Я больше не чувствовала себя «стертой» Богом. Я шла вперед. Я шла вперед самыми крошечными, малюсенькими шажками.

Несколько светлых моментов вселили в меня желание не останавливаться на достигнутом. Изменились наши взаимоотношения с Кей. Я больше не воспринимала ее как своего покровителя. Теперь Кей могла быть мне просто другом. И хотя она чувствовала обиду за мое долгое отсутствие, когда вся ответственность за деятельность «Больше чем друзей» легла на ее плечи, наши отношения становились более здоровыми.

На ежегодной вечеринке с мороженым, устроенной движением «Больше чем друзья», я вся истерзалась, не зная, как себя вести. Мэрилин-взрослая испытывала огромную радость от встречи со старыми друзьями. Мне было приятно приветствовать их и слышать о том, что они молились обо мне в мое отсутствие. Мэрилин – ребенок топталась возле Кей, не зная, куда деваться в этой переполненной комнате. Мэрилин – взрослой хотелось знать, что на уме у ее соседей. Прежняя Мэрилин кружила бы по залу и первой кидалась бы обнимать людей и заводить с ними беседы, устраивая всех поудобнее. Новая Мэрилин держалась в стороне, нерешительная, безмолвная, предпочитая, чтобы ее обслуживали.

В последующие месяцы неожиданно стали возникать конфликты с движением «Больше чем друзья». Многие женщины по-прежнему ждали, когда откроются новые группы. действующие группы жаждали заполучить материалы для работы.

Им не терпелось, чтобы я поскорее взяла бразды правления в свои руки. Им требовалось, чтобы я продолжала выступать в прежнем амплуа, в то время как я училась заботиться о себе. Внимание к себе означало длительное устранение от обязанностей. Женщины пытались меня понять, но каждый раз им это давалось с трудом.

Семь месяцев в Берлингеме позволили моему ребенку вести себя свободно и непринужденно. Мои терапевтические сеансы по пятницам, под солнечными лучами, помогли мне раскрыть глаза и увидеть жизнь вокруг себя. Мой веселый Ребенок подбил меня съездить на озеро Пауэлл вместе с семьей. Женщина, которая никогда не умела кататься на водных лыжах, не доверяя своим ногам, накатала на бешеной скорости более сотни миль за три дня. Я спала на носу катера и лазила на гору «просто потому, что она есть». Поднявшись на вершину, я пришла в восторг. Эта гора значила для меня нечто большее, чем возможность применить свои ноги только для ходьбы. Она означала, что вся тяжелая работа, холмы и ущелья, через которые я прошла, были путем к вершине.

С точки зрения духовности моя жизнь также переменялась. До терапии я ежедневно просила Бога, чтобы Он дал мне узнать Его волю в моей жизни. Я пребывала в постоянной неуверенности, пытаюсь понять, соответствует ли моя жизнь воле Божией. Я учила других, что спасение совершается по благодати, но сама пыталась спастись делами. Теперь я узнала о безусловной любви. Я обрела спокойствие души и тела.

Впервые в своей жизни я поняла, что такое благодать. Я улыбалась, ощущая присутствие Бога. Я улыбалась, я радовалась, потому что решила выздоравливать телом, душой и духом, развиваясь и уподобляясь той личности, которой меня задумал Бог. Мой естественный ребенок продолжал свой путь и превращался в полностью Чувствующего взрослого.

Окружавшие меня люди воспринимали эти изменения как отступничество, как выбор в пользу «гуманистического мировосприятия». Они отмечали, что я уже не провожу столь много времени в сосредоточенной молитве или за чтением Библии.

Понимая озабоченность своих близких, я записала в дневнике:

«только теперь я начинаю понимать, до какой степени мы с Тоддом являемся продуктом нашего поколения (пятидесятых), нашего наследия (Средний Запад, традиционный протестантизм, фундаментализм) и нашей культуры (мужчина – мачо и его смиренная жена); и как трудно отсеять деструктивные элементы и сохранить принципы, которыми мы дорожим, особенно, если мы не можем сойтись во взглядах».

отношения с Тоддом оставались неровными. То они были нежными и любящими, то вдруг омрачались злостью от всего, что со мной случилось, и от того, как это отразилось на нашей совместной жизни. Я была уверена, что он просто хочет, чтобы его жена стала прежней, и поменьше морочила ему голову.

Благонамеренные друзья Тодда втолковывали ему, что это Сатана подстроил все это, чтобы разрушить движение «Больше чем друзья», добившись того, что я уехала лечиться. Они утверждали, что моя терапия происходит вопреки Божиему водительству, поскольку я полагаюсь на человека, а не на Бога. Они твердили, что мы с Тоддом подверглись сатанинской атаке и теперь нуждаемся в том, чтобы за нас молились пятьдесят или шестьдесят человек.

Пересказывая мне все это, Тодд как бы защищался. Я воскликнула: «Когда я умру, я предстану перед Богом совершенно одна. Не с мужем, не с пастором, не с терапевтом, не с кем бы то ни было другим. Мне одной предстоит отчитываться за себя перед Богом! Я согласна, что нападавшие на меня мужчины шли против воли Божией, но я убеждена, что Бог, а не Сатана, устроил мое исцеление. Я очень благодарна каждому, кто молился обо мне в мое отсутствие. Но теперь они лезут не в свое дело!»

В октябре 1981 года Флоренс Литтауэр, близкий друг и одна из тех, кто поддерживал меня молитвами в течение долгих месяцев терапии, предложила мне участвовать в ее Семинаре христианских лидеров и спикеров (КЛАСС). На этих семинарах люди учились выступать перед группой и применять свои таланты и жизненный опыт для помощи другим. Я колебалась. Я по-прежнему не чувствовала себя уверенной на публике. Я приходила в ужас от мысли, что придется стоять перед

незнакомыми людьми и рассказывать им о том, что со мной случилось. Однако что-то подсказывало мне: Бог хочет, чтобы я это сделала. Если я смогу поддержать кого-то другого, пережитые мной боль и смятение не будут напрасными.

Моя сестра Мэри Сью и несколько других участников движения «Больше чем друзья» также планировали там побывать. Я надела свое лучшее платье и сделала макияж. заливаясь слезами, я поведала свою историю. Трясаясь и вцепившись в кафедру, чтобы окончательно не лишиться сил, я довела свой рассказ до конца.

Женщины отозвались рассказами о своей собственной боли. Я была поражена тем, что этим женщинам и впрямь удалось извлечь что-то позитивное и полезное из моей истории.

Различные варианты будущего вторгались в мои мысли, и они меня пугали. Я ощущала себя очень маленькой. *Иногда мне хотелось убежать прочь и превратиться в маленькое существо, на которое никто не обращает внимания.*

Все последующие месяцы я частенько задумывалась о том, чтобы уйти от всего, занявшись деревянной скульптурой. Но многое удерживало меня от такого шага – и, в частности, Линда. Будучи членом той и же церкви и движения «Больше, чем друзья», Линда воспринимала мою жизнь с особым интересом. У нее тоже были мучительные головные боли. Она с нетерпением ожидала моего возвращения с терапии, чтобы узнать, насколько она помогает. По ее мнению, я действительно стала другим человеком. Перемены во мне позволяли ей надеяться, что, возможно, терапия – это решение и для нее.

Она позвонила мне и попросила о встрече. У меня были сомнения. Хотя регрессивная терапия стала для меня спасительной благодатью, мне было известно, что она подходит не каждому. Я поговорила с Линдой и просто рассказала ей о том, что со мной произошло. Она попросила телефон доктора Дэнилчака и его адрес. Посмотрев мне прямо в глаза, она произнесла: «Не знаю, как тебя благодарить, быть может, ты спасла мне жизнь!»

В тот вечер я закрылась в своей комнате и молилась: «Господи, что ты творишь?» я совсем не собиралась направлять свою жизнь в это русло. Что еще Ты замыслил для меня?»

Я больше не могла делать то, что раньше. Мне больше не хотелось быть совершенной и заботиться обо всем мире. Не могла я и отдавать себя в распоряжение всех и каждого. Я изо всех сил пыталась восстановить свое здоровье – выздороветь физически, эмоционально и духовно. Я не сомневалась, что Бог до сих пор направлял мое исцеление. Подчас глубоко внутри меня тоненькой голосок принимался твердить: *«Бог ушел он меня тем снежным вечером. Он не позаботился обо мне».*

10. сочувствующие лица и землетрясения.

В последующие месяцы мой Естественный ребенок частенько выражал желание скакать припрыжку, но мой Плачущий обиженный ребенок упирался, жалуясь: «Доктор Дэнилчак считает, что мы должны продвигаться не спеша». Мой Контролирующий ребенок продолжал ворчать на обоих. Он то и дело заводил старую песню: «Ты чересчур эгоистична. Ты должна отдавать себя заботе о других, тогда у тебя не останется времени на чувства». Мой медленно созревающий Чувствующий ребенок с упоением водил всех троих за нос. Продвижение вперед на обещало быть легким.

Все «детям» приходилось иметь дело в Тоддом, который, похоже, совершенно не знал, как реагировать. Я уговаривала Тодда вместе работать над своим эмоциональным развитием, чтобы он мог увидеть подлинную Мэрилин и поддержать ее стремление к жизни. Но он отказался.

Наш брак превращался в столкновение желаний. Тодд хотел сохранить меня в прежней роли: существовать для него. Я хотела того, что считала подлинным браком: партнерских взаимоотношений, которые дают возможность обоим становиться такими, какими замыслил их Бог, - а не когда один «становится», а другой погибает. Я хотела создать взаимно питающую среду. Я попросила Тодда отслеживать поступки, которыми он усиливал мой стресс и причинял мне физическую боль. Я умоляла его обратить внимание и на физическую боль, которую испытывал он сам, и которая усиливалась с каждым днем, и заботиться о себе.

Я сознавала, что мне придется предпочесть существование для себя, а не приносить себя в жертву Тодду. Мне было необходимо извлечь смысл их изуверского нападения и найти некое добро во зле. Я решила, что цели, которые я поставила перед собой, принесут пользу как Тодду, так и мне, а не только мне.

Я понимала, с его точки зрения эти цели означали, что я намерена отделиться от него. Но я не могла всегда подстраиваться под его планы, как, полагаю, он того хотел. Однако я точно знала, что сам он был убежден, что может вести независимый от меня образ жизни и что, в отличие от женщины, мужчина имеет на это право.

Наряду с трещавшим оп швам браком существовали и другие проблемы. Тодд хотел, чтобы я вновь работала вместе с ним в галерее; между тем мы так и не пришли к обоюдному согласию, как ею надо управлять.

В декабре у меня появилась возможность занять свое прежнее положение влиятельного торговца произведениями искусства. Один из моих самых старых и лучших клиентов, Боб Паркер из Оклахомы, заинтересовался некоторыми из наших картин, и я согласилась отвезти их к нему.

Я с нетерпением ждала этой поездки в одиночестве, где у меня будет время привести в порядок мои мысли. Дорога расстилалась передо мной, лента асфальта убегала под вращающиеся колеса. В прошлом я уже на раз проделывала этот путь в «Паркер Дриллинг» в Талсе. И никогда прежде мне не попадалось дорожная надпись, которая вызвала бы столь сильное волнение.

УИЧИТО.

Я вцепилась в руль, пытаюсь сосредоточиться на драгоценном грузе картин на заднем сидении. И вновь та же надпись.

УИЧИТО.

Почему, Господи? Почему именно на этой неделе?

Дождевые облака надвигались, сбивались в кучу, стремительно неслись, в точности как буря у меня в душе.

Холодно и грязно и на деревьях нет листьев.

Дорога за стеклом расплылась из-за ледяного дождя и заливших лицо слез. Вот уж не подозревала, что поездка окажется столь нелегкой.

В полдень я вошла в ресторан, чтобы встретиться с Бобом и Сисси Паркер. Я была по-настоящему счастлива увидеться с ними вновь. Мы дружески обнялись. Боб тотчас спросил: «Мэрилин, отчего это мы так давно тебя не видели?»

«Я провела семь месяцев в центре терапии в Калифорнии»

Сисси положила ладонь на мою руку. «Прости, мы не знали».

Какое-то время я ковыряла салат, размышляя, следует ли мне рассказать им о том, что случилось. Я взглянула на их дружелюбные, исполненные любви лица и отложила вилку в сторону. «Там обнаружилась, что в восьмилетнем возрасте я подверглась сексуальному насилию».

Я спокойно выслушала вопросы и отвечала на них открыто и честно, поскольку видела в их глазах подлинную заботу и участие.

Боб произнес понимающе: «Это многое объясняет. Я направил несколько человек в вашу галерею, рекомендуя им обратиться к тебе. Они возвращались и говорили, что тебя там не было. Никто в галерее и словом не обмолвился, где ты находилась».

Он помолчал немного и посмотрел мне прямо в лицо. «Мне жаль, что с тобой это случилось. Но я рад тому, что сейчас ты выглядишь прекрасно!». Сисси была того же мнения.

Боб продолжал: «В моем офисе есть несколько женщин, которые переживают трудные времена. Разводы, дети-наркоманы, и т.д. Ты согласилась бы поговорить с ними завтра за ленчем?»

«Сколько их?»

«пять или шесть»

я заколебалась и произнесла про себя короткую молитву. «Ну, вообще-то, - начала я издалека, - мне довелось рассказывать о происшедшем со мной одной группе. Пожалуй, я и впрямь не прочь поддержать других, если у меня это получится».

Улыбка Боба одобрила меня.

Я продолжала: «должна тебе еще кое-что сообщить. Завтра у меня на редкость неприятный день. Исполнится год с того дня, когда воспоминание о нападении впервые ожило в моей памяти. По

каким-то соображениям Бог устроил так, что я оказалась в Талсе, в месте, которое выглядит в точности как Уичито».

На следующее утро изумлялась, как меня угораздило согласиться поговорить с теми женщинами. *«Их будет всего пять или шесть, - успокаивала я себя, с пятью или шестью я как-нибудь смогу управиться».*

Я вошла в зал для собраний. К моему ужасу, там сидело более сотни женщин в ожидании приглашенного оратора. Боб не оставил мне шанса для паники. Он представил меня и покинул трибуну.

Я окинула взглядом море взволнованных лиц. Я пробормотала благодарственную молитву за подготовку, полученную от Флоренс Литгауэл в октябре. После чего первые слова сорвались у моих уст: «Нет, нет, только не я. У меня было безоблачное детство».

С первого до последнего слова аудитория оставалась в напряженном внимании. Когда я закончила, женщины столпились вокруг меня, прося о встрече с глазу на глаз. Они забросали меня вопросами, умоляя дать ответ. «Как вы сумели простить Бога?», «Как вы нашли способ должным образом управляться со своим гневом?», «Как вам удастся оставаться «собой», когда другие хотят перестроить вас по своему образцу?»

Боб, под впечатлением от их реакции, предоставил мне комнату в офисе администрации, чтобы я могла принять там эту сотню женщин. Я отказалась от намерения уехать после обеда и выслушивала их вопросы и истории. Они следовали за мной повсюду: в туалет, в лифт, в закулочную.

Мужчины, работающие в Паркер Дриллинг, также обратились с просьбой дать им возможность послушать мое выступление, и я произнесла свою речь еще раз. Такая заинтересованность была для меня неожиданностью. Их тоже потянуло на разговоры. В их собственной жизни были глубокие драмы, и они искали помощи.

Неделю спустя после прибытия в Талсу я возвращалась домой. Для меня не имело значения, что картины не были проданы. Вместо этого я размышляла о том, как много на свете страдающих людей, и о том, как искренне и задушевно они откликаются на мой рассказ о нападении и терапии. Эта поездка

каким – то образом была частью Божьего замысла о моем исцелении.

Мысли вихрем закружились у меня в голове. Всего год назад я оживила в памяти ужас, пережитый в восьмилетнем возрасте, и была по – новому организовать каждый уровень своей жизни. Привычный для мир разлетелся на куски. А теперь еще и это. *Я не понимаю!* Я взывала: *«Господи, во что ты меня тягиваешь? Похоже, впереди дикая пустыня, и пути по ней еще не значатся ни в одной дорожной карте».*

Снег заметал лобовое стекло, и непрекращающийся ветер раскачивал мой автомобиль. Я взглянула на деревья – совершенно голые. Но это уже не имело значения: через несколько месяцев на них снова распускаются листья. Я думала о том, для чего существует циклический процесс умирания и возрождения, круг разрушения и нового роста. *Сегодня я не просто живу, но живу, чтобы быть полезной другим. Мне есть для чего жить.*

Спустя несколько дней после моего возвращения у нас с Тоддом состоялась консультация у доктора Крайсела. После пяти месяцев разговоров о проблемах нашего супружества мы зашли в тупик и наше консультирование было приостановлено.

1982 год начался для меня с очередной поездки в Берлинге. Эти поездки превратились для меня в убежище посреди безумия моего мира. В Берлинге я могла быть собой. Там мой уровень боли снижался до нулевой точки, и я могла сосредоточиться на моих терапевтических сеансах. Мои теперешние проблемы порождали во мне чувства, которые незамедлительно повергали меня в боль прошлого, в ощущение оставленности, краха, страха, гнева и полного поражения.

Тогда я впервые позволила себе заново пережить нападение во время занятий группы. Члены группы, расположившиеся на подушках, на полу, были поражены силой моего переживания.

Они выразили свое участие, констатируя, сколь мизерными показались им собственные проблемы в сравнении с тем, через что довелось пройти мне.

Мой Плачущий обиженный ребенок обвел присутствующих взглядом, придя в смятение от мысли, что эти страдающие люди, судя по всему, преуменьшают свою боль. «Пожалуйста, не сравнивайте свою боль с моей. Каждому из вас были нанесены

раны, оставившие глубокие рубцы. Травмы могут быть разными, но каждый человек переживает свою собственную боль, и для него она – самая сильная».

По пути к Бабетт в тот вечер я осознала, что хотя нападение и было ужасным происшествием в моей жизни и его переживание представляло собой одну из самых болезненных вещей, которые когда-либо со мной происходили, я нашла причины, чтобы выжить и жить дальше. Я шла в темноте и думала о том, как это похоже на боль, связанную с Годдом, которую я переживаю теперь. Я запрокинула голову, пытаясь разглядеть бледные звезды на небе. *Какая же непроглядная темень сейчас в моей жизни. Наступит ли когда-нибудь рассвет?*

Дома все оставалось по-прежнему. Возвращаясь из Берлингема, я знала, что ничего не переменится, и все же втайне надеялась на это. Но стоило моим «детям» вернуться в Аризону, как началось землетрясение. Зияющие пропасти разверзались, чтобы поглотить меня. Мне казалось, что моих детей похоронят заживо.

На этот раз я оказалась погребена под горами бухгалтерских книг. От безумных головных болей раскалывался череп. Боли в груди убивали меня. Однажды я вновь рухнула на пол в кабинете. Я уперла кулак себе в грудь, пытаюсь уменьшить боль, чтобы вдохнуть. Мой плачущий обиженный ребенок бился об пол и кричал: «Боже, почему Ты позволяешь этому случиться со мной вновь? Это несправедливо!»

Умом я понимала, что справедливость тут ни при чем. Бог никогда не обещал, что все будет прекрасно. Он никогда не обещал жизнь без боли. Но несмотря на это я по-прежнему все просила, просила и просила избавления от боли.

Врачи, как и прежде, не обнаружили, что являлось причиной моей боли. Результаты всех анализов были нормальными. Кардиолог взглянул сквозь очки на мою кардиограмму. «Миссис Мюррей, что в настоящее время вызывает у вас стресс?»

Я принялась загибать пальцы, перечисляя главные причины.

Врач покачал головой. «Если вы существенно не измените ситуацию, то будете продолжать испытывать сильную боль, и, возможно, столкнетесь с новыми проблемами».

Я ушла из кабинета, довольная тем, что анализы ничего не обнаружили, но озабоченная стрессом, над которым была не властна.

В то время как мой организм вернулся к физическому состоянию, которое было до терапии, моя душа начала расти и расцветать. Мои «дети» решительно не собирались оставаться погребенными под обломками окружавшего меня хаоса. Мой Чувствующий взрослый пробился к ним и начал вытаскивать их из-под завалов. Пришла пора принять несколько здравых решений.

Я вновь появилась у доктора Крайсела. Я не была у него с тех пор, как мы с Тоддом несколько месяцев назад прекратили нашу терапию. После семи месяцев в Берлингеме я отдавала себе отчет в том, что физическая боль напрямую связана с моей эмоциональной болью. Я рассчитывала, что консультация у доктора Крайсела поможет мне выяснить, какие эмоциональные проблемы сказываются на моем физическом состоянии.

От доктора Крайсела не укрылась боль, отразившаяся на моем лице. Он наклонился ко мне и произнес: «Мэрилин. Неужели вы ни во что не цените свою жизнь? Табличка на мой двери говорит, что я семейный консультант. Мое дело – спасать браки. Но куда важнее для меня спасение жизней. Вам с Тоддом совершенно необходимо вновь прийти на консультацию, чтобы остаться в живых. Если вам с Тоддом представляется неудобным встречаться со мной – это нормально, я подберу вам другого консультанта прямо сейчас».

По дороге домой я навестила нашего с Тоддом старого друга. Он пригласил меня к себе в кабинет. Я спросила у него, не мог бы он поговорить с Тоддом вместо меня.

Я сказала: «возможно, тебе удастся убедить Тодда, что если мы не прибегнем к помощи консультанта, мне придется уйти, чтобы выжить».

Наш друг откликнулся: «Я поговорю с ним. У меня даже есть знакомый, которого я могу порекомендовать. Мы вместе работали. Он замечательный семейный консультант».

Несколько дней спустя Тодд обратился ко мне с предложением начать консультирование у терапевта, с которым он собирался встретиться.

Неужели, неужели мне не придется двигаться к моему новому рубежу в полном одиночестве! Это известие вернуло к жизни мои надежды. Оно не избавило меня от стресса, но на мгновение облегчило его. Надежда и поддержка.

Грохот землетрясения на время умолк.

11. болота и бикини.

Мне не сиделось на месте. «Что мне делать, Пит? Мне не к кому направлять этих страдающих людей, кроме как к тебе». Я беспокойно шагала по комнате. «и что именно происходило со мной? Что за «разделение на части?» Я хочу понять и осмыслить все это».

Доктор Дэнилчак взглянул на меня с понимающей улыбкой и произнес: «Ты не думала о том, чтобы вновь взяться за учебу?»

«Что?»

«Займись своим образованием. Почему бы тебе не заняться психологией?»

При мысли об учебе мне тотчас представилась орава молодых людей, которые годами слоняются из одной аудитории в другую. Я покачала головой. «Это не для меня».

Доктор Дэнилчак улыбнулся. «В этом смысле, конечно, нет. Но ведь существуют колледжи с государственными лицензиями, которые могут зачесть твою прежнюю учебу. Выясни, что есть поблизости, и посмотри, что тебе подходит».

Я обнаружила Оттавский университет в Фениксе. По иронии судьбы университетский городок располагался в Канзасе.

Я отправилась на первое собеседование, готовая к разочарованию, однако встреча превзошла все мои ожидания. Со мной обращались, как со взрослым человеком, поняли, что именно мне нужно, и знали, как мне помочь. Первым делом мне предложили пройти подготовительный курс из восьми занятий по одному вечеру в неделю.

На первом занятии я оглядывалась вокруг, с тревогой понимая, что впервые после терапии мне придется постоянно общаться с незнакомыми людьми. Сознывая свою ранимость, я

сомневалась, удастся ли мне удержать равновесие между настоящим и прошлым.

Взяв себя в руки, я села на единственное свободное место возле чернокожего джентльмена лет примерно пятидесяти пяти. Выяснилось, что во время Второй мировой войны он находился в тренировочном лагере, который базировался на Среднем западе. Я тут же вспомнила о нападении, но запретила себе думать об этом и постаралась получше узнать этого человека. Он оказался внимательным и вежливым. Я порадовалась тому, что мое выздоровление достигло той стадии, когда я смогла подружиться с незнакомцем.

На следующий день между мной и Тоддом произошел очень тяжелый разговор. Я с большим энтузиазмом делилась своими впечатлениями от учебы. Для меня это стало осуществлением цели всей моей жизни. Тодд не разделял моих восторгов на этот счет. Однако я вновь получила поддержку. На этот раз она исходила от доктора Ральфа Эрла, с которым мы начали работать одновременно в качестве семейного консультанта и индивидуального терапевта.

Мне нередко начинало казаться, будто я с треском тащусь через угрюмые болота, где кругом зыбучие пески. Проваливаясь в трясины, я искала руку помощи. Доктор Эрл, Доктор Дэнилчак, Джинджер, Мисси, Мэри Сью, Синтия Моурс – моя новая приятельница, работавшая терапевтом в офисе доктора Эрла, моя группа «Больше чем друзья»: я нуждалась в людях, готовых мне помочь выкарабкаться и обладающих достаточной силой для этого.

Мой плачущий обиженный ребенок, похоже, не собирался оставлять меня в покое. Он всегда был где-то поблизости, своим плачем давая мне знать, что он по-прежнему по горло в трясине. Его засасывают разочарование в Тодде, возрастающая физическая боль, проблемы в галерее, тревога за родителей, сплетни, которые обо мне ходят. Последние с каждым днем становились все неприятнее.

Большинство людей не понимало мою боль. Они не были способны отождествиться с ней. Понять меня им было ничуть не легче, чем людей, вернувшихся из Вьетнама. Людей, чьи личные

границы были разрушены минами в Дананге, пулеметами вокруг Дакто или охранниками – садистами в тюрьме Хоало.

Моя боль не могла сравниться с болью этих людей. Но мои личные границы были точно так же разрушены, и последствия этого отражались на моих близких точно так же, как и на членах семей ветеранов Вьетнама.

Люди предпочитают закрывать глаза на то, что Вьетнам вообще имел место. Люди предпочитают закрывать глаза на то, что существует сексуальное насилие над детьми. Принять, что эти ужасные вещи действительно происходят, значит обратиться к своей собственной боли, собственной потребности в исцелении – а такая перспектива пугает.

С чего начинается исцеление? Сколько часов, недель, лет терапии потребуется пройти? И будет ли человек совершенно здоров после этого? Как можно судить о том, насколько человек выздоровел эмоционально? Кто устанавливает нормы? Слишком часто норма выражается следующим образом: любой, кто вписывается в мой тип границ – здоров. Любой, чьи границы отличны от моих – болен.

Многие из этих людей не понимали, что семь месяцев интенсивной терапии не могли просто стереть моего Плачущего обиженного ребенка. За это время терапия смогла лишь обнаружить этого ребенка и помочь мне понять, как много сил ему пришлось положить, чтобы сообщить мне о своем существовании. Терапия научила меня общаться с этим ребенком, но сам ребенок не мог быть «стерт». Это не повторяется.

Некоторые люди думали, что смысл терапии был именно в том, чтобы заставить боль исчезнуть. Они не понимали, что исцеление – дело всей оставшейся жизни, что некоторые некогда раны никогда не заживут полностью. Терапия может помочь затянуться открытым ранам, но шрамы останутся все равно. Организм может вести себя так, как если бы с ним все было в порядке; но кожа натянута и чувствительна к прикосновениям, как у человека, который получил серьезные ожоги по всему телу. Огонь может опалить человека до самой души. То же и с сексуальным насилием. Это огонь, который испепеляет. У кого-то серьезные ожоги затрагивают только часть тела. Я была покрыта ожогами вся, целиком.

Я не знала толком, как вести себя со своим Плачущим обиженным ребенком. Я не могла решить, стоит ли говорить людям о том, что маленькая девочка, терзаемая болью, по-прежнему существует, или сказать им, что все в порядке. Сказать, что со мной все в порядке, означало солгать, но ведь никто не хотел слышать правду о боли.

Тодд и я продолжали бывать у доктора Эрла, но эти встречи происходили нерегулярно. Вопреки проблемам, всплывающим на наших консультациях, для окружающих мы по-прежнему оставались идеальной счастливой семьей, регулярно посещающей церковь. Мы ходили на приемы и выставки, и сами устраивали их. Мы улыбались, рассыпаясь в любезностях друг перед другом. Но наедине наше общение сводилось к минимуму. Молчаливая злоба начала заполнять наш дом.

Мысли о Берлингеме отзывались в моей душе покоем и ностальгией. Я думала о долгих умиротворяющих прогулках по субботам, которые возвращали силу моим ногам. Мне нравилось быть на природе, смотреть на деревья и цветы. Ничто не нарушало тишины и покоя – никаких конфликтов с мужем, матерью. Родственниками, друзьями, прихожанами, на работе, в галерее: никаких невыполненных обещаний, неудачных сделок и обманов, покупателей, и так далее, и так далее. В Скотсдейле мне не удавалось быть собой, радоваться красоте, смеяться и болтать, не задумываясь о том, чего следует и чего не следует говорить.

Я регулярно посещала церковь. Я любила людей, которые поддерживали меня в молитве, пока я проходила терапию. Я была благодарна тем, кто присылал мне письма и открытки со словами одобрения. Без этих людей я не смогла бы перенести семь месяцев терапии. Их любовь и поддержка помогли мне пережить все это.

Порой кто-то из прихожан в церкви тихо подходил ко мне и без слов меня обнимал. Их глаза говорили: «я понимаю вас. Я был на вашем месте». И мне очень хотелось им сказать: «Будет лучше, если вы дадите вашему Плачущему обиженному ребенку обнаружить себя. Теперь вам ничего не грозит. Бог создал вас, и Он не хочет, чтобы вы томились в неволе».

Бог, в которого я теперь верила, воспринимал каждое человеческое существо – мужчину или женщину, ребенка или взрослого, белого или цветного – как равного, как возлюбленного,

как личность, обладающую достоинством и значимостью, личность, которая имеет право быть свободной. Бог, которому я училась доверять и которого училась любить, не был тем Богом, который учит тому, что женщины, дети и люди с другим цветом кожи являются гражданами второго сорта.

Бог, который помог мне остаться в живых после нападения и пережить боль моей терапии, конечно же не собирался позволить мне умереть теперь. Из дня в день я обретала все большую уверенность в том, что Бог доволен тем Чувствующим взрослым, который продолжал расти во мне. Мой Чувствующий взрослый задавал вопросы и сомневался, стремясь установить свои собственные ценности и убеждения, даже если некоторые из них вступали в противоречие с убеждениями любимых мною людей. Я больше не воспринимала себя только как женщину. Я начала верить в свою свободу, которая дана мне как личности – самостоятельной личности с собственными взглядами и потребностями, которая убеждена в том, что у нее есть право удовлетворять эти потребности.

Я чувствовала, что человеческие интерпретации извратили то, что Бог первоначально имел в виду. Несомненно, Бог не хочет, чтобы Его Церковь подавляла в нас ту личность, которую Он желает в нас видеть.

Моя старая боязнь совершить ошибку породила ожесточенную войну против удовлетворения моих потребностей. В моем бессознательном «ошибиться» означало быть «стертой с лица земли». «Допустить ошибку» значило «пропустить свою остановку и подвергнуться физическому и сексуальному насилию – вплоть до полного уничтожения». Со дня нападения я принимала решения так, как если бы вбирала между жизнью и смертью.

Война продолжала бушевать у меня в душе. Мне было страшно и одиноко. Порой я переставала понимать, что хорошо, а что плохо. Но интуиция подсказывала мне, что личность внутри меня – это та драгоценная личность, которую мне дал Бог и которой он даровал жизнь.

Головные боли стали такими же сильными, какими они были до моей поездки в Берлинге. Новые стрессы валились на меня со

всех сторон, от чего я еще глубже проваливалась в болотную тряси́ну.

Я начала признавать и принимать ответственность за совершенные мною поступки, ставшие причиной проблем в нашем браке. Тодд всегда был более сочувствующим, более эмоциональным, нежели я. Когда мы поженились, он был «человеком чувств». Часть меня – Контролирующий ребенок – воспринимала чувства как угрозу, и потому я исподволь подавляла и сдерживала Естественного ребенка Тодда, пренебрегала и манипулировала им, так что он едва не исчез.

Мы в самом деле любили друг друга. Если бы только мы знали, что чувствовать – это нормально. Заботиться о себе – это нормально. Нормально быть двумя независимыми людьми, которые воздают друг другу должное и помогают друг другу развиваться.

Я надеюсь, что это еще возможно, и молилась об этом. Но что, если нет? Я не считала, что имею право на развод.

По мере того, как я развивалась, я наблюдала, что крайнее послушание имеет место, когда «я» целиком и полностью растворено в других. Гуманизм достигает своей крайности, когда от «я» требуют проявлять власть, не беря в расчет других. Теперь мне казалось, что подлинно духовная личность сохраняет равновесие между этими двумя крайностями. Это личность, которая признает, что Бог действует в ее жизни, но кроме того имеет отчетливое понимание собственного достоинства. Только когда человек способен заботиться о себе и о своих потребностях, только тогда он может распространить свое «я» на других людей и подлинно, с любовью заботиться о них. Пребывая в нерешительности, я решила посоветоваться с доктором Эрлом насчет моего поступления в университет. Я вкратце набросала ему свои планы: получить в конечном итоге докторскую степень и выступать с публичными докладами. «Вот чем бы я хотела заниматься. Но все зависит от того, насколько мне удастся разрешить проблемы моего брака».

Доктор Эрл отозвался: «похоже, это именно то, что вам нужно, Мэрилин. У вас есть талант, ум, опыт и умение всем этим заниматься. Продолжайте в том же духе и делайте все, на что вы

способны. Учитесь, выступайте, путешествуйте, приносите пользу другим людям. Будьте собой».

Доктор Эрл побуждал меня быть восприимчивой к своим чувствам, к своим желаниям. Он продолжал спрашивать меня о моем намерении учиться. Я не знала, как ответить. «С тех пор, как я вышла замуж, у меня не было никаких личных устремлений. Моей единственной задачей было делать все возможное для Тодда, своей семьи, своей церкви, движения «Больше, чем друзья. И ничего - для себя». Я глубоко вздохнула. «Снова заняться образованием – это первая цель, которую я поставила перед собой за последние двадцать шесть лет».

Доктор Эрл широко улыбнулся. «Отличная задача. Беритесь за нее!».

Радуясь поддержке доктора Эрла, я перешла к следующему этапу моего плана. Я обшарила все коробки и папки и нашла документы, необходимые для того, чтобы уже проделанная мною работа пошла мне в зачет. Я заполнила три толстые папки свидетельствами, полученными за годы моей работы начиная с первой должности в Прескоте и Джека Мимса. Я улыбалась, довольная тем, что хоть раз мне пригодилось то, что я, как запасливая мышь, никогда ничего не выбрасывала. Радость от того, что я наконец – то делаю то, что мне хочется, отодвигала на задний план все трудности, связанные с поиском и подбором фотографий, газетных вырезок и машинописных подтверждений моего прошлого опыта. Мой консультант по учебе помог мне отобрать документы, обладающие наибольшей убедительностью. Мне зачли курсы по маркетингу на основании всей моей работы, связанной с продажами: благодаря своей деятельности в «Больше чем друзья» я получила зачет по психологии. В полном восторге я расписала план своих занятий, до предела заполнив свои дни учебой. Все шло как по маслу.

Вскоре в нашу семью пришла новая радость. У Джинджер и Брэда родилась Джэнел Джой, и Биджей испытывал законную гордость, став старшим братом.

Радость помогала преодолевать трудности.

Моему Естественному ребенку придавали сил удовольствие и азарт от учебы. Он чувствовал себя увереннее благодаря тому,

что я крепла физически, несмотря на рецидивы мигрени и боли в теле.

Я стала стройной, элегантной и загорелой. Джинджер и Мисси поддразнивали меня, заявляя, что в своих новых бикини я недостаточно похожа на бабушку. Вместе с Мисси я посещала занятия аэробикой, требующие немало усилий, и получала от этого огромное удовольствие. И Джинджер, и Мисси были профессиональными моделями. Они подобрали мне новые прически и макияж. Они подбили меня покупать одежду, которая приходилась по вкусу моему Естественному ребенку. Мой Контрольный ребенок носил только черное, синее и коричневое. Мой Естественный ребенок любил розовое и лиловое, предпочитал кружевное белье, мягкие шелковые ткани, пышные юбки. Строгие деловые костюмы остались в прошлом.

Джинджер и Мисси были в восторге от моей новой фигуры сорок четвертого размера - того же, что и у них. Они сошлись в том, что мамин гардероб – лучший бутик в городе. Мои новые непринужденные отношения с дочерьми казались восхитительными всей троице. Мы общались как друзья, как равные. Я становилась такой, какой я была на самом деле.

Время, которое я проводила с семьей, с доктором Эрлом, с Синтией, в группах «Больше чем друзей», на занятиях, на периодических консультациях у доктора Дэнилчака помогли мне вынырнуть из трясины и глотнуть воздуха.

Как и прежде час крайней радости сменился часом или двумя жуткого разочарования. Уныние, страх, унижение, боль, покой, удовлетворение и подъем порой умудрялись разом втиснуться в один день. Постепенно радость стала вытеснять разочарование. Увидеть эти перемены можно было только оглядываясь назад. Болото высыхало, путь и очень медленно.

Сущность человека по имени «Мэрилин» продвигалась все дальше и дальше по своему пути. Шаг за шагом она оставляла позади свои прежние границы – границы своего поколения, своей культуры, своего наследия.

Вернуться к старым личным границам значило бы заново похоронить своего Естественного ребенка. Но она берегла в себе этого Ребенка, прикасалась к нему, чувствовала этого Ребенка и

была убеждена в одном: однажды встретившись со своим Естественным Ребенком, вы ни за что не согласитесь его потерять.

Но какой будет цена за встречу со своим подлинным «я»? развод? Потеря семьи, друзей, репутации, финансового благополучия? Мне не хотелось думать о том, чем мне придется расплачиваться.

12.

КОМЬЯ ГЛИНЫ

стоя на холме и обозревая новый рубеж своей жизни, я видела долины, цветы, деревья, зеленую траву и – реки. Реки знаний. Оттавский университет в буквальном смысле стал для меня оазисом в пустынной Аризоне.

Мой Естественный ребенок верил, что обширные познания ума – это замечательно, но куда предпочтительнее веление сердца и души. Обрести то и другое средство стало целью, которая побуждала меня действовать.

Мне нужно было интеллектуальное знание, опираясь на которое, я могла бы понимать страдающих людей и помогать им. Я не желала интеллектуального знания, которое удаляло бы меня от Бога. Мне нужно было знание, которое помогало бы мне глубже понимать Его мироздание и людей в нем.

Едва приступив к учебе на бакалавра, я взялась за поиски подходящей программы для магистратуры. Я, как и прежде, чувствовала потребность прикрыть тылы и распланировать все наперед. Когда я подыскала подходящее для этого учебное заведение, доктор Эрл посоветовал мне обратиться к его другу доктору Сэнди Мэйзену, профессору факультета консультирования в Университете штата Аризона.

К моему разочарованию доктор Мэйзен убеждал меня поискать программу в другом месте. «Наша программа психологии подходит тем, кто может вписаться в ее рамки. У вас уже сложилась конкретная сфера деятельности, в которой вы становитесь специалистом. Принимая во внимание ваш возраст,

вы едва ли захотите потерять уйму времени на бесполезную информацию».

Он помолчал уставившись в пол, затем перевел взгляд на меня. «Вы согласились бы выступить перед моими студентами и рассказать им о вашем опыте прохождения терапии?»

Мое разочарование как рукой сняло. «Я буду рада рассказать о регрессии, которая приносит результат. Тем более что было немало негативных случаев в результате неправильного применения регрессивной терапии».

Доктор Мэйзен поглаживал рукой свои усы. «Не могу отделаться от предчувствия, что вы сможете мне помочь еще в одном деле».

«Что это за дело?»

«Я веду группу индивидуальной терапии с заключенными, отбывающими срок за изнасилование и растление малолетних в тюрьме штата Аризона, во Флоренсе».

У меня перехватило дыхание. «В самом деле?» Сердце екнуло. Мои перепуганные внутренние дети заверещали: «Вернуться в тюрьму? К насильникам?»

Но мой Чувствующий взрослый ответил доктору Мэйзену: «Одна из причин, которая побудила меня делиться своей историей публично, - это то, что многие насильники считают, что их жертва вовсе не была «так уж обижена», и что она «позабудет» это «происшествие». Я помолчала. «У меня есть запись одного из сеансов, где я заново переживают нападение. Не думаю, что я готова отправиться в тюрьму собственной персоной, но возможно, эта запись может оказаться полезной».

Доктор Мэйзен задумался, его взгляд был обращен в никуда. Спустя мгновение он, как ни в чем не бывало, вернулся в нашему разговору. «Я сидел и пытался представить, какой будет реакция, если я прокручу эту запись моей тюремной группе».

Я подхватила эту мысль. «Может быть, это принесет пользу». Во многих случаях жертва сексуального насилия не в состоянии кричать. И даже если она кричит, насильник может быть настолько поглощен происходящим, что эти крики до него не доходят».

Доктор Мэйзен подался вперед. «Мэрилин, мужчины, с которыми я работаю, действительно пытаются стать другими. Я думаю, ваша запись может глубоко их потрясти».

Я покинула кабинет доктора Мэйзена, услышав от него на прощание: «Я абсолютно убежден, что ничто не бывает случайным. Надеюсь вскоре увидеть вас снова».

Я продолжала посещать занятия вопреки непрекращающимся мигреням и болям в теле. Мой любимый курс – теории консультирования – вел доктор Ларсен. Я тщательно конспектировала его лекции и то и дело кивала. Мне хотелось, чтобы весь остальной мир узнал о тех вещах, которым учил этот человек.

Доктор Ларсен расхаживал перед доской со спокойствием авторитета. «Игнорировать прошлое клиента, если это прошлое содержит физическое или эмоциональное насилие, и корректировать одно лишь поведение – неэффективно и несерьезно».

Я молчаливо одобрила это простое, но такое важно утверждение. Казалось, доктор Ларсен понимал самую суть терапии.

Как-то вечером после занятий он обратился ко мне, когда я убрала свою тетрадь. «Вы не против выпить кофе? У меня есть клиент, которого я хотел бы обсудить с вами».

Я охотно согласилась, лстя себе мыслью, что мой преподаватель обратился ко мне за содействием.

Его клиентка, Нэнси, была жертвой жестокого насилия, и сексуального и эмоционального. Она была склонна к суициду, в связи с чем ее не раз отправляли в психиатрическую клинику.

Слушая, как доктор Ларсен излагает подробности, я мысленно прослеживала свои собственные месяцы прохождения терапии. Перебирая воспоминания, я нашла переживая, подобные тому, что он описывал. Мы поговорили о том, что оказалось наиболее благоприятным и целительным для меня в тот период времени.

Спустя неделю доктор Ларсен заявил, что доволен итогами моих предложений. Он во второй раз обратился ко мне, чтобы узнать мою точку зрения, и я вновь дала ему ответ исходя из своего собственного опыта.

Шли недели, и я обнаружила, что моя терапия не ограничивается только лишь моим исцелением, но превращается в источник терапевтической информации, которая может оказаться полезной другим.

Итоговое задание курса поставило передо мной нелегкую задачу – исследовать мою теорию с целью установить различные теоретические концепции, которые мой терапевт использовал в лечении. Придя домой, я взяла большие листы ватмана, расстелила их по всему полу в моем кабинете и принялась чертить на них диаграммы семи месяцев пребывания в Берлингеме. Как-то ночью идеи и мысли, прокручивающиеся у меня в голове, настолько меня возбудили и вызвали желание тотчас приняться за дело, что мне совсем расхотелось спать. Следуя порыву, я выскочила из постели среди ночи и трудилась, пока не стало светать.

Я набрасывала втайне графики, круги, треугольники и контуры на листах ватмана – идеи так и сыпались, словно из какого-то потайного источника. Когда рассвело, огромные листы бумаги устлали пол подобно фрагментам громадного дневника, поведавшего историю в рваных линиях и пятнах чернил.

Изучив весь этот хаос, я заметила, что в нем вырисовывается определенная схема. За эти дни работа полностью меня поглотила. Не раз я за один присест заполняла примечаниями и набросками большой блокнот. Записи и схемы вызвали новые идеи. Я пыталась найти некие визуальные образы, чтобы показать перед курсом то, что иллюстрировало бы понятие «море боли».

В день моей презентации я разложила историю семи месяцев моей терапии. Затем расставила перед собой на столе в последовательном порядке пять бутылок разной величины с нанесенными на них делениями, в каждой из которых была подкрашенная жидкость – от светлой до темной. Набрав побольше воздуха, я приступила к пояснениям.

«Многие люди задают вопрос, почему я проходила терапию так долго. Почему я не вернулась домой сразу после «извержения» моего «вулкана»? Разве мне не было достаточно узнать о том, что произошло?»

Возможно, эти бутылки, которые символизируют это море боли, помогут прояснить, почему я решила продолжать терапию.

Как долго человек продолжает свое лечение, определяется отчасти масштабами и глубиной его моря боли».

Я протянула руку к самой маленькой бутылочке и подняла ее повыше на всеобщее обозрение. Вода в ней не была чистой; она была слегка подкрашена к коричневый цвет. «Эта бутылочка изображает девочку, которую очень любили мать и отец. Однако у нее был старший брат, который то и дело ее дразнил. Ее море боли не такое уж и значительное; вдобавок есть крышка, которая легко отворачивается, что позволяет ей свободно обращаться со своим прошлым».

Следующая бутылка в моей руке была несколько больше, а жидкость в ней была чуть темнее. «Эта бутылка изображает мальчика, мать которого любила его, а отец нет. Папа постоянно его ругал, обзывал тупицей, попрекал его, когда сын приносил домой четверки, а не пятерки, как и за то, что он не был лучшим игроком в своей футбольной команде. Его море боли темнее, но здесь также есть крышка, которую можно отвернуть.

Третья - это ребенок, чьи родители совсем не любили его. Они никогда не брали его на руки, не обнимали его и не говорили ему о том, что они его любят. К счастью, у него была замечательная бабушка, с которой они вместе пекли печенье и читали сказки».

Четвертая бутылка была очень высокой, а вода густо окрашена в коричневый цвет. Она была уже абсолютно непрозрачной, а местами казалась черной. «Эта бутылка представляет собой девочку – жертву инцеста. Ее море боли глубокое и огромное. Вместо крышки бутылка заткнута пробкой, которую очень трудно вытащить. Девочка захоронила много воспоминаний и большинство чувств, связанных с ее тяжелым детством».

Я опустила четвертую бутылку на стол. Почти не дыша, я взяла в руки пятую бутылку. Слушатели настолько хорошо ухватили мою идею, что едва они увидели эту безобразную бутылку, на их лицах отразилась та боль, которую она была призвана символизировать. Жидкость, подобная почерневшей слизи, удерживалась пробкой, забитой глубоко в горлышко.

Когда я заговорил, у меня тряслись руки. «Последняя бутылка – это я, с темным, клокочущим морем боли, растущим с

каждым днем. Любая стеклянная бутылка с растущим внутри давлением, в конце концов лопнет и разлетится на куски, если давление не уменьшится. Люди ломаются по-разному, но это всегда губительно для них. У некоторых развивается зависимое поведение, и они становятся истязателями по отношению к самим, а подчас и к другим. Некоторые разрушаются эмоционально. У других, подобно мне, развиваются психологические симптомы.

Я взяла куски глины и стала прилеплять их к бутылке. «Эти куски глины показывают, как тело реагировало на мои подавленные воспоминания и чувства. Мое бессознательное использовало мое тело, пытаясь сообщить моему сознанию о нападении. Так как мое тело не могло взорваться как бутылка, оно высвобождало свою внутреннюю боль способами, которые *заново воспроизводили* нападение».

Я перечислила свои психологические симптомы: боль в ногах, головные боли, боль в груди, проблемы с челюстью, астма, постоянная слизь в горле. Я наклонилась и извлекла из-под стола еще одну бутылку – огромную бутылку, целиком облепленную комьями глины, которую я покрасила черной краской из пульверизатора.

«Эта безобразная бутылка – это я, какой я выглядела в день своего приезда в Берлинге: бесформенная комковатая масса физической и эмоциональной боли. Как видите, пробка у этой бутылки сидит глубоко внутри, из-за чего ее невозможно удалить рукой, без подручных средств».

Я взяла в руки открывалку для бутылок. «Этот штопор изображает помощь, которую я получила – регрессивную терапию. Пройденная мной терапия расшатала и вытасила пробку, и таким образом боль, которая росла внутри меня, была высвобождена до того, как взорваться суицидом или непоправимыми психологическими и эмоциональными нарушениями.

Всем вам доводилось видеть, как открывают бутылку шампанского – пробка вылетает и шампанское бьет фонтаном под давлением получивших выход газов. Но когда пена иссякает, бутылка остается, по существу такой же полной, как и была. В тот вечер, когда извергся мой вулкан, пробка выскочила из бутылки. С ней вышла и часть боли. Но моя бутылка с огромным морем

боли оставалась почти такой же полной. Одно лишь знание о нападении не избавило меня от проблем. Одного знания недостаточно. Поэтому мне пришлось начать долгий и трудный процесс избавления от боли».

Мой однокурсник поднял руку. «Каким образом это можно сделать»?!

«Для этого есть два пути. Можно перевернуть бутылку вверх дном и вылить разом всю отраву. Поступить подобным образом - значит вызвать тяжелый нервный срыв, после которого придется очень долго восстанавливаться, и возможно, до конца это сделать так и не удастся».

Я достала из-под стола бутылку с водой, подкрашенной в голубой цвет, и бутылку масла. «Другой способ высвобождения боли – добавить в бутылку вещество, которое тяжелее воды. Бутылка с подкрашенной водой – это мой терапевт, а с маслом – это я». Приподняв повыше обе бутылки, я начала добавлять воду в масло. «Это то, что мой терапевт делал для меня. Он входил в мои переживания, работал с ними и поддерживал меня. Его поддержка была весомее моей боли, давая возможность ей понемногу выливаться небольшими порциями».

Я улыбнулась своим слушателям и продолжила: «Я думаю, что совершенно избавиться от боли невозможно. Сколько бы вы ни мыли бутылку из-под масла, на ней все равно останется масляная пленка».

Я поставила бутылки обратно и обратилась к аудитории. «Мое лечение состояло из трех этапов. Первый – удаление пробки, моего Контролирующего ребенка, которые удерживал мучительные воспоминания и чувства. Второй – высвобождение боли моего Плачущего обиженного ребенка, заключенного внутри этого моря боли. И третий этап – заполнение бутылки новым содержимым, посредством возвращения моего Естественного ребенка, каким я была создана».

Доктор Ларсен улыбнулся мне и подал знак, что все идет хорошо. Я ответила ему улыбкой. Одно дело делиться своей историей с непрофессионалами. И совершенно другое – представлять свою теорию перед академической группой. Однако я с этим справилась, и даже снискала положительные отзывы от моих сокурсников.

Через неделю я излагала этот же материал перед студентами доктора Мэйзена с факультета психологического консультирования Университета штата Аризона. Завершив своей рассказ, я предложила задавать вопросы.

Внезапно тишину разорвал вопль. Донна, одна из студентов, корчилась на своем стуле; ее тело согнулось в знакомой мне позе жертвы насилия.

Мгновение – и я была возле нее, помогая ей лечь на пол. Укачивая ее на руках, я тихонько нашептывала: «Я здесь, пусть все идет, как идет. Я позабочусь о тебе».

Плачущая, рыдающая, стонущая Донна вновь превратилась в пятилетнюю девочку, которую завели в подвал, где с ней совершили развратные действия. За то время, что я работала с ней, Донна вспомнила три полностью подавленных случая сексуального насилия.

Студенты были поражены. Они никак не ожидали, что на Донну обрушится ее прошлое. Они знали ее терапевта, работающего над своим вторым дипломом магистра. Некоторые были в курсе, что на протяжении двадцати лет она то и дело проходила терапию. Понемногу студенты разошлись, отправившись на очередные занятия, не подозревая, что это был первый «клиент», с которым я когда-либо работала.

Прошло несколько часов, прежде чем Донна смогла сесть. Она испытала облегчение и была чрезвычайно удивлена происшедшим. «Я всегда догадывалась о существовании чего-то, над чем мне необходимо работать, но я никогда не была способна войти с этим в контакт. Но сегодня, когда я слушала вас, из меня словно что-то выскочило, чтобы прикоснуться к вам. Каким – то образом я знала, что вы поймете меня. Наконец-то мне было безопасно выбраться из той глубины, где я была похоронена больше пятидесяти лет».

Как-то субботним вечером я рассказала об этом случае доктору Ларсену. Наши «кофейные» беседы стали проходить все чаще. По субботам мы встречались у меня дома, в кабинете, где мы детально изучали мои графики. В тот вечер он покачал головой, всматриваясь в мои схемы. «Знаете, Мэрилин, хотя у меня и имеется докторская степень и две магистратуры, я не получил никакой специальной подготовки в том, как обращаться с

жертвами сексуального насилия». Он пробежал глазами одну за другой несколько схем и остановился. «Я считаю, что теории по большей части создают теоретики и терапевты, которые стоят снаружи и заглядывают внутрь, стараясь разгадать, что происходит в голове ребенка».

Но ведь я есть этот ребенок» - откликнулась я. – «Я нахожусь внутри, выглядывая наружу. Я могу поведать о том, что чувствует этот ребенок, и о том, что вы, как терапевт, можете сделать, чтобы этому ребенку стало лучше. Врач не сможет прописать противоядие, если не будет знать, каким был ад. Представляете, насколько результативнее стали бы работать терапевты, если бы они понимали, что происходит в бессознательном ребенке в случаях травмы или депривации».

«Ну что же, ваши идеи, несомненно, оказались полезными в случае с Нэнси. Благодаря вас ее выздоровление идет значительно быстрее».

В моем голосе звучало возбуждение, с которым я принялась выкладывать свои соображения доктору Ларсену. «Я провела множество исследований, связанных с процессом «разделения на части» - обычного защитного механизма, который задействуется при травме и депривации. Вокруг этого так много неразберихи. Люди путают его с шизофренией. А как вы знаете, «шизиод» в переводе с греческого это «разделение, расщепление».

Я протянула ему черновой набросок реферата моей дипломной работы (он был моим научным руководителем) и продолжила: «После долгих исследований и размышлений я решила использовать слово «скиндо», латинское слово, обозначающее «разделение», чтобы охарактеризовать эту врожденную эмоциональную защитную систему. Я называю свою теорию – «Синдром скидо».

В его глазах было одобрение, и я продолжала: «Я полагаю, существует определенный стереотип того, как ребенок реагирует на травму или депривацию – то, что заставляет его разделиться на части», чтобы остаться в живых. Все мои выкладки говорят именно об этом».

Я добавила с усмешкой: «Джордж, в душе я ведь по-прежнему торговец. Только сейчас вместо рекламы джинсов, сапог или предметов искусства я стараюсь убедить людей в том,

что обращаться за терапевтической помощью - это нормально. И убедить терапевтов быть готовыми к тому, чтобы оказывать эту помощь».

Он кивнул: «вот почему в случае в Нэнси ваши размышления оказались столь полезны. Я только сейчас начинаю понимать, что у нее множественная личность. Но, послушав вас, я склоняюсь к тому, что оно имеет место намного чаще, чем представляет себе большинство людей».

Джордж нагнулся и принялся разглядывать листы ватмана, устилавшие весь пол в моем кабинете. «Если эти схемы верны, то выходит, каждый человек, является, по крайней мере, «тройственным множеством?»

«Итак, вы думаете, что моя теория имеет практический смысл?»

Доктор Ларсен, не колеблясь, ответил: «Я думаю, скоро вы будете приятно удивлены, обнаружив сколь широк спектр ее применения». Воодушевленная интересом доктора Ларсна, я начала свыкаться с мыслью о том, что мои теории могут быть полезны другим людям.

С момента окончания моей терапии минуло два года. Неужели прошло так много времени?

1982 год закончился тем, что указал мне новое направление, о котором я еще ничего не знала. Новый 1983 год взял меня за руку и указал путь в далекое будущее с новыми яркими возможностями. Мой ежедневник стал заполняться договоренностями о выступлениях.

В январе я отправилась в Остин, штат Техас, чтобы встретиться с Флоренс Литтауэр, организовавшей еще одну мою презентацию для КЛАСС. Я прилетела в Техас за два дня до выступления, чтобы иметь возможность переговорить с тамошними терапевтами. Мне были нужны консультанты, к которым я могла бы направить многочисленных женщин, подходивших ко мне после каждой моей презентации.

После семинара я задержалась в городе еще на три дня, консультируя в день по двенадцать – пятнадцать человек. Все женщины высказывали сходные жалобы. «Прежде я никогда об этом не рассказывала», Или «Я рассказала пастору (врачу, консультанту, учителю), а он ответил, что в этом нет ничего

страшного», и не стал ничего предпринимать». Или: «Мне было сказано, что если я почаще буду брать в руки Библию и молиться, чтобы укрепить свою веру, со мной все будет в порядке. Долгое время я так и делала. Почему же мне по-прежнему так больно?».

Мое сердце разрывалось от открывшейся передо мной боли. Мой Плачущий обиженный ребенок в ярости топал ножками. «Сексуальное насилие – это действительно страшно!»

Я объясняла этим женщинам, что не только сексуальное насилие причиняет боль. Любое физическое или эмоциональное насилие губительно для ребенка. Вновь и вновь я твердила, что им необходимо обратиться к терапевту со своей эмоциональной болью, и что в том нет ничего «бездуховного».

Мне начали звонить и писать письма люди, говорившие, что моя презентация стала для них событием, которое спасло им жизнь. Обсуждая с Тоддом эти отклики, я ощущала его раздражение. Я чувствовала, что ему тяжело с такой же степенью понимания относиться к страданиям этих людей, и вдобавок ощущала, что моя работа все более отдаляет нас друг от друга.

Я размышляла о том, что мы с Тоддом представляем вместе и чем бы мы могли стать. Как партнеры по бизнесу мы составляли великолепную команду. Каждый знал, что сказать, и когда это сказать. Всегда сердечный, дружелюбный и готовый помочь, Тодд обладал неимоверным талантом создавать особенную атмосферу в магазине или в галерее, и он отлично умел продавать.

Я хорошо вела дела и также умела заниматься продажей. Вместе мы устраивали великолепные годовые выставки. *Но есть ли между нами действительно близкие отношения? Умели ли мы когда-нибудь их создавать?*

Действительно ли у нас с Тоддом есть шанс? Возможна ли между нами настоящая близость? Смогу ли я терпимо относиться к его нуждам? Будет ли он оказывать мне поддержку? Почему-то мне начинало казаться, что близкие отношения, физические и эмоциональные, могут больше вообще никогда не случиться в моей жизни.

Я понимала, что жизнь, ожидающая меня впереди, ужасно одинока, но жизнь внутри границ моего мужа, как и внутри границ любого другого человека, казалась мне еще более одинокой. Мне хотелось идти по пути вместе. Этого не

получалось. Я была эгоисткой? Возможно. Мне нравилось учиться. Мне нравилось видеть, как благодаря моей работе в жизни людей происходят перемены.

13

забор из колючей проволоки

Некоторые из тех, кто прежде поддерживал меня, стали проявлять безразличие, переходящее во враждебность. Многие из моих церковных друзей принимали в штыки мою независимость и мои устремления, которые не вписывались в служение своему мужу.

Родители пребывали в замешательстве, не зная, как относиться к тому, что со мной произошло много лет назад, и к тому, что я делаю теперь. У людей их поколения было не принято открыто говорить о своей боли, так что они просто хранили молчание.

Дженнифер и Мисси не хотели становиться на чью-либо сторону. Они любили и поддерживали и Тодда, и меня. Они злились на нас обоих за то, что мы не в состоянии наладить наш брак.

Я больше не знала, люблю я Тодда, или нет. Я устала. Я перестала понимать, хочу ли я по-прежнему бороться с нашими проблемами или с ним. Напряжение и стресс усиливали мою физическую боль. Работая с бесконечными кипами бухгалтерских книг в галерее, я обкладывала себя грелками, чтобы смягчить сильную боль в груди.

Мое чувство благоразумия и равновесия часто зависело от терапевтических сеансов с доктором Эрлом. Я по-прежнему навещала Берлингем, чтобы встретиться с доктором Дэнилчаком. Однако теперь он консультировал меня в моих теоретических исследованиях. Его познания о защитном механизме разделения на части – тема его диссертации - помогли мне дополнить мое понимание этого процесса. На протяжении нескольких дней мы с увлечением обсуждали новые озарения и идеи. С каждой такой дискуссией теория обретала стройность и развивалась.

Мой Естественный ребенок любил учиться и исследовать новые возможности. Одной из моих первостепенных целей было дать ему расти во всевозможных направлениях. Ведь в течение тридцати шести лет он пребывал в одиночном заключении. Сейчас он бегал по полям, лазил по деревьям и босиком шлепал по ручьям. Я не собиралась вновь лишать ешл свободы.

Пока он бегал, я открыла для себя, что не так уж одинока. У меня появилась новая, более широкая система поддержки.

В июне 1893 года Мисси с отличием окончила Вестмонский колледж в Санта – Барбаре, штат Калифорния. На торжественной церемонии присутствовали все члены нашей семьи, объединенный общей радостью за ее успехи. Затем настал и мой черед получить диплом бакалавра психологии в Оттавском университете, также с отличием. Все присутствовали на его вручении – все, за исключением Тодда, который уехал на рыбалку.

Я начала работать в Центре противодействия сексуальному насилию (КАСА) в Фениксе, чтобы набрать необходимые часы практики для получения диплома магистра психологии в Калифорнийском университете в Сономе. Кэрол Фаулер, директор центра, и Джефф Киркендэлл, один из терапевтов этого центра, находили время, чтобы поделиться со мной своими познаниями о многочисленных аспектах поведения жертвы. Мне еще многому предстояло научиться.

В центре я отвечала на звонки «горячей» телефонной линии, работала с подростками – жертвами инцеста и изнасилования, оказывала помощь взрослым, в отношении которых в детстве совершались развратные действия. Я проводила индивидуальные консультации и принимала участие в группах. Проблемы, с которыми я сталкивалась, потрясали меня. Что делать с маленькими девочками, трех и пяти лет, с гонореей ротовой полости? Как помочь тринадцатилетней девушке, которая вот уже девять лет имеет сексуальные отношения?

Я с нетерпением ждала, когда стану вторым терапевтом в женской группе. В первый же вечер мое внимание привлекла женщина по имени Вирджиния, которая держалась отдельно от всех, сидела в углу и заметно дрожала. Я попросила всех участников по очереди рассказать о своих целях. Вирджиния, не

поднимая головы, сказала, что ее цель – «умереть». Ее госпитализировали с астмой тридцать три раза.

На второе занятие я принесла свои листы ватмана и нарисовала картинку со стальным ящиком, в котором я после нападения похоронила своего Плачущего ребенка. Я предложила остальным нарисовать такие же картинки, изобразив, что скрывается за их Плачущим ребенком. Каждая из женщин тотчас же обозначила это место, и чувства этого прячущегося ребенка. Никто не рассчитывал, что у Вирджинии будет что сказать на этот счет, и тем не менее, она на достаточно долгое время выбралась из своего угла и подробно описала своего Плачущего ребенка.

Вечером Вирджиния подошла ко мне. Шепотом, глядя в пол, она сказала мне: «Наверное, мне нужна дополнительная помощь. Вы первый человек, который судя по всему, знает, что происходит внутри меня. Вы бы не согласились встретаться со мною индивидуально хотя бы раз в неделю?»

Я притянула Вирджинию к себе и крепко прижала. «Я обязательно буду проводить с тобой больше времени, Вирджиния».

Во время индивидуальных сеансов Вирджиния обнаружила свой художественный талант. Она выразила мою концепцию «детей» на бумаге, изобразив их как очаровательных маленьких существ без возраста, пола или национальности и не прорисовывая деталей, - только эмоции в чистом виде. У Плачущего ребенка был якорь, под весом которого перепуганное дитя падало с крутого утеса; Естественный ребенок радостно запускал воздушного змея; а Контролирующий ребенок стоял в вызывающей позе, уперев руки в бока, на крепко запертом ящике. По истечении нескольких месяцев самооценка Вирджинии стала крепнуть. Под влиянием художественного творчества проявился и расцвел ее Естественный Ребенок, радующийся раскрытию существа, которым он был задуман.

Стремясь передать Вирджинии, моему первому «настоящему клиенту», мое осмысление собственного внутреннего ребенка, я обретала опыт и росла. Каждый вопрос, который она задавала, подвергал проверке мои знания. Иногда ответы подсказывали мои внутренние дети. Мне не раз приходилось копаться в учебниках,

расспрашивать Кэрл, Джеффа или других консультантов или просто говорить: «Я не знаю».

Я частенько проявляла чрезмерное усердие, подобно новообращенному верующему или трезвеннику. Я хотела изменить мир немедленно. Я делала категорические заявления. Я не всегда слушала. Порой я считала, что знаю о бессознательном больше, чем кто-либо еще. Это было не так.

Кроме того, я обнаружила, что присутствие моего Чувствующего взрослого становится все более ощутимым. Поначалу я думала, что это просто подрастал мой Естественный ребенок. Но мой Чувствующий взрослый являл собой нечто гораздо большее.

В своей теории я долго и упорно работала над тем, чтобы начать высвобождать негативные стороны моего Контролирующего ребенка и Плачущего обиженного ребенка. Мне предстояло еще немало поработать с ними, но я стала принимать во внимание их позитивное значение.

Мой Контролирующий ребенок верно служил мне много лет. Он помог мне стать превосходным организатором. Благодаря ему я научилась четко мыслить и с увлечением передавать свои знания другим. Теперь он мне помогал устанавливать разумные границы, а также был моим покровителем в трудные периоды. Я не хотела его лишаться.

Мой Плачущий обиженный ребенок научил меня участию и состраданию. Он мог заглянуть в глаза Вирджинии, или Донны, или Линды и тотчас понять, что именно они чувствуют, как глубоко они ранены, насколько они одиноки и испуганы.

И мой Контролирующий ребенок, и мой Плачущий ребенок были производными моего Естественного ребенка. Пришла пора дать им воссоединиться – вернуться в первоначальное состояние, объединив вместе свои переживания, знания и чувства. Вместе эти три ребенка начали взрослеть и постепенно становились истинным Чувствующим взрослым, способным выражать эмоции – испытывать радость, гнев и боль правильным образом.

Целое больше, чем сумма частей. Эта идея легла в основу моей теории синдрома – «скидо». Изучая отдельные случаи их психологической практики и посещая семинары КЛАСС, я обнаружила один поразительный, не дававший мне покоя факт. Я

снова и снова трясла головой, не желая верить в то, что это правда. *Выходило, что религиозное насилие наиболее часто имело место в строгих религиозных семьях.*

Мои поездки подтверждали это. После моего выступления перед церковными группами многие женщины рассказывали мне о домогательствах со стороны члена семьи, который был пастором, диаконом или преподавателем воскресной школы. Когда я настоятельно советовала им начать терапию, жертвы насилия часто отвечали мне, что они не могут этого сделать, потому что тот человек по-прежнему занимает должность в церкви. Они не хотели погубить его репутацию и боялись, что им не поверят.

Первое время Флоренс Лиитауэр недоверчиво качала головой, когда я говорила ей об этом. Однако, наблюдая, как женщины толпятся в проходах после моих выступлений, она изменила свое мнение. Обсуждая эту проблему с пасторами, мы не могли сдерживать гнева. Некоторые из них требовали, чтобы мы не смели обсуждать это публично. Они не хотели, чтобы мы давали «миру» еще один повод для критики церкви.

Один раз я резко возразила: «До чего же это смехотворно! Если мы сами не наведем порядок в своих рядах, то кто сделает это за нас? Жестокой обращение и, в частности, инцест подпитывается молчанием и в результате становится все более частым явлением. Оно не прекратится, если мы не выявим его, предадим гласности и примем меры». Я решила, что моя обязанность – изменить этот лицемерный стереотип, где бы он не проявлялся. Инструментом для этого станут мои выступления, моя теория и – моя кассета.

Кассета, о которой я упомянула в разговоре с доктором Мэйзенем, послужила важным оружием этих перемен. Это была двадцатиминутная запись одного из сеансов моей регрессивной терапии в Берлингеме. Любой, кто ее слушал, лицом к лицу сталкивался с невыносимыми мучениями ребенка, пережившего насилие.

Кэрол Фауэр использовала эту запись в КАСА на занятиях с преступниками, совершившими инцест. Она рассказывала мне, что те двадцать минут, пока звучала эта запись, преступники плакали, колотили кулаками в стены и глубоко переживали свою

собственную боль. Они находили в себе силы говорить о пережитом ими самими опыте насилия.

Кэрол заметила, что насильники часто обезличивают свои жертвы. Она посоветовала мне подобрать несколько моих фотографий, чтобы показывать их одновременно с прослушиванием записи. Я тщательно просмотрела альбом с детскими фотографиями и отобрала сорок из них – от младенчества до взрослых лет. До восьмилетнего возраста на всех фотографиях у меня ясный взгляд и широкая улыбка. Но к девяти годам улыбка стерлась и в глазах застыла грусть, свидетельство моей внутренней боли. На фотографиях в начальных и средних классах я почти никогда не улыбалась плотно сжатыми губами. В старших классах открытая улыбка появилась снова, но глаза по-прежнему говорили о боли моего Плачущего ребенка.

С этих фотографий я сделала слайды. Я синхронизировала слайды с записью, таким образом совместив лицо с кошмаром нападения.

Меня попросили устроить показ на следующей неделе. Доктор Пол Дуда, психолог, который работал и жил при исправительном учреждении для несовершеннолетних в Эдоби-Маунтин, спросил, могу ли я выступить перед группой отбывавших наказание малолетних преступников. Мой Плачущий обиженный ребенок то и дело напоминал мне о том, как перепугало его приглашение доктора Мэйзена отправиться и тюрьму для взрослых во Флоренсе.

Поколебавшись, я согласилась приехать в Эдоби. Мне было непросто общаться и с «безопасными, нормальными людьми. Выдержу ли я выступление перед группой насильников и извращенцев? В тюрьму?

Все внутри меня сжалось, когда я приблизилась к высокому забору с протянутой проволокой. Я ждала, пока камера наблюдения просканирует мое лицо. Огромные ворота медленно открылись, пропуская меня внутрь. Я пересекла сорокофутовую «нейтральную территорию», и подошла ко второму забору, такому же, как первый. Объектив камеры вновь скользнул по моему лицу, после чего мне было дозволено войти. Услышав стук затворяемого засова у себя за спиной, я вспомнила, как мой друг, служивший в исправительном учреждении, говорил мне, что

многие люди чувствуют себя беспокойно, работая в тюрьме». Это очень странное чувство, когда эти ворота захлопываются *позади* тебя.

Проходя через безупречно ухоженную лужайку к главному зданию, я обратила внимание на группу подростков, занятых садовыми работами. *Да ведь они же дети. Что с ними произошло? Что заставило их сотворить столь ужасные вещи? Почему они оказались в этом месте?*

Доктор Дудл вручил мне список, где были указаны имена подростков и совершенные ими преступления: четыре насильника и три растлителя малолетних. За именами шел длинный перечень их жертв. Когда я перечитывала список еще раз, мой Плачущий ребенок дрожал от страха, борясь с собственными чувствами жертвы. Впервые в жизни мне предстояло встретиться с насильниками лицом к лицу.

Я стояла, натянутая как струна, пытаюсь выглядеть непринужденно, пока мальчики входили комнату. Доктор Дудл и два консультанта сели среди них, и я начала свое выступление.

«Полагаю, вам интересно узнать, зачем я здесь. Я здесь по двум причинам. Во-первых, я здесь, чтобы дать вам почувствовать чудовищность той боли, которую вы причинили своим жертвам». Я обвела комнату взглядом. Подростки отводили взгляды. Вызывающее пренебрежение отчетливо читалось на лицах и в позах парней, развалившихся на своих стульях, скрестив руки на груди. Они явно не желали меня слушать.

«Во-вторых, я здесь, чтобы помочь вам встретиться со своей собственной болью. Я знаю, что большинство людей, совершивших преступления на сексуальной почве, сами были жертвами сексуального насилия, и что всем вам довелось пережить эмоциональное и физическое насилие. Следовательно, я пришла к вам не как жертва к преступникам, но как жертва к жертвам».

Мой голос продолжал произносить слова, в то время как мое внимание было сосредоточено на каждом их сидящих напротив. Я старалась помочь своему Плачущему обиженному ребенку выманить обиженного ребенка из каждого из этих подростков. кончив говорить, я достала кассету и объяснила мальчикам, что им предстоит увидеть и услышать. Мне показалось, что все они

тотчас бы бросились к ближайшему выходу, если бы их от него не отделял доктор Дуда и его сотрудники.

Я включила проектор и магнитофон, неистово молясь про себя: *«Господи, помоги мне пройти через это. Я не уверена, что справлюсь в одиночку. О, Боже, мне так страшно!»*

Улыбающаяся, темноволосая малышка появилась на экране, и одновременно воздух прорезал истерический вопль: «Не надо! Не надо! Не делайте мне больно!»

Страшная боль всех детей, над которыми издеваются, которых бьют или насилуют, наполнила комнату. Это общая для всех боль, сильная, злая, губительная. Это боль, которую приходится отрицать, чтобы выжить. Подростки знали, что такое эта боль. Они сами ее испытали.

Постепенно каждый из парней погрузился в своей собственный мрак, откупорил свое глубокое море боли и позволил своего Плачущему обиженному ребенку выйти наружу, чего почти никто из них прежде не делал.

Высокомерие и самонадеянность слетели с Брайана, а его голос дрожал, когда он, преодолевая себя, рассказывал о том, что он был жертвой неоднократного насилия сексуального насилия со стороны отца. Не имея возможности излить свой гнев на отца – тот избил бы его до смерти – Брайан давал выход своей ненависти, насилуя других.

Ярость Джерри тоже была направлена на отца, который почти каждый вечер приходил домой пьяным, по очереди вызывал своих детей и жену и жестоко избивал их, иногда бейсбольной битой. Джерри заливался слезами: «Голос на кассете в точности такой же, какой был у моей мамы и сестер, когда папа бил их. Я изо всех сил пытался его остановить но был слишком маленьким. От одного его удара я вырубался. Я чувствовал себя таким беспомощным и бессильным!»

Как и Брайан, Джерри попал в тюрьму за изнасилование. Пытаясь вернуть утраченное чувство контроля и власти, он совершал насилие над теми, кто был слабее, младше или меньше, чем он.

Чак невозмутимо заявил, что у него была нормальная семья и родители хорошо с ним обращались. Доктор Дудл стал осторожно задавать наводящие вопросы о прошлом этого тринадцатилетнего

преступника, арестованного за то, что, угрожая ножом, принудил младшего мальчика заняться с ним оральным сексом. В конечном счете, Чак рассказал о случае, когда его отец напился настолько, что спустил восьмилетнего Чака с лестницы и тот сломал руку. Папаша – садист стоял на верхней площадке, заходясь от хохота, И в течение нескольких часов не давал матери Чака отвести его к врачу. Изумленные возгласы группы помогли Чаку понять, что это было насилием. Другой парень рассказал, что его часто оставляли по нескольку дней одного без еды и какого-либо присмотра. Ужасные истории следовали одна за другой в течение нескольких часов, пролетевших незаметно.

Пережитое мною в детстве нападение вселило в меня страх, и все же насилие было совершенно однажды и у меня были заботливые, любящие родители. Я отдавала себе отчет в том, что это нападение было не самым худшим из того, что случалось с детьми. рассказы этих мальчиков служили тому подтверждением. Я больше не спрашивала, почему они отвечали на причиненную им боль тем, что делали больно другим. Насилие, которое они совершили над другими людьми, было ошибкой. Я не оправдывала их, но отныне я их понимала.

В тот день, смотря на этих мальчишек, я заглядывала внутрь каждого из них и видела перепуганного, одинокого, истерзанного ребенка. Я видела, как он превращался в озлобленного, жестокого мужчину. Я удивлялась тому, как их ярость не довела их до убийства.

Я уже соприкоснулась с судьбами многих женщин, которые в детстве подвергались жестокому обращению. Работа с жертвами сама по себе была нелегким делом, но работать с преступниками? Были ли я готова решиться на это? Возможно, эти мальчишки сумеют понять мою боль и увидеть, что их боль близка мне. Быть может, они сумеют увидеть, что исцеление, каким бы медленным оно ни было, возможно и для них.

Более всего, мне хотелось, чтобы они знали, что они не отбросы, не мусор, не грязь, какими они все представлялись сами себе. Я хотела помочь им увидеть, что под этой горой мусора погребен драгоценный ребенок. Ребенок, которого видит в них Бог и которого я обнаружила в каждом из них в тот день, в день моего первого возвращения в тюрьму.

На исходе этого долгого дня я окинула взглядом парней. Наш кружок стал теснее, их стулья подвинулись к моему. «Все вы стали для меня особенными. Это очень важно, что каждый из вас согласился честно поделиться такими сокровенными вещами».

Я улыбнулась и поднялась со стула. «поскольку я ничего не получаю за свою работу, как по-вашему, могу я получить причитающееся мне, обняв каждого из вас?»

Поникшие, с опущенными головами – ни следа былого гнева и протеста – это были обыкновенные мальчишки, глубоко страдающие мальчишки. Многие едва сдерживали слезы. Я подошла к Чаку. Он прильнул ко мне и заплакал.

У меня тоже глаза былина мокром месте, и я восклицала про себя? *Он такой маленький! Боже милостивый, как это могло случиться?*

На обратном пути, проезжая мимо первоклассных домов богатых районов Парадайз Вэлли, мне хотелось кричать: *«Знаете ли вы, люди, что в это самое мгновение происходит с тысячами детей? Или вам наплевать, что их бьют и насилуют? Лучшие бы вы поинтересовались! Потому что однажды один из этих изнасилованных детей совершит наситие над вашим ребенком.»*

Я покачала головой, подъезжая к своему собственному красивому дому. Интересно, как отреагировал бы Тодд, узнай он, что я только что оставила часть своей души тем подросткам в Эдоби? Не просто подросткам, а насильникам и извращенцам. В итоге я ничего ему не сказала. Я шла вперед, все более и более отдаляясь от него.

Мой новый интерес к работе в тюрьме отразился на моей дипломной работе. Что делает человека преступником на сексуальной почве? Я больше не могла относиться к ним как к «безликим монстрам» или «пускающим слюни старикашкам в расстегнутых плащах». Я наблюдала людей. Совершивших инцест, которые приезжали в КАСА для участия в терапевтической группе Кэрл и Джефф; инженер, учитель, пастор, программист, механик, политик, учитель. Они не походили на отбросы общества. Это были люди, о существовании темной стороны которых никто не желал знать.

Я задавала вопросы своим руководителям. Я читала. Я занималась исследованиями. Статистику по сексуальному

насилию тогда только начали публиковать, и она менялась день ото дня. По некоторым данным выходило, что из всех половых преступлений лишь 20 процентов относятся к таким злодеяниям, которые так часто упоминаются в газетах: это преступления, совершенные социопатами, психопатами, сатанистами – преступниками, которые калечат, убивают или страшным образом насилуют своих жертв. Тем не менее, широкая общественность склонна относить всех преступников, совершивших половые преступления, к одной категории.

Действительно, все акты насилия причиняют жертве ужасный вред. Этого никто не отрицает. Но как остановить насилие? Как получается, что человек его совершил?

Многие из нас считают, что для того, чтобы хотя бы частично ответить на этот вопрос, необходимо работать с остальными 80 процентами преступников, которые способны измениться. Изменения возможны, если в распоряжении имеются подготовленные терапевты и если преступники готовы проделать невероятно болезненную работу, необходимую для подлинных изменений.

Доктор Мэйзен сказал мне, что без лечения свыше 85 процентов таких преступников вновь совершают преступления. Леченая программа для людей, совершивших преступления на сексуальной почве (СОП), которую он начал в тюрьме штата во Флоренсе, существенно уменьшила количество рецидивов.

Невозможно возложить на налогоплательщиков бремя пожизненного содержания в тюрьме всех людей, совершивших половые преступления. Это превратится в трудный выбор: расходовать все больше и больше средств на тюрьмы и по-прежнему иметь высокий уровень рецидива, который в свою очередь, увеличивает количество жертв, или предоставлять возможность терапии.

В Аризоне доктор Сэнди Мэйзен был одним из зачинателей в этой области. Доктор Мэйзен, доктор Дуда, Кэрл и Джефф составляли карту этой неосвоенной территории, и я была готова присоединиться к ним.

Как-то осенним вечером я собиралась пообедать с доктором Дудой, надеясь задать ему вопросы, которые возникли у меня в ходе моих исследований. Я вошла в маленький придорожный

ресторан через дорогу от тюрьмы и увидела, что Пол уже на месте. За последнее время я стала относиться к нему, как к старому приятелю. Раз или два в месяц я ездила в Эдборн, чтобы открывать новые группы и продолжать работу со старыми.

Пол сердечно меня приветствовал и сообщил свежие новости о «наших мальчиках». «Мэрилин, тебе с твоим выступлением и этой проклятой кассетой всего за несколько часов удалось добиться от этих мальчиков большего, чем нам за несколько месяцев работы.

Я отозвалась: «Спасибо на добром слове, но я всего лишь откупориватель бутылок». Если бы не ты и твоя команда, я бы ни за что не взялась за подобную терапию. Именно вы делаете трудную, последовательную, повседневную работу».

Грустная улыбка появилась на его загорелом лице, а я продолжала: «Мне нужна твоя помощь. У меня есть несколько вопросов в связи с моими исследованиями. Не каждый, переживший насилие, становится преступником. Усматриваешь ли ты какую-то закономерность в насилии, которое претерпели в детстве твои подопечные в в Эдоби?»

Я вытащила ручку и блокнот, и он начал говорить. «Мне кажется, существуют три основных фактора, которые наиболее способствуют тому, что жертва превращается в жестокого обидчика. Они связаны с той жестокостью, от которой сам обидчик пострадал в детстве: во-первых, с масштабами этой жестокости: во – вторых, с частотой проявления этой жестокости; и, в-третьих, с близостью родственных отношений между обидчиком и жертвой».

Подняв глаза от своих записей, я уточнила: «То есть, если у ребенка, особенно мальчика, явно выражены все три этих фактора, то для него во много раз возрастают шансы стать насильником или человеком, которому необходимы гнев и власть».

«Именно так».

Я глядела в окно на огороженные стеной строения на противоположной стороне шоссе. Я думала о каждом из этих мальчиков, с которыми познакомилась в этом месте. «А как насчет растлителей малолетних? Я обратила внимание на то, что многие из них в детстве испытали депривацию. Они были лишены любви и заботы».

Пол взял в руки чек и сказал: «В чем-то ты права. Знаешь, мои друзья считают, что я чужак, если продолжаю здесь работать. Но я и впрямь привязался к этим юнцам. Они все такие несчастные, раненые и одинокие. Иногда мне кажется, что я сгорю на этой работе, но уйти от них я просто не могу».

Я тоже не могла уйти. Я шла к ним, и не просто шла, мне казалось, что мой Чувствующий ребенок перешел на бег.

Я укрылась в своем кабинете и принялась записывать с большим блокноте все, что приходило мне в голову. Мой новый взрослый пользовался всеми моими внутренними ресурсами. Я сидела над своими записями, не замечая, как быстро бежит время. Я не могла остановиться. Я догадывалась, что где-то должен быть механизм насилия, очевидный, как законы вселенной. Собрав все свои мысли вместе, я сформулировала то, что я назвала «Законом сохранения последствий»

Жертва есть жертва, и без вмешательства терапии жертва по-прежнему останется жертвой. Он или она будут страдать от последствий причиненного им зла, причем последствия эти будут сказываться не только на самом этом человеке, но и на тех, кто находится в сфере его или ее влияния, и таким образом перейдут к следующему поколению.

Наутро мне позвонил доктор Мэйзен. «Мэрилин, я слышал о твоей работе в Эдоби. Когда же ты согласишься приехать в тюрьму во Флоренсе? У нас тут около шестидесяти человек, которым очень могла бы помочь твое выступление. Прошу тебя, подумай об этом».

«Не знаю, Сэнди. Работать с подростками – это одно. Оказаться лицом к лицу с взрослыми насильниками и извращенцами – это несколько иное. Я и в самом деле не уверена, что смогу».

Пространство моей жизни расширилось с каждым днем, охватывая горы, которые казались мне такими же высокими и внушительными, как Гималаи.

Часть четвертая

Развитие Чувствующего взрослого

14.

недостающая часть

Ворота тюрьмы в Эдоби отворились передо мной, стоило мне к ним приблизиться, и пока я проходила через тюремные здания, возгласы : «Привет, Мэрилин» отдавались эхом во дворе. Я знала, что если кто-то всего лишь попытался бы меня обидеть, за меня тотчас вступились бы несколько очень сердитых парней. После того, как я провела свою презентацию в шести различных группах малолетних преступников, у меня появилась новая и весьма необычная дружеская компания.

Под Рождество я провела почти все вечера у плиты и наготовила горы домашних пирожных и печенья для праздника в тюрьме. Всем ребятам я купила в подарок замечательную книгу Лео Бускалья «Любовь» и написала каждому из них несколько строк на титульном листе.

Однако моей целью было помочь им понять, по какой причине они стали преступниками. Я хотела, чтобы они не только поняли и осознали насилие, которому они сами подверглись в детстве, но и ощутили ответственность за свои недавние действия, ставшие результатом их прошлого.

Теперь, когда мальчишки чувствовали себя со мной непринужденно, они не стеснялись в своих чувствах и выражениях. Я узнала все уличные слова для обозначения секса, и если бы потребовалось, я, вероятно, смогла бы ругаться на трех языках, которые мальчишки классифицировали как «белый, черный и мексиканский».

Мне часто казалось, что комната трясется от гнева и боли.

«Эй, нечего наезжать на меня за то, что я изнасиловал девчонку! Вините моего дядю, который насиловал меня!» Джим

брызгал словами и гордо вскидывал голову, демонстрируя открытое неповиновение.

«Знаю, Джим, знаю. Люди, которые жестоко обращались с тобою, когда ты был ребенком, в ответе за то, что породили твоего Плачущего обиженного ребенка. Но и ты сам отвечаешь за свои поступки. А теперь ты еще вдобавок отвечаешь за то, чтобы быть заботливым родителем маленькому обиженному Джимми внутри тебя. Ты должен чувствовать, что ему нужно, и быть тем родителем, в котором он нуждается так отчаянно»

Я взглянула на мальчишек, которых я так любила. До чего же мне хотелось, чтобы они стали свободными – свободными во всем. «Прежний образ действия привел вас в тюрьму – и не только в тюрьму под названием «Эдоби», но также и в эмоциональную тюрьму. Вы не обязаны оставаться заключенными ни в одной из этих тюрем. Вы *можете* измениться».

Когда день подошел к концу, мы с Полом, как обычно, сговорились выпить чашечку чаю со льдом с маленьком ресторанчике через дорогу. Мое сердце сжалось от боли, когда он рассказал мне, что нечаянно услышал, как некоторые ребята обсуждали, какие преступлением им надо совершить после выхода из тюрьмы, чтобы вновь оказаться в Эдоби: не такое тяжкое, чтобы оказаться в тюрьме особого режима, но обязательно вернуться в Эдоби. Эдоби был их домом, их жизнью, всем, что они знали. Для некоторых из мальчишек, их группа и доктор Пол Дуда были единственной семьей.

Эти парни были напуганы. Они были одиноки. Но они хотели принадлежать кому-то и чему-то, иметь семью и работу. Но как? Кто возьмет на работу бывшего растлителя малолетних? Кто позволит своей дочери выйти замуж за насильника? На что им было надеяться? А ведь ни одному из них не было еще и восемнадцати.

На следующий день на сеансе в доктором Эрлом мы обсуждали мои чувства, связанные с работой в Эдоби.

Доктор Эрл сидел на стуле, закинув ногу на ногу, слегка касаясь пальцами своих губ. когда я закончила, лицо его выражало удовольствие. «Я настолько восхищаюсь тем, что вы делаете, что это ставит меня в затруднительное положение. Как ваш терапевт, я хочу уберечь Вас от переутомления и убедить больше

заботиться о себе самой. Но как заинтересованный профессионал, я хочу поддержать Вас в вашей работе. Мне каждый день приходит в голову мысль познакомиться с Вами того или иного человека или отправить его на Ваше выступление».

Заразительный энтузиазм доктора Эрла поднял мне настроение, расстроенное тем, что творилось в моей семье.

Мое настроение колебалось ежедневно, иногда ежечасно – обида, восторг, разочарование, веселость, одиночество, воодушевление, гнев и сочувствие сменяли друг друга.

Временами мой Плачущий обиженный ребенок, как прежде, принимался плакать. Я плакала наедине с собой. Я плакала в присутствии доктора Эрла. Я плакала на встречах с доктором Дэнилчаком. Я плакала с Кэрл и Джеффом.

Я старалась игнорировать замечания домашних и не думать о том, как они относятся ко мне. Я перестала считать это важным. У меня было много других дел, которые не давали мне застревать на том, насколько разошлись наши с Тоддом пути.

Приглашение выступить, а также приглашения от терапевтов, которые желали познакомиться с моей терапевтической концепцией, текли уже не тоненькой струйкой, а постоянным потоком.

Я провела несколько часов, отвечая на вопросы одного известного психолога. Беседуя со мной, он пришел в восторг: «Я изучил много различных теоретических концепций структуры личности. В каждой из них есть своя собственная терминология. Фрейд говорил об «эго», «ид» и «суперэго». В транзактном анализе упоминаются Родитель, Взрослый и Ребенок. Фейрбейн использует применительно к объектным отношениям специфические выражения, такие как центральное «эго», либодозное «эго», и антилибидозное «эго».

Он взглянул на меня и громко расхохотался, добавив: «Но почему-то «антилибидозное эго» не цепляет меня за живое так, как «Плачущий обиженный ребенок!»

В ноябре я провела презентацию в Оттавском университете в Канзасе. Благодаря интенсивной рекламной компании аудитория была переполнена студентами и профессионалами.

Стоя на кафедре, я ощущала себя в родной стихии. Я окинула взглядом море дружелюбных лиц и обратила внимание,

что среди присутствующих много молодых мужчин. маленькая Мэрилин поглядывала на них, и ею овладевал все больший испуг. *Что если я им не понравлюсь? Что, если они решат, что я скверная и грязная?* Мой взрослый успокоил маленькую девочку, и я продолжила свою лекцию.

По окончании лекции слушатели аплодировали стоя, а студенты выстроились в очередь, чтобы записаться на консультацию. Четыре дня спустя я возвращалась обратно, унося в своем сердце кусочек Оттавы. Отзывы студентов и ректора университета вселили в меня мужество, которого мне так недоставало, чтобы предпринять новый шаг: навестить родные края.

Держа курс на запад, я вела машину сквозь дождь, превратившийся вскоре в мокрый снег, и предвкушала радость возвращения домой. Мэрион, город моего детства, почти не изменился, хотя Мэйн-стрит выглядела холодной и непривлекательной. *Что-то пропало.*

Я оглядывала реку, парк, магазины. Раньше, возвращаясь домой из поездки, я чувствовала, будто весь город тянется ко мне навстречу и заключает в объятия. Теперь он казался сухим и неприветливым незнакомцем. Город больше не вызывал радостных воспоминаний – он потерял свою невинность.

Эти смешанные чувства отступили под натиском жарких объятий и поцелуев моих любящих тетушек, дядюшек, двоюродных братьев и сестер. Обилие блюд превосходило все мои детские воспоминания. Мы смеялись и расспрашивали друг друга о том, у кого что произошло в последнее время, и лишь двое из родственников затронули в разговоре мою терапию и ее причину. Скоро, слишком скоро настал час отправляться дальше. Нелегко было прощаться с любимыми мною стариками. Я не знала, удастся ли нам свидеться вновь.

Я села в арендованную мною машину и продолжила свой путь на запад, через мост и далее по загородной дороге. Путешествие, которое я собиралась предпринять, началось примерно тремя годами раньше.

Сегодня мне предстояло паломничество в город моей боли УИЧИТО.

В ноябре в Уичито холодно и тревожно. Единственным источником тепла для меня был дом моего двоюродного брата Джона. Меня одели в теплый спортивный костюм, усадили в пухлое кресло, налили кружку горячего чая, которая согревала мне ладони.

«Похоже, что в моей жизни больше ничего не происходит случайно», - заметила я. Густые брови Джона поползли вверх. «И что же оказалось неслучайным в этот раз?»

«Ты. Твоя диссертация по психологии. Твоя работа в госпитале для ветеранов. Кто еще способен понять мои научные поиски?». Бэт, жена Джона, внимательно слушала. «Ты рассказала Джону о том письме в газете?»

«Забыла!». Я повернулась к Джону, прикрыв ладонью кружку с чаем. «Женщина, слышавшая мое выступление, позвонила мне и сказала, что прочла в газете письмо. Его написал мужчина, который во время Второй мировой войны был солдатом и находился в городке на Среднем западе».

Джон кивнул, сосредоточенно слушая меня.

«Там он стал участником группового изнасилования, во время которого была убита маленькая девочка, но его так и не арестовали. Из-за этого он мучается всю жизнь».

Я отпила чаю и продолжила: «Как по – вашему, он мог бы быть одним из моих насильников?»

Джон оценил эту вероятность. «Нельзя сказать наверняка, но возможно...»

В ту ночь я не могла уснуть от потока идей, вопросов и воспоминаний, крутившихся у меня в голове. Я мысленно перебирала все действия, которые предприняла, готовясь к этой поездке: телефонные звонки в мэрию Уичито, приобретение карты города 1944 года, разговор с пожилым водителем автобуса, который помнил, где проходили автобусные маршруты в годы войны.

Рассвет на заставил себя ждать, я поднялась и оделась. Достав карту, я развернула ее на постели перед собой. Я ощущала рядом с собой присутствие маленькой девочки – моего Плачущего обиженного ребенка. Детская рука, дрожа, указала мне улицу. «Я помню эту улицу. Это Хилсайд, где я когда-то жила. По этой улице я ходила в магазин».

Я успокоила маленькую девочку. «Нам нужно отыскать церковь, где проходили репетиции, малышка. Здесь их так много».

Сделав несколько телефонных звонков, я свела количество возможных вариантов до четырех. Я казалась себе детективом, ищущим ключ к разгадке, исходя из обрывочной информации.

Мой энтузиазм остыл, едва холодный ветер ударил мне в лицо. Затянутое тучами небо открылось, чтобы засыпать землю мокрым снегом. Забравшись в машину, я включила дворники и подождала, когда печка согреет мое продрогшее тело. Спустя несколько минут до меня дошло, что дрожу я не только от холода. Преодолевая тревогу, я тронулась в путь по знакомым улицам.

Я ощущала, как мой Плачущий обиженный ребенок, сидя у меня на коленях, трясется от страха. «Это здесь, - произнес он робко, - Хилсайд-авеню. Большой старый дом. Только он больше не белый. Кто-то покрасил его в серый цвет».

Я припарковалась на другой стороне улицы и стала рассматривать «плохой дом». Я пошарила в кипе бумаг и карт и вытащила конверт. Открыв его, я достала потрепанную фотографию. «Сорок лет назад, малышка. Видишь? То же самое дерево. Перила крыльца немного другие. Как по-твоему, нам стоит зайти?»

В ответ только дрожь.

«Думаю, мне хотелось бы посидеть в своей спальне и посмотреть в большое окно. От которого у меня были те ужасные ночные кошмары».

Плачущий ребенок слабо запротестовал. Мое любопытство было сильнее страха.

Табличка с надписью «продается» была приколочена к столбу посреди газона перед домом. Я перешла улицу, поднялась по ступенькам и постучала в дверь. Молчание. Никакого ответа. Я стояла на крыльце и воспоминания захлестывали меня: я вспомнила, как наши квартирантки поджидали здесь своих молодых людей, а я сидела на ступеньках со своей куклой. Лезли в голову и более страшные, мерзкие воспоминания.

Я постучала еще раз, затем спустилась с крыльца. Мне хотелось заглянуть в окна, рассмотреть все, что только возможно, но надо было довести до конца свое путешествие: вслед за автобусным маршрутом въехать в центральную часть города,

отыскать церковь, а затем попытаться найти пустырь, где произошло нападение.

Я побывала возле всех церквей, отмеченных мною на карте, - четыре церкви, которые некогда принадлежали Евангельскому объединенному братству, а теперь принадлежали к методистам. Стоило мне приблизиться, я тотчас узнала нужную мне церковь. Ее стены из красного кирпича мало изменились.

От церкви я повела машину по первому автобусному маршруту в сторону дома, но ничего не узнавала. Здания были слишком элегантными, слишком респектабельными. Я поехала по другому маршруту, и вновь ничего. Я искала, как ищут недостающую часть пазла – картинки – головоломки, - которая то ли упала под стол, то ли застряла в диванных подушках.

Я обращалась к маленькой девочке, спрашивая у нее. «Это здесь, малышка?» «Куда мы попадем отсюда?». Но маленькая девочка была сбита с толку и не могла ответить. Я потерпела неудачу. Я проехала всеми возможными автобусными маршрутами, сначала от церкви к дому, а затем от дома к церкви. Ничего.

Я вела машину от своей школы по еще одному автобусному маршруту. Я оглядывалась по сторонам, но ничего не узнавала. Потеряв терпение, я пропустила поворот к церкви и проехала несколько лишних кварталов. Внезапно у меня перехватило дыхание. Невидимый кулак ударил меня в живот.

И в ту же секунду прямо перед собой я увидела неясные очертания небоскребов центра Уичито. Такими я видела их всего один раз – когда подняла глаза от книги, которую читала в автобусе. Я пропустила свою остановку и, увидев эти дома, поняла, как далеко я заехала. Воспоминание пронзило меня насквозь.

Нападение произошло, когда я направлялась на репетицию, а не по дороге домой!

Я с трудом удерживала руль машины, пока до моего ошеломленного ребенка доходила вся важность этого воспоминания. *Боже, эта та улица! Это случилось здесь!*

Плачущий обиженный ребенок уже не сидел у меня на коленях. Он был мной. У меня перехватило дыхание, тело тряслось. Слезы обжигали глаза, горячими дорожками сбегали по

лицу. Ребенок тянул из меня жилы, пытаюсь вызволить крик из самой глубины свое перепуганной души.

Он вцепился в мое тело и принялся выкручивать мне руки и ноги. Я из последних сил сдерживала себя, чтобы не поддаться моему близкому к истерике Плачущему обиженному ребенку, умоляя его дать мне возможность совладать с собой.

«Малышка, послушай меня! Никто не собирается тебя обидеть. Здесь нет никаких мужчин. Оглянись вокруг. Видишь? Солдаты ушли. Сейчас ты под моей защитой. Для этого во мне теперь достаточно сил».

«Все хорошо, все хорошо, хорошо». Я слышала тихий голосок, монотонно бубнивший одно и то же, пока я крепко обхватила себя руками, похлопывая по плечам, пытаюсь унять дрожь в теле и не дать ему развалиться на части. Понемногу меня перестало трясти, и я лишь слегка вздрагивала. Я раскачивалась взад и вперед, баюкая своего Плачущего ребенка, повторяя: «Все хорошо, все хорошо». Я взяла его на руки и принялась вытирать ему глаза.

Прошли минуты. Я посмотрела в зеркало на свое заплаканное лицо. Вопреки боли, которая на нем отражалась, я видела упорство и твердое намерение выжить. «Отлично, малышка, теперь давай попробуем довести дело до конца. Осталось совсем немного». Мой ребенок по-прежнему сидел, прижавшись ко мне и обхватив меня за шею. Он ткнулся головой мне в плечо, когда машина тронулась с места.

Пока мы ехали, мой Плачущий обиженный ребенок вновь задрожал, прошептал: «Смотри, на деревьях нет листьев».

Страх обострил мои зрительные воспоминания. Местность на глазах превращалась из уважаемой, солидной и чистой в жалкую, запущенную и бедную. Я пересекла ту невидимую черту, которая разделяет людей, отличающихся друг от друга цветом кожи, достатком, заботами; одним приходится думать о том, чем сегодня ужинать, другие дискутируют о равноправии и предрассудках.

Я сбросила газ и остановила машину. Мы долго сидели, смотря перед собой и слушая, как колотится сердце. Кирпичные склады – окна на улицу, сплошные стены по бокам - простирались вглубь на много кварталов. Между ними были пустыри, где

ничего не росло. Изгороди. Уличные фонари, свет от которых не добирается до конца пустыря.

Я выглянула из машины и принялась осматриваться. Я устала на два здания, пытаюсь понять, как давно они здесь.

Здания, старые и молчаливые, не собирались выдавать своих секретов. Они ни за что не расскажут о криках, которые слышали, или о насилии, свидетелями которого были. Стены без окон поглотили мои крики и не давали им выбраться на улицу.

Минуя пустыри, я вдруг вспомнила кое-что еще. Я увидела проезжавшие мимо автомобили и взгляд водителей, сосредоточенный на дороге. Они не намеренно игнорировали меня; они просто не могли меня услышать – стекла их автомобилей были подняты из-за холода, шумная «печка» и включенное радио наполняли машину звуками. Пронесаясь мимо темного пустыря, никто из них не заметил маленькую девочку. Возможно, они видели, как солдаты что-то гоняли по снегу, но им и в голову не проходило, что это могла быть перепуганная девочка.

Я остановила машину. Когда я ступила на тротуар, мне показалось, будто я дерусь с сопротивляющимся Ребенком. Маленькая девочка неистово противилась, а я пыталась ее увещевать: «Мы должны это сделать. Мы должны доказать, что можем ходить по этой улице и с нами ничего не случится».

Около пяти часов. Обычный, унылый день стал еще темнее. Я едва могла разглядеть перед собой изгородь, тянущуюся вдоль тротуара. У меня зуб не попадал на зуб, а тело тряслось и трепетало. Страх возрос настолько, что Плачущий обиженный ребенок начал раздирать и рвать на части мое нутро. «НЕТ!НЕТ! НЕТ!»

«О, Боже, прошу Тебя, помоги мне пройти через это. Все хорошо, все хорошо, малышка. Возьми меня за руку, сейчас мы сделаем это».

Осторожно, шаг за шагом я приближалась к зловещей изгороди. Беспощадные кадры из прошлого проносились в моей памяти; я не сомневалась, что в любое мгновение невыносимое насилие обрушится на меня сзади, из этого скрывающего ужас места. Ребенок оцепенел от ужаса, его глаза наполнились слезами, так что я едва видела кусты, которые были прямо передо мной.

Но все стало меняться, когда возник мой Чувствующий взрослый, чтобы ободрить моего перепуганного ребенка. «Малышка, посмотри вверх. Посмотри вокруг. Тебе уже не восемь лет. Это 1983 год, а не 1944! Загляни за изгородь. Тех злых людей там больше нет!»

Никто не схватил меня и не издевался надо мной. Кругом была только тишина. Не было отвратительных рук, которые могли бы сгрести меня в охапку. Ужасные пальцы не тянули меня за волосы. Сплошное безмолвие. Тишина. Черная супружеская пара с прелестным малышом прошли мимо меня и кивнули в знак приветствия, а мальчик поднял на меня глаза и улыбнулся. Ответив ему улыбкой, мой обессиленный Плачущий обиженный ребенок подошел и взял меня за руку. Мы вернулись к машине.

Я шептала этому смелому ребенку: «Сегодня ты сделал большое дело, малышка».

Я думала о людях, которые сомневались в правдивости происшедшего со мной. «Как можно не помнить о таком ужасном нападении?» «Если бы это и в самом деле случилось, твоя мать знала бы об этом». «Это было оральное изнасилование? Или анальное? Сколько именно людей там было?» «Ты уверена, что не придумала все это?»

Мой взрослый взглянул на притомившегося ребенка, прижавшегося ко мне. «Это не важно! Не имеет значения, верят ли тебе другие. Я тебе верю. И я буду заботиться о тебе»

Я знала, что не могла придумать того, что пережила сегодня. Я полностью, как взрослый человек, отдавала себе отчет в происходящем и мои чувства не обманывали меня.

Воспоминания по-прежнему еще не были четкими и ясными – такими, как та фотография, где я стою возле большого белого дома. Вероятно, они никогда и не станут такими. Они возникали обрывками: уличный свет, отражающийся в блестящих пуговицах униформы, голое дерево, склонившееся над маленьким ребенком.

И сегодня самый яркий кадр из всех: вид возвышающихся вдали небоскребов, нависших надо мной, как дождь, фейерверков в Канзасе в честь Дня независимости.

Сегодня чувства и воспоминания встретились друг с другом и совпали.

Мир медленно начал наполнять мое прошлое. «Малышка, теперь мы можем отправляться домой. Наконец-то все части картины на своих местах»

Но так ли это было?

15

песок и огонь

созависимость – самое модное психологическое словечко конца восьмидесятых и девяностых.

Существует много определений созависимой личности. Если сказать коротко, так называют любого, кто жертвует своим достоинством, подчиняя себя другому человеку и принимая на себя ответственность за другого человека, и таким образом способствует его деструктивному поведению. Созависимая личность, как правило, представляет собой продукт культуры или общества ограничений и запретов, которые проповедают, что иметь устойчивые личностные границы – это эгоизм и зло.

В начале восьмидесятых я понятия не имела о созависимости. Я слышала слово «пособник» (то же, что и «созависимый»), но полагала, что оно относится только к супругам алкоголиков или наркоманов. Ко мне оно никоим образом не подходило, Годд был чуть ли не трезвенником.

Я являла собой наглядное пособие по созависимости. Моя культура, мое наследие и моя церковь учили меня быть созависимой. Мне внушали, что для женщины это, по сути, оптимальный вариант: приносить себя в жертву, быть послушной и заботиться обо всех и вся. Усердно трудись, стремись к совершенству, ничего не проси для себя, будь ответственной, не будь высокомерной. Затем я вернулась домой по окончании терапии и заявила, что через двадцать пять лет после того, как мы поженились, нам необходимо измениться. Когда этого не произошло, я впала в раздражение, обиду и разочарование. Разумеется, этого и не могло произойти, - не только из-за того, что

мы оставались в наших прежних границах, - а потому что эта же самая культура, наследие и церковь запрещали нам меняться.

В 1989 году я прочла книги по созависимости, которые в 1981 году могли бы стать для меня спасением. Я дала бы их почитать Тодду, моим близким, моим друзьям в церкви со словами: «Вот, прочтите это. это обо мне. Да, я стала жертвой сексуального насилия, но это не единственная причина моей болезни, эмоциональной и физической. Даже если бы этого нападения никогда не произошло, я все равно была бы больной. Больной от конфликтов, которые не решаются годами, больной от подавления собственных потребностей, от попыток спасти весь мир и от чувства вины за то, что я спасаю его недостаточно быстро». Но в то время этих книг не было.

К счастью, я стала слушаться доктора Дэнилчака и доктора Эрла. Мой Чувствующий взрослый знал, что они не ошибаются, говоря мне о том, что я должна заботиться о себе, и что никто другой, кроме меня, не несет за меня ответственности. Мой Контролирующий ребенок нередко уступал моим прежним стереотипам ответственности и самопожертвования, на необходимости которых настаивал созависимый мир, в котором я жила.

Я предвидела, что 1984 год будет трудным. Но если бы я знала, насколько трудным он будет, быть может, я сделала бы все, чтобы он не начинался.

В начале года я заметила, что мне все труднее переносить яркий свет. Первый симптом дал о себе знать во время моего очередного визита к офтальмологу. Когда он осматривал мои глаза, мне показалось, что яркий пучок света буквально вдавил меня в спинку кресла. Несколько дней спустя, когда я печатала, крошечный индикатор на передней панели машинки медленно сдвигался вдоль клавиатуры. Я не могла оторвать от него глаз. Свет практически гипнотизировал меня.

Как только он замер, я начала все глубже и глубже проваливаться в черную бездну, которую, как мне казалось, я навсегда оставила в Берлинге. Скользкие щупальца холодных стен протянулись ко мне, чтобы ухватить и мучить меня светом. Затем они превратились в мужчину со спичкой, который подносил ее ближе и ближе к моим глазам, не обращая внимания на мои

мольбы о пощаде. Я хотела закрыть глаза, но что-то или кто-то силой заставлял меня держать из открытыми.

Когда кошмар отступил, я стала думать, откуда он появился. После стольких часов терапии, когда каждый момент нападения был внимательно рассмотрен по нескольку раз, я не могла представить, что там могло еще что-то оставаться. Чем бы это ни было, я надеялась, что оно останется похороненным- желательно навсегда.

Жизнь с Тоддом продолжала портиться. У меня не оставалось сомнений: то, чего я хочу и в чем нуждаюсь – это развитие наших взаимоотношений. Подгоняемая стрессом, моя боль вновь достигла десятибалльного, «суицидного» уровня. Ее воздействие на мой организм вынуждало меня вплотную подойти к решению, которое я никак не желала принимать: положить конец нашему браку. В своем письме подруге я писала:

Не знаю, сколько бы я еще медлила, если бы физически была в порядке. Я не перестаю думать о двух наших общих подругах, которые умерли от рака, в сорок лет с небольшим. Я всерьез считаю, что подавленная эмоциональная боль разрушает иммунную систему. Я не желаю быть мученицей в сорок семь лет!

Вдобавок после долгих размышлений я прихожу к выводу, что эмоциональная боль, несомненно, столь же разрушительна, как и физическая. Я не выживу при таких взаимоотношениях, в которых люди не поддерживают друг друга и не помогают друг другу расти. Я не могу жить с человеком, который не признает мою независимость и не принимает меня такой, какая я есть.

Даже если бы не было физической боли, я не сомневалась в одном: остаться – значит загнать обратно в тюрьму моего Естественного ребенка, к которому вернулись удивление, способность творить, растущее чувство собственного достоинства. Эта значило бы взять этого радостного веселого Ребенка от отвести его обратно в прежнюю камеру одиночного заключения, где он будет находится до конца своих дней.

Тодд? Или этот ребенок?

После завершающего сеанса с доктором Эрлом я поняла, что положение безвыходно. Я сделала все, что могла. Возникли и

другие серьезные конфликты, которые свидетельствовали о том, что все кончено. Мои непреходящие разочарования и гнев стали оборачиваться глубоким сожалением и печалью. Похоже, ничто не могло изменить нашей ситуации. У меня не оставалось выбора.

В последний раз я прошлась по дому, разглядывая интерьер, который так любила. Я сама рисовала планы и наблюдала за подрядчиками. Я занималась его отделкой с любовью и гордостью. Мокрыми от слез глазами взглянула на календарь, затворяя за собой дверь: 1 апреля 1984 года – двадцать восьмая годовщина нашей свадьбы. Какая ирония.

Собравшись с силами, я села в свою нагруженную до предела машину и повела ее мимо пальм, навсегда оставляя позади извилистую аллею. Пустыня вокруг была унылой. Быть может, эта дорога, ведущая меня на запад, в Калифорнию, - ошибка? Волны смятения, вины и боли накатывали на меня, подобно пыли, вздымающейся вихрем в песчаных дюнах за окнами моего автомобиля.

Невидимые волны проникали через стекло. Песок эмоций разъедал глаза. Ослепленная болью, я съехала на обочину. Я уронила голову на руль и разрыдалась. Рыдания разрывали мне горло и грудную клетку. Они рвали мое сердце. Слово «развод» металось внутри меня, сопровождаемое пронзительным криком боли. Я не знала, смогу ли я пройти через это и доплыть до другого берега.

Боже милостивый. Как мы только дошли до этого? Как я это ненавижу. Я никак не ожидала, что это будет так больно.

* * *

Сан – Матео, в десяти милях от Сан – Франциско, принял меня с распростертыми объятиями. Я вошла в пустую квартиру и улыбнулась. За мной последовала Бабетт, окидывая взглядом огромны окна, маленький балкон и возвышающееся за ним калифорнийское мамонтовое дерево. «Мне кажется, здесь ты будешь очень счастлива. Без всякого сомнения, ты это заслужила».

Понемногу квартира начала отражать новую Мэрилин. Вместо тяжелого мужеподобного величия стен с темными

панелями и солидной мебели моего дома в Скотсдейле квартира оживилась белым ковровым покрытием и обстановкой в розовато – лиловых тонах с лавандовым акцентом. Моему Естественному ребенку здесь очень нравилось.

Вскоре мне предстояло вернуться в Скотсдейл для полного удаления матки. Я знала, что впереди меня ждут трудные отношения с моими знакомыми из церкви. Мне казалось, что когда друзья придут навестить меня после операции, они наверняка начнут оспаривать мудрость моего решения развестись. Я посоветовалась с доктором Дэнилкаком, и он помог мне заготовить несколько уместных ответов на возможные негативные комментарии по поводу моего развода.

Через месяц после операции я вернулась в Калифорнию, снедаемая чувством обиды, отвержения и гнева. Единственное, к чему я не была готова, это к тому, что за исключением одной супружеской пары, никто из моей церкви (не считая моих родственников и женщин из движения «Больше чем друзья»), не пришел меня навестить на протяжении всех трех недель. Конечно, я не чувствовала себя брошенной. Я получала цветы, звонки, открытки и принимала визиты от других людей. Но для большинства людей из церкви меня как будто не существовало.

Вернувшись в свой новый дом в Сан – Матео, я поняла, что все то, что я прочитала о разводе и о том, как трудно к нему привыкнуть, так и не подготовило меня к этой ошеломляющей реальности. Я имею в виду не только неприятие со стороны друзей, но и простое одиночество. После двадцати восьми лет супружества мне было тягостно одной ложиться спать и просыпаться одной. Дело не в том, что мне никогда не доводилось спать одной – Тодд частенько уезжал на охоту. Просто я сознавала, что пространство возле меня не будет занято даже несколько дней спустя, а возможно и никогда.

Ужин в одиночестве. Никогда больше не войти в комнату, где кто-то другой устроил беспорядок. Не с кем поболтать перед сном. Это было слишком. Это пугало.

Это наводило тоску.

У меня не было сил идти вперед. Я еще не до конца оправилась после операции, и привычные головные боли усиливались с поразительной быстротой. Здешний гинеколог

попытался откорректировать мое гормональное лечение в надежде уменьшить мою боль. Вопреки неоднократным изменениям в предписаниях, головные боли не только не стихли, но и вдобавок к ним стала подниматься температура. Я покупала витаминные добавки и снотворное, пытаясь найти хоть какое-то избавление от этой боли.

Моя кожа, подавая сигнал тревоги внезапно покрылась крапивницей, выдавая реакцию на лекарства. Дерматолог назначил ежедневные инъекции и запретил принимать болеутоляющее, пока не пройдет сыпь.

Слезы наворачивались мне на глаза. «Я не понимаю. Боль так ужасна, что она запускает во мне прежние механизмы. Я снова испытываю желание умереть. Мне необходимо лекарство, которое держало бы боль на уровне, который я в состоянии вынести».

Доктор Дэнилчак посоветовал мне попробовать ежедневный лечебный массаж, полагая, что это поможет мне выдержать боль, пока я дам своему организму очиститься от лекарств. К счастью, это сработало, и боль оставалась ниже порога саморазрушения.

Две недели спустя врач по-прежнему разводил руками в недоумении. «Я озабочен, поскольку температура продолжает держаться на уровне тридцати девяти, и я понятия не имею, что является тому причиной».

«У меня не проходит озноб. Каждый день около четырех часов температура поднимается до сорока. Она не опускалась ниже тридцати семи всю неделю».

Врач сунул руки в карманы белого халата. «Анализы крови, сделанные вчера, дали отрицательный результат. Я не знаю, что еще мы можем сделать для вас».

Он прислонился к стене и продолжил: «Поскольку удаление матки является «половой» операцией, насколько мне известно, она способна инициировать воспоминания, если пациент в прошлом пережил сексуальное насилие. Не это ли происходит с вами? Вы не собираетесь вернуться к терапии с доктором Дэнилчаком?»

Я была поражена. Я разговаривала со своим гинекологом в Скотсдейле сегодня утром, и он сказал мне абсолютно то же самое».

Вернувшись домой, я стала ждать, когда позвонит доктор Дэнилчак. Он уехал в отпуск за город, обещая позвонить на

неделе, чтобы узнать, как я себя чувствую. «Мэрилин, - сказал он, - Я тут думал об одной клиентке. Ей удалили матку, и в результате у нее пробудилось множество старых воспоминаний о сексуальном насилии. Может быть, в этом и есть причина нынешнего обострения твоей головной боли?»

Я тяжело опустилась в кресло. «Пит, это не может быть простым совпадением. Ты третий человек, который предположил эту взаимосвязь. Есть ли у меня шансы пройти у тебя терапию до того, как я отправлюсь в Аризону на две недели?»

«даже если мне придется работать по ночам и выходным, я найду для тебя время. Не волнуйся. Мы приведем тебя в порядок. Мы с тобой не для того прошли через весь этот ад, собрав тебя по кусочкам, чтобы дать тебе развалиться теперь!»

знакомая комната для терапии. Крики ярости снова хлынули фонтаном из какой-то мерзкой бездны глубоко внутри меня, но на этот раз это были новые, незнакомые слова.

Мой Плачущий обиженный ребенок страшно перепугался: «Не тащи меня обратно туда вниз! Там плохо! Я не хочу туда идти. Там страшно. Пожалуйста, не спускай меня в эту дыру!

Я больше не желаю этого делать. Я слишком устала. Пожалуйста, больше не делай больно моей голове. Я не хочу смотреть на этот огонь. Не знаю, что это за свет. Нет! Уберите это! Огонь, огонь. Лицу так горячо. Прошу вас, пожалуйста, не делайте мне больно!»

Неистовая истерика ввергла меня в глубины моей бездны. Я падала быстрее и глубже, чем когда-либо прежде.

«Уберите свет. Уберите его, уберите его! О, пожалуйста, нет, нет, нет. ТОЛЬКО НЕ ВГАЗА! О, Боже, пожалуйста! УБЕРИТЕ ЭТОТ СВЕТ!

Пожалуйста Пит, помоги мне остановиться! Мне еще никогда не было так плохо. Я не перенесу этого!»

Доктор Дэнилчак утешил моего Плачущего ребенка, но в его голове звучало беспокойство. «Я провел возле тебя сотни часов, пока ты оживляла в памяти изнасилование. Но я уверен, что сегодня ты ощутила самую сильную панику и ужас, которые я когда – либо видел. Что это за свет? Что они делают с тобой?»

Дрожа и всхлипывая, я произнесла: «Не знаю. Я не знаю. Но что бы это ни было, это так страшно, что мне начинает казаться, будто я лишаяюсь рассудка. Я действительно на грани безумия».

Терапия продолжалась. Проходили дни, жуткие дни, приносившие с собой новые открытия, страшные и отвратительные: меня держали вниз головой и волокли к черной дыре – должно быть, в погреб. Меня окружают мужчины, видны только белки их глаз и белые зубы. Они ухмыляются, подходят все ближе, ближе, ближе. В руке одного из них - зажигалка. Они не дают мне закрыть глаза.

Они говорят, что собираются выжечь мне глаза,

Мой Плачущий обиженный ребенок верил, что они выполняют свое садистское обещание. Разве они уже не исполнили все прочие угрозы?

Ужас, превосходящий всякие границы, соединился с последним выплеском моей воли остаться в живых. Соппротивление с новой силой хлынуло из почти разрушенной внутренней сущности. В неистовом бешенстве меня ударили, и я лишилась сознания.

Меня бросили умирать. Очнувшись, я вела себя как безумная. Маленькая девочка корчится, белая, голая, на черной грязной земле. Ручонки хватают воздух, странные звуки льются из горла. Животные звуки. Рычание. Злобное. Безумное.

Я наблюдала на расстоянии, и мое сердце разрывалось на части. Я приблизилась к измученному маленькому ребенку и подхватила его руки. «Бедное, несчастное дитя. Я не могу так тебя оставить. Я не оставлю тебя. Обещаю, я буду о тебе заботиться»

В тот вечер я достала свой старый дневник и принялась описывать чувства, которые принадлежали не только мне, но и множеству детей во всем мире:

Крики как это несутся и вторят безумия звукам,
Опаляя пространство и время, своей след оставляют.
В прошедших столетиях и прожитых днях заключают
Они мириады охваченных страхом детей,
Которых подвинули к самому краю,
К бездне, вмещающей необъяснимый ужас.

Безумие кружит, тыча костлявые пальцы в
податливый
И беззащитный разум невинных душ,
доставленной болью в садизме своем наслаждаясь,
Когтями сдирая непрочные покровы реальности.

Позже мы с доктором Дэнилчаком, двое разумных, с развитой логикой взрослых людей, сидели в комнате и обсуждали этого лишившегося рассудка ребенка.

Я качала головой, пораженная новой информацией, которая мне открылась. «В своей теории я полагала, что в результате тяжелой травмы некоторые дети могут выйти за грань психоза. Теперь я уверена в своей правоте. Когда я писала об этом, то не догадывалась, что пережила это на собственном опыте».

Приподняв брови, доктор Дэнилчак заметил: «Да, именно это и произошло с твоим бессознательным. Но к счастью, у тебя от рождения была сильная личностная структура и любящие, заботливые родители. В результате сопротивление твоего «Я» оказалось выше, чем это свойственно восьмилетнему ребенку».

Я устроилась поудобнее на знакомой подушке и продолжала его мысль. «В результате я оказалась способна разделить на части и сформировать сильного Контролирующего ребенка. Он полностью скрыл моего обезумевшего Ребенка, чтобы сущность Мэрилин Рэй могла уцелеть».

Доктор Дэнилчак откинулся в своем глубоком кресле рядом со мной. «Только подумай, как много людей оказались не столь удачливы, как ты. Они до конца своей жизни будут вынуждены находиться в учреждениях для душевнобольных».

«Пит, я продолжаю считать, что способность к разделению на части, когда боль становится невыносимой, - это именно то, что сохраняет ребенку рассудок».

Пока мы продолжали беседовать и строить теории, я вспоминала часы, проведенный в этой комнате, когда мой Взрослый отчаянно балансировал на грани между разумом и безумием, между жизнью и смертью.

Я бросила взгляд на сильные, добрые руки доктора Дэнилчака, покоящиеся у него на коленях. Эти руки так долго держали «спасательный трос», за который я цеплялась. И мой

Ребенок, и мой Взрослый чрезвычайно нуждались в нем, в его мудрости и его силе, чтобы выжить. Да, я стала зависима от него (и от Бабетт) на тот период, когда я проходила терапию. Смертельно перепуганный восьмилетний всегда зависим.

Доктор Дэнилчак был единственным, кто помог мне найти и взрастить своего Естественного ребенка. Я нежно любила его как терапевта, наставника и друга. Он спас мне жизнь.

Но это было почти четыре года назад. С тех пор я сознательно работала над расширением своей системы поддержки. Из-за терроризирующего меня «света» мне вновь понадобился доктор Дэнилчак и эти десять дней терапии. Но в остальном моя зависимость от него постепенно убывала и, наконец, исчезла вовсе. Похоже, я выздоравливала.

16

Хрупкая броня

Два дня спустя, стоя перед зеркалом в ванной комнате, я внимательно изучала свое отражение. Глаза больше не сочились болью. От Берлингема до Феникса, от терзающей боли – к выздоровлению, из комнаты для терапии – к съезду спикеров.

Подкрашивая губы, я вспомнила совет, который Флоренс Литтауэр давала выступающим: «Всегда выглядеть профессионально и быть готовым уложить свою историю в три минуты».

Три минуты! Да разве можно сжать мой рассказ до трех минут!

Я промокнула губы салфеткой, поправила юбку и попыталась приструнить свой страх. Я не только готовилась впервые принять участие в съезде Национальной ассоциации спикеров – существовала некоторая вероятность, что мне предложат выступить этим утром. Всех новых участников попросили отпустить свои визитные карточки в шляпу. Двое из

нескольких сотен, впервые участвующих в этом съезде, будут выбраны для того, чтобы произнести импровизированную трехминутную речь.

Не успела я занять место рядом со своей сестрой Мэри Сью, и шестью другими членами команды КЛАСС, как ведущий достал из шляпы карточку и объявил: «Нашим первым выступающим сегодня будет Мэрилин Мюррей».

Мэри Сью разинула рот, я же почти не удивилась. Направляясь к трибуне, я напомнила себе: ничего не бывает случайным.

Менее чем через две минуты, когда я окончила говорить, зал встал и бурно зааплодировал. Через какое-то время ко мне подошел высокий мужчина. «Привет, меня зовут Ричард. Я хотел спросить, не могли бы мы встретиться завтра за ланчем. Мне бы очень хотелось побольше узнать о том, чем вы занимаетесь».

Наша беседа за ланчем оказалась столь оживленной, что мы возобновили ее за ужином и проговорили до глубокой ночи. Перед тем как попрощаться, я показала Ричарду мои фотографии и образцы моего почерка в период терапии.

«Мэрилин, - вскричал он в изумлении, - не может быть, что это вы! Я бы ни за что вас не узнал».

Пристально разглядывая листок в линейку из моего дневника, на котором я вывела каракулями – «Я не умею писать, мне всего восемь» - он уперся пальцем в строчку в середине страницы. «Взгляните, Вы написали: «Свет делает больно моим глазам». Вы говорили мне, что до недавнего времени ни о каком «свете» не помнили. Однако Вы сделали эту запись тотчас после вашего «вулкана», почти четыре года назад. Видимо, Ваше бессознательное пыталось рассказать вам о том мучительном всеете еще в самом начале».

Я потрясенно уставилась на страницу. «Прежде я никогда этого не замечала. Помнится, сразу после того, как я сделала эту запись, я подумала, что речь идет о свете фар автомобилей, проезжавших мимо».

На следующее утро, за завтраком, стоя в очереди, я заметила приближающегося Ричарда, который выглядел изможденным и каким-то взъерошенным, что никак не вязалось с его прежним элегантным видом.

«Леди, ваше вчерашнее выступление длиной в минуту и пятьдесят пять секунд, изменило мою жизнь. Вчера ночью, после того как мы расстались, я еще долго бродил. В прошлом году умер мой отец, и я до сих пор не разрешал себе переживать свое горе в связи с этим. Наш вчерашний разговор позволил мне войти в контакт со своими чувствами и посмотреть в лицо собственной боли».

Срывающимся голосом он продолжил: «Я всю ночь бродил в пустыне и впервые позволил себе оплакать своего отца. Какое же это целительное переживание!»

В последующие три дня люди подходили ко мне в коридорах, в комнатах для отдыха, в тихих уголках; все они хотели поделиться со мной болью своего детства. Они обнимали и благодарили меня за это.

В тот вечер на торжественном банкете по случаю закрытия съезда я не находила себе места. *Господи, не может быть, чтобы все это просто «случилось». Ты по-прежнему ведешь меня через все эти события с такой скоростью, что я не успеваю к этому привыкнуть. Как бы отреагировали эти люди, узнай они, что мне предстоит делать завтра?*

Вернувшись в номер, я сняла и повесила на вешалку свое расшитое блестками платье. Взглянув на часы, я обнаружила, что для сна у меня осталось совсем немного времени.

День настал чересчур быстро. Я встала и натянула на себя однотонную юбку из грубого хлопка и фланелевую рубашку. Убирая в чемодан драгоценности, я глянула в зеркало – убедиться, что лицо и прическа выглядят как можно более скромно. Я выскользнула из гостиницы, покидая этот волшебный увлекающий мир, где свобода и безопасность считаются чем-то само собой разумеющимся, и приготовилась войти в совершенно иную реальность, где подобной роскоши не существует.

Утром того дня взрослые насильники и растлители малолетних ожидали встречи со мной в тюрьме строгого режима на юге Аризоны.

«Взгляни туда, Мэрилин. Это там».

Я посмотрела, куда указывала рука доктора Мэйзена, пока автомобиль двигался по дороге через пустыню. Здание тюрьмы,

до которого было еще далеко, казалось маленьким и ничем не примечательным.

«Мэрилин, я ужасно рад, что ты наконец-то решила приехать. Я знаю, что тебе было непросто пойти на это. Я целых три года твердил им о тебе. У нас есть даже длинный список людей, которым не терпится тебя послушать».

«Хотелось бы знать, многие ли из них по-прежнему захотят прийти, после того, как узнают о моей скандальной кассете от сегодняшних участников».

Доктор Мэйзен не терял энтузиазма. «Думаю, тебя удивит их смелость. Лечебная программа для людей, совершивших преступления на сексуальной почве, проводится в двух трейлерах в самом конце административного двора. Порой человеку требуется много лет, чтобы набраться мужества «пройти сквозь строй» через открытое пространство к этим трейлерам».

«С трудом представляю, как они на это отваживаются. Ведь тогда всем становится известно, какое именно преступление мы совершил».

«Так и есть. В тюрьме насильники и растлители находятся на самом дне неофициальной иерархии и считаются «законным» объектом для серьезного насилия со стороны других заключенных. Решившись пройти этот страшный путь к трейлерам, они тем самым признаются, что они насильники и извращенцы. Поэтому преступник должен иметь искреннее стремление измениться, прежде чем он совершит этот шаг».

«Выходит, они делают это не для того, чтобы заполнить характеристику о «твердом намерении встать на путь исправления» в свое личное дело?»

«Вовсе нет. Фактически, я обнаружил, что большинство мужчин в здешней терапевтической программе работают с большей отдачей, чем мои заключенные на воле».

«Сколько заключенных во Флоренсе совершили половые преступления?»

доктора Мэйзена, казалось, несколько позабавил этот вопрос. «В том-то весь и фокус. думаю, большинство из тех, кто находится в этой тюрьме, в прошлом совершили то или иное половое преступление. Многие из них ни разу не были признаны виновными в этом или намеренно признавали себя виновным в

совершении иного преступления, чтобы суд не рассматривал обвинения в половом преступлении и оно бы не фигурировало в их деле».

Разговор смолк, когда доктор Мэйзен свернул с основного шоссе. Теперь наш конечный пункт маячил прямо перед нами, грозный и внушительный: Флоренс, тюрьма Аризона – бескрайнее пространство бетона над сухой землей, окруженное высоким забором с колючей проволокой.

Вооруженный конвой верхом патрулировал поля за тюремными стенами, где осужденные пропалывали уходящие вдаль хлопковые поля. Раннее утреннее солнце поблескивало в воде ирригационных каналов, приносящих влагу в сухую, выжженную пустыню. Яркие зеленые растения смотрелись довольно странно на фоне сторожевых вышек с пулеметными гнездами и часовыми в форме.

Охранник у ворот проверил удостоверение личности у доктора Мэйзена. Он долго искал мою фамилию в своих бумагах, затем махнул рукой, пропуская нас внутрь. Доктор Мэйзен припарковал машину. Я глубоко вздохнула, когда мы вышли на пыльный двор и направились к невинным на вид трейлерам.

Июльское утро уже раскалилось до тридцати семи градусов. Зайдя внутрь, я порадовалась обдавшей меня волне прохладного воздуха. Мужчины, которых я увидела, ничуть не отличались от обычной дружеской компании; но каждый из них был осужден не менее, чем на пять лет. *Что происходит у них внутри? За их непробиваемой броней? Что, если мне не удастся пробить их защиту?*

Пока мужчины рассаживались по местам, я мысленно перебирала список, который дал мне доктор Мэйзен:

- Джордж; белый в возрасте 29 лет. Обвинен в изнасиловании и угрозе физического насилия, приговорен к тридцати годам тюремного заключения, отсидел шесть лет.
- Тони; латиноамериканец, возраст 26 лет, обвинен в изнасиловании, осужден на срок до семнадцати лет тюрьмы, отсидел пять лет.

- Карл; черный, возраст 29 лет, обвинен в изнасиловании, осужден на срок от десяти до двадцати лет тюрьмы, отсидел семь лет.

- Том; белый, возраст 38 лет, обвинен в растлении малолетних, приговорен к пяти годам тюремного заключения, отсидел три года.

- Дэвид, белый, возраст 38 лет, осужден за растление малолетних. Приговорен к пяти годам тюрьмы, отсидел три года.

- Эрл; черный, возраст 35 лет, обвинен в изнасиловании, приговорен к тридцати годам тюрьмы, отсидел десять лет.

- Гарри; белый, возраст 63 года, обвинен в растлении малолетних, приговорен к пяти годам тюрьмы, отсидел три года.

- Джои; латиноамериканец\белый, возраст 32 года, осужден за изнасилование, приговорен к сорока годам тюремного заключения, отсидел тринадцать лет.

Я собралась с духом. Ты уверен, Господи, что хочешь от меня именно этого? Не думаю, что это будет легко!

Помолившись про себя, я вышла вперед и начала: «Нет, нет, только не я! У меня было безоблачное детство».

Мои слушатели оказались более внимательными, чем я ожидала, - все, за исключением одного. Джордж сидел в нескольких футах от полукруга остальных участников. Весь его вид откровенно заявлял: «держишь от меня подальше!» - он сидел развалясь, скрестив руки у себя на груди. Свою шляпу он надвинул так глубоко, что глаз мне не было видно.

Ближе всех ко мне, в непринужденной позе сидел Эрл, глядя на меня с самоуверенной усмешкой, заслонившей всю его внутреннюю сущность. Вместо нее он выставлял напоказ образ «крутого Джо». Его защитный механизм, хоть и более приемлемый в социальном плане, работал не хуже, чем у Джорджа.

Карл, физически развитый и жесткий, с гордостью носил огромную шевелюру в стиле «афро». Он изумил меня своими слезами, когда я рассказывала про свой «вулкан». Слезы блестели

на его темнокожем лице, но он и пальцем не пошевелил, чтобы как-то скрыть из существование.

«Тот дом, тот плохой дом, солдаты, война, падают бомбы!»

кожаная куртка, на которой красовались пестрый дракон и слово «Сайгон», скрипнула в углу, когда ее владелец затушил четвертую сигарету в банке из-под кофе. Том дергал себя за тощую бородку, пытаясь отделаться от воспоминаний о грохоте орудий и воплях смертельно перепуганных детей и раненых товарищей.

«Миленький Боже, прошу, не дай этому со мной случиться!»

Дэвида душили слезы, рука сжимала маленький крестик, приколотый к воротнику. *интересно, не использует ли он свое христианство, как защиту, полагая, что ему уже не нужно работать над своими проблемами, поскольку отныне они уже прощены?*

«...я продолжала оставаться восьмилетним ребенком шесть недель. Вот как выглядел мой почерк».

Смахивающий на дела Гарри поддался вперед, с интересом кивая головой при появлении на экране очередного слайда. Он кротко улыбнулся мне, когда я вновь отключила свет и достала свои бутылки с «морями боли».

«Эта бутылка изображает мальчика, чьи мать и отец не проявляли к нему никакой любви».

Прошлое неожиданно обрушилось на Джон со своей болью. Эмоции переполнили его так внезапно, что он не мог сдерживать слез. Джон вцепился в стул, пытаясь взять себя в руки, пока я продолжала говорить.

Тони, у которого сильные чувства друзей вызвали недовольство, сидел, не отрываясь от пола. Долгие годы старательного приведения себя в соответствие с выдуманным образом мужчины выстроили почти непроницаемый барьер. Мачо никогда не плачет, особенно чикано.

«подчас требуется очень много времени, чтобы выкачать эти скважины».

Прошло около двух часов, и я приготовилась завершать эту часть выступления. «Я отдаю себе отчет в том, что в этой тюрьме на вас смотрят как на «худших из худших». Сколько раз вам казалось, что «всем на вас наплевать», что никому нет до вас

дела? Но я хочу, чтобы вы знали, мне – есть. Если бы я не беспокоилась о вас, я не стояла бы здесь. Мне за это не платят, И я сама купила билеты, чтобы сюда прилететь. Понимаете, я здесь потому, что убеждена: вы – люди, у которых есть достоинство и ценность, личности, у которых есть право получить возможность измениться.

Но изменение это будет самым трудным из всего, что вам приходилось сделать в этой жизни. Вам придется принять полностью ответственность за свои преступления, из-за которых вы находитесь здесь. Вы также должны быть готовы заглянуть глубоко внутрь себя и вызволить того страдающего маленького мальчика, который там находится. Вам придется позволить маленькому Джон, Дэйви или Томми рассказать вам о том, что с ним случилось, из-за чего он так зол и обижен на других людей.

Я здесь, чтобы помочь вам это сделать. Я пододвинула к себе магнитофон и объяснила мужчинам, что им предстоит увидеть и услышать.

Их тела напряглись в ожидании, когда я вставляла кассету. «Взгляните на мое лицо и запомните его хорошенько. Я хочу, чтобы вы помнили его, когда будете слушать, что может сделать сексуальное насилие с ребенком, с женщиной. Запомните звуки этой боли».

Несмотря на множество занятий, проведенных в Эдоби, я по-прежнему не ощущала себя готовой к той реакции, которую вызывает моя детская невинная улыбка на экране, сопровождаемая неистовыми мучительными криками.

С усилием я взглянула на каждого из мужчин: мускулистые руки то скрещиваются на груди, но вновь опускаются: потные ладони сжимаются и разжимаются: ноги не находят себе места. Грубые костяшки пальцев погрубели от усилия, с которым руки вцепились в край сидений. Глаза отчаянно шарят по комнате, ища куда бы спрятаться от непрекращающейся детской агонии. Понемногу непомерное напряжение ослабло, сменившись волной глубокой собственной печали. Каждый из преступников как будто впервые ощутил боль своей жертвы и затем осторожно начал касаться своей собственной боли.

Когда свет загорелся вновь, почти у всех лица были в слезах. Джордж направился к двери и молча вышел вон.

Карл, колеблясь и запинаясь, начал рассказывать историю долгого сексуального насилия. «Она не поверила мне. Я рассказал маме, что делают со мной старшие девочки, а она не поверила мне. Она выпорола меня за ложь!»

Я старалась скрыть удивление. Меня предупредили, что Карл чрезвычайно редко говорит на группе о себе, тем более о пережитом насилии.

«Я рос в неблагополучном районе», - продолжал он, - «Там дети были беззащитны. Ты должен была научиться быть безжалостным, чтобы выжить. Мальчишки считали, что это было очень круто, что у меня так рано был секс. А мне было противно. Я ужасно переживал. Мне было так одиноко. Мне казалось, что моя мама и сестры ненавидят меня. По-ихнему выходило, что я всегда не прав и вдобавок безнадежен. В конце концов я решил, что раз так, пойду и покажу, какой я безнадежный. В любом случае, я ничего не потеряю. Но я потерял. Я оказался здесь. Я никому не уступал, мне не было дела до чьих-то там чувств. Я понятия не имел, как вообще устроена жизнь».

Джон повернулся к Карлу. «Да, я знаю, каково это. Меня домогалась моя тетка, когда мне было всего четыре. Мне постоянно казалось, что я плохой, и что я в чем-то виноват».

Доктор Мэйзен рассказывал мне о Джон и его потенциале. Джин вскоре предстояло принять на себя обязанности административного помощника в программе СОТП и отвечать за составление расписания и координацию занятий. Он прошел четыре не все курсы колледжа, доступные в тюрьме, и приобрел познания в психологии, социологии, философии и так далее. Он умел чрезвычайно ясно и четко излагать мысли (ежедневно читал словарь), имел приятную внешность и входил в специальную команду заключенных, которые вели профилактическую работу в аризонских школах, предостерегая об опасности злоупотребления наркотиками и алкоголем. То, как он выглядел и говорил, производило впечатление на подростков – он умел представить безжалостную реальность тюремной жизни. Если не случится досрочное освобождение, ему не выйти из тюрьмы до 2012 года.

Том заговорил в ответ на слова Джон: «Да, я знаю, каково так страдать. В армии меня готовили быть убийцей: и это было лучшее, что я умел. До чего же мне хотелось убить моего старика!»

Один раз я попытался сделать это, когда мне было двенадцать. Он как-то отвел меня в безлюдное место и избил дубинкой и хлыстом. И оставил меня там, совершенно одного, на четыре дня. Затем он избил мою мать, сломал мне челюсть, и в результате мне наложили сотню швов на голове. Вот тогда я и решил, что убью его. К несчастью, у меня было только 32-й калибр, и я всего-навсего ранил его. Когда я понял, что он остался жив, я убежал. Похоже, так и бегаю с того времени».

Эрл громко произнес: «Парни, у меня было совсем другое детство. Мои родители хорошо со мной обращались. Мне нечего рассказать вроде того, о чем вы тут наговорили». Он мельком взглянул на меня и, улыбнувшись, направился к двери. «Сожалею, но мне надо идти».

Тони, казалось, вот-вот последует за Эрлом, но, взглянув на Джон, решил остаться. «Я не могу рассказывать о том, что происходило со мной, когда я был маленьким. В моей семье было неписанное правило: никогда, ни в коем случае никому не говорить плохо о своей семье, особенно если ты мужчина. Мужчина всегда должен быть твердым и спокойным, что бы ни происходило».

Джон почувствовал, как тяжело Тони говорить, и поддержал его. «Все нормально, здесь тебе ничего не грозит. Никто не расскажет твоим. В самом деле, очень важно, чтобы ты, в конце концов, вынул из себя ту боль, которую, я знаю, ты носишь с собой повсюду».

Широкие плечи Тони дрожали, он качал головой: «Нет, нет».

Я подошла к нему и дотронулась до его сжатой в кулак руки. «Тони, я догадываюсь, каково тебе. Когда я узнала о том, что была изнасилована, некоторые члены моей семьи то же не хотели, чтобы я об этом рассказывала. Это было самым трудным решением, которое я когда-либо приняла. Я выбрала то, что было нужно для того, чтобы остаться в живых, хотя знала, что это причинит боль любимой мною семье. Это болезненный выбор, но его нужно сделать. Пожалуйста, позаботься о Тони. Только ты можешь это сделать».

Тони молча боролся со своими чувствами. Джон положил руку на плечо другу. Один за другим участники группы

продолжали делиться своими эмоциями и реакциями на события сегодняшнего дня.

Заговорил Дэвид: «Когда я посмотрел на ваши бутылки, я впрямь увидел в них свое собственное «море боли». Мои родители избивал меня вилами. Но я научился их прощать с тех пор, как стал христианином. Я знаю, что прошлое – это всего лишь прошлое, и мне следует препоручить всю мою ненависть Господу: «Древнее прошло, теперь все новое». Мои грехи были похоронены в «пучине забвения». Я знаю, что больше никогда не совершу преступления, пока я держусь за Библию».

Несколько пар глаз закатились, выражая настроение участников группы. В то время как многие христиане заслужили уважение тем, что серьезно изменили свою жизнь, были и такие, кто «размахивал» Библией, используя Божие прощение как предлог не предпринимать попыток честно разобраться со своими преступлениями.

Спустя час после своего ухода Эрл вернулся. Боль душила его. «Вы правы, парни. Я подвергался насилию».

Мужчины продолжали изливать горечь своего детства. Но гораздо труднее было им говорить о той боли, которую они причинили своим жертвам. Некоторые пытались вовсе отрицать ее существование, но другие не давали им увязнуть в отрицании. Они поддерживали, ободряли друг друга, стремились бороться в этом уродстве внутри себя.

Спустя семь часов я просталась с ними у дверей. Я обняла каждого из них. Все спокойно ждали своей очереди – неуверенные, вежливые, сомневающиеся.

Когда в последний раз они чувствовали прикосновение женщины? Вот уж не думали они, что первой к ним прикоснется жертва насилия!

В тот день я увидела в них не только насильников и извращенцев, но глубоко раненых, страдающих людей. Каждый из них был создан с Естественным ребенком внутри, но этого ребенка побоями и ругательствами загнали в небытие. Теперь остался лишь ожесточенный, одинокий маленький мальчик посреди тюремного двора, который пытается остаться в живых.

Выезжая за ворота, я обернулась и увидела этих страдающих детей, маленьких мальчиков в телах взрослых людей, которые

сквозь забор из колючей проволоки смотрели, как мы с доктором Мэйзенем выезжаем на свободу.

В тот момент моя жизнь изменилась. Рубежи моей жизни расширялись уже не только вперед. Теперь они расширялись также и в обратном направлении. Меня тянуло в Аризону, назад в тюрьму – туда, где я нашла боль, но также и исцеление.

17

Румба и ракеты

Музыка вибрировала и струилась, а с ней дрожал и воздух в зале. Я двигалась вместе со своим партнером, ощущая себя неуклюжей и свободной одновременно. Джон вел меня сначала в спокойном фокстроте, затем в веселом свинге и жарком ча-ча-ча.

Танцы. До терапии мои ноги слишком болели, чтобы думать о танцах. Теперь мой Естественный ребенок захотел танцевать. Так что я решила записать его на уроки танца. Это была возможность танцевать и одновременно тренироваться, а также обретать новых друзей. Старые потребности, в которых я прежде не отдавала себе отчета, теперь соединились в одном простом действии.

Танцы полностью удовлетворили мою потребность в веселье, физической нагрузке и дружбе. Они стали моей терапией. Мне всегда очень недоставало гибкости. Научиться получать наслаждение и чувствовать себя непринужденно,

двигаясь под музыку, стало для меня существенным шагом вперед.

Мой тренер, Джон, стал моим близким другом. Наши с ним Подлинный чувствующие дети чудесно проводили время вместе. Он учил меня вести себя легкомысленно, я учила его выявлять свое внутреннее «я». Я делилась с ним своими познаниями об искусстве, он – о театре. Вместе мы обследовали бесконечные закоулки Сан-Франциско от ресторанов до дискотек, от сборищ панков до тусовок гомосексуалов.

Однажды вечером, сидя за столиком с видом на Рыбацкую верфь, Джин сделал необдуманное замечание, которое здорово задело мои чувства. Прежние годы условностей и ограничений чуть было не взяли верх над часами терапии. Если бы я не признавала этого, то немедленно ретировалась бы с гордым видом.

В нависшей тишине Джин проказливо возвел глаза к потолку и провозгласил: «Ух ты, похоже, я услышал, как с треском захлопнулась крышка твоего ящика!»

Не спеша, осторожно, я приоткрыла крышку своего старого ящика. Взяв за шиворот, я вытащила моего протестующего Плачущего обиженного ребенка, заставила его сесть за стол и посмотреть Джону в лицо. Мой Контролирующий ребенок, который уже не мог сидеть на крышке ящика, решил, что можно отойти в сторону. Он позволил нам просидеть еще несколько часов и поговорить о своих чувствах.

Так впервые за пределами терапии случился межличностный конфликт, когда мое знание о трех «детях» дало мне средство для разрешения проблемы. Примирение состоялось без угроз и враждебности и даже с некоторым юмором.

Учиться использовать свои теоретические знания в личных взаимоотношениях – это одно, но сейчас меня больше заботила их эффективность с терапевтической точки зрения.

На протяжении нескольких месяцев доктор Дэнилчак и его жена Линетт вели разговоры о возможности открытия собственного консультативного центра в Сан – Матео – центра, который специализировался бы на регрессивной терапии. «Центр терапии возрождения» стал реальностью в 1984 году, и я поступила туда работать в качестве интерна.

Длинный список клиентов доктора Дэнилчака включал многих людей, чье обращение к терапии стало результатом моих постоянных выступлений по всей стране, так что центр всегда был переполнен.

Я набрала более тысячи часов индивидуальной терапии, проконсультировала сотни людей, обратившихся ко мне после моих выступлений, проработала около года в КАСА и еще несколько лет по совместительству в тюрьмах. Но мне по-прежнему предстояло еще многому научиться.

Одна из клиенток обратилась к центр за помощью после моего выступления на семинаре КЛАСС. В утро ее прибытия я зашла в свою комнату для терапии и обнаружила ее в углу – маленький сжавшийся комочек, который больше походил на хрупкого двенадцатилетнего ребенка, чем на двадцативосьмилетнюю мать троих детей.

«Привет, малышка, можно я сяду рядом с тобой?»
она едва заметно кивнула головой.

В течение следующих нескольких часов я близко познакомилась с пятью различными личностями, которые жили внутри Кэти. Одна из них была двухлетним ребенком, который еще ни разу ни с кем не разговаривал. Укачивая новоявленную «Мисти» у себя на руках, я потихоньку уговорила ее взять меня за руку и отправиться со мной в воображаемый таинственный сад, где она будет играть с крошечными зверушками и всегда будет в безопасности.

Убаюкивая маленького ребенка, я думала о сексуальных домогательствах со стороны ее отца и брата. Обе они принимали активное участие в деятельности своей церкви и напроочь отрицали предъявленные обвинения.

Проходили дни, и наружу выходили новые данные, возмутительные данные. Кэти побывала в пяти психиатрических клиниках с диагнозом «маниакальный депрессивный психоз» и «шизофрения». Множественность ее личностей была обнаружена лишь недавно. Когда в клиниках у нее начинался регрессивный процесс, то вместо того, чтобы дать ей возможность высвободить мучительные воспоминания, ее накачивали седативными препаратами, привязывали к кровати и отправляли в буйное отделение под присмотр санитаров – живодеров. Один из них

накрывал ей голову подушкой каждый раз, когда она начинала плакать или кричать.

Каждый сеанс терапии в нашем центре обнаруживал нечто новое о каждой из этих личностей внутри нее: Кэти, действующая в роли взрослого: двухлетняя Мисти; Тэмми, враждебная, причиняющая себе же вред, рассерженная; Марша – мать, покровительница и попечительница; и Пенни – пятилетняя болтуня.

Маленькие дети внутри Кэти напоминали мне меня саму во время прохождения терапии. Кэти попросила карандаши и книжку – раскраску. Я охотно вручила ей одну из тех, что сохранились со времен моей терапии. Он крепко вцепилась в нее, не понимая, какое значение имеет для меня этот подарок.

Помня о том, как одиноко было мне «восьмилетней» в Берлингеме по выходным, я захала к Бабетт за Кэти и забрала ее на субботу. Быстро бежали часы, наполненные ее разными личностями, слезами, смехом и удивлением; целый мир открывался глазам, которые прежде застилала боль.

Когда начало темнеть, я отвезла всю усталую «компанию» домой к Бабетт. Вместе с Кэти я вошла к знакомую спальню с обоями в цветочек, которые навсегда запечатлелись в памяти моей восьмилетней напуганной девочки.

Я подоткнула ей одеяло и осторожно положила рядом куклу. Наклонившись, я поцеловала их обеих. «Спокойной ночи, малышка. Я люблю тебя. Я здесь».

Выходя за дверь, я на прощание взглянула на нее еще раз. *Господи, разве могло бы мне прийти в голову в те мучительные ночи, что однажды круг замкнется, и я сама буду находиться здесь с кем-то другим, кто лежит теперь на моем месте.*

День за днем я сидела на ковре в комнате для терапии, поглощенная работой с Кэти. интуитивно я догадывалась, что должно случиться в тот или иной момент внутри запутанного лабиринта ее эмоций. По окончании нашего с ней последнего сеанса она взглянула на меня с интересом. «для меня это загадка. В каком бы уголке моего сознания я ни пыталась укрыться, вы уже там, сидите и поджидаете меня. Вам удалось проникнуть в самые мои глубины. Вы осторожно поднимаете на поверхность каждую мою часть и помогаете мне прочувствовать ее. Никто и

никогда не мог добраться до этих скрытых во мне детей, с которыми вы способны соприкоснуться».

Она протянула мне руки и заключила меня в объятия. «Впервые я начинаю верить, что Я не сумасшедшая! Когда вы объяснили мне свою теорию, все мои части сумели ее понять, даже Мисти. Всем нам стало очень хорошо от того, что наконец кто-то понимает таких людей, как мы, и не считает нас ненормальными или странными и что нас надо держать в психушке».

Прощаясь, я знала, что наша помощь (доктор Дэнилчака, Линнет и моя) помогла Кэти преодолеть лишь маленький участок из предстоящего ей путешествия к восстановлению целостности. Я хотела быть причастной к таким же исцеляющим путешествиям многих других людей.

Вдобавок я знала, что мое собственное путешествие еще не окончено и, более того, что оно никогда не будет полностью завершено. Сейчас я очутилась на переднем крае: я консультировала клиентов в центре, устраивала свои презентации во всей стране, работала в доктором Дэнилчаком на конференциях и мастер – классах, несколько раз в год навещала аризонскую тюрьму и училась в аспирантуре.

Танцы помогали мне снимать стресс. Стоило мне сосредоточиться на румбе или танго, проблемы, накопившиеся за день с клиентами, отходили в сторону. Добравшись до дома, я крепко засыпала. Однажды Джон предложил мне принять участие в соревновании по бальным танцам. Поначалу я отвергала эту идею, но мой Естественный ребенок умолял меня передумать, и я уступила. Последовали бесконечные часы тренировок, иногда полные безудержного веселья, но всегда очень напряженные.

Наконец – Акапулько, международный конкурс бальных танцев. Пока Джин кружил меня по танцевальной площадке, я украдкой смотрела в отделанные зеркалами стены зала. В них я увидела отражение стройной, смуглой блондинки, проносящейся в облаке белых перьев и вихре хрустальных блесток. Она парила и кружилась, а до меня медленно доходило, что эта женщина – я. Это в самом деле была я! Я была оглушена реальностью этого факта. Суметь наконец-то принять эту «прекрасную» часть себя – это было на грани невозможного.

Затем у меня возникло ощущение, будто три маленькие восьмилетние девочки, взявшись за руки, кружили по площадке рядом со мной. Я никогда не забуду их восторженных воплей, когда мы получили золотую медаль.

Наконец – то и для меня настало время танцевать.

Это было не просто забавой, но чем-то более значительным. Истинная победа не видна никаким наблюдателям. То, как выросло мое чувство собственного достоинства и принятие себя, было намного важнее награды на соревнованиях. Я никогда не подозревала, что могу выглядеть утонченной, эффектной, элегантной, экзотичной, по-хорошему женственной и сексуальной. Я никогда не считала себя сексуальной. Я никогда не знала, что быть сексуальной – нормально. Я не догадывалась о том, что это важная, здоровая часть жизни.

Месяцы проходили в водовороте работы, учебы и танцев.

Доктор Дэнилчак. Линетт и я были хорошей командой. Мы были преданы нашим клиентам и друг другу. Это была очень располагающая к работе атмосфера, но также и требующий напряжения труд. Работа поглотила меня настолько, что почти все время мы проводили, обсуждая проблемы наших клиентов.

Но у доктора Дэнилчака была Линетт, с которой он мог разговаривать по вечерам. У меня же не было никого. Как профессионал я должна была хранить конфиденциальность в отношении своих клиентов. У меня появилось несколько новых друзей. Джон, Билл, красивый мужчина, которого я встретила в танцевальной студии. Но я могла поделиться с ними лишь немногим из того, что меня тревожило и интересовало.

Я не обращала внимания на постоянное утомление и пятна, которые уже довольно давно появились у меня на руках и лице, и никак не желали исчезать. В конце концов я решила обратиться к врачу. Я ожидала, что он пропишет мне мазь или таблетки и все пройдет. Но он направил меня на анализ крови.

В тот день, когда взорвался «Челленджер» пришли результаты анализа. Волчанка - туберкулез кожи. Моя космическая ракета, со всеми моими надеждами и мечтами, взорвалась в этот день. Волчанка? Я знала одну женщину, у которой была волчанка. Она была прикована к постели.

В тот день моих клиентов обслуживала не я, а робот, похожий на меня. На следующий день врач пояснил, что меня ожидает.

«Волчанка – это хроническое заболевание, которое влияет на иммунную систему организма. Она неизлечима». Но тут же добавил: «Вы проживете долгую и здоровую жизнь, если будете заботиться о себе. Вам необходимо не менее девяти – десяти часов ночного сна, и еще час после обеда. Вы должны снизить ваш стресс до абсолютного минимума».

Я с трудом сдерживала смех. «Вы хоть представляете, чем я занимаюсь? Да мне проще слетать на луну без ракеты, чем придерживаться ваших рекомендаций».

Визит к врачу не прибавил мне надежды. Я побрела в маленькое кафе, заказала большой стакан чая со льдом и заняла свое излюбленное место возле окна. Я наблюдала, как мимо проходили люди, не подозревающие о страхе, который я испытываю. Постепенно мысли пришли в порядок, и я начала задавать себе более-менее здравые вопросы. *Если бы мне оставалось всего несколько месяцев продуктивной жизни, чего бы я хотела достичь за это время? Что на самом деле для меня имеет значение?*

Ответы на эти вопросы не заставили себя ждать. *Написать книги. Одну о моем собственном опыте, еще одну о моей теории и еще одну – о мужчинах из СОП. Я хочу преподавать свою теорию синдрома кожи специалистам в области психического здоровья и начать подготовку терапевтов.*

Где, интересно знать, я собираюсь взять время, чтобы сделать все это, работая с заключенными, занимаясь терапией с клиентами в центре, разъезжая по стране с выступлениями и продолжая учиться в аспирантуре?

Ответ пришел не сразу, но лишь спустя несколько дней, после многих пролитых слез. понемногу я начала сворачивать работу с клиентами, чтобы прекратить мою клиническую практику к концу года.

Жизнь вдруг стала тянуться невыносимо медленно. Однажды в субботу, вопреки моим намерениям, я согласилась принять клиентку. Обезумевшая женщина нуждалась в срочной помощи. И

хотя после ее ухода я была полностью обессилена, я все же решила остаться и доделать скопившуюся бумажную работу.

Через несколько часов зазвонил телефон. Не задумываясь, я сняла трубку, та что автоответчик не успел включиться. Голос на другом конце провода захватил меня врасплох. Это был Джордж из тюрьмы – тот самый Джордж, которые безмолвно ускользнул с первой презентации; Джордж, который вновь появился во время моего второго визита в тюрьму и стал одним из самых горячих моих приверженцев.

Я выложила ему про мой стресс, волчанку, мое решение уйти из центра и мой неупорядоченный образ жизни.

Повисла долгая пауза. Голос Джорджа звучал мягко и спокойно. «И что же кроется за всей этой занятостью?»

Ошеломленная, я сказала: «Тьфу, Джордж, ты слишком много прозанимался терапией».

Джордж рассказал мне о том, как близко к сердцу все восприняли известие о моей волчанке. Он сказал: «Мы все любим вас, леди. Вы очень много значите для каждого из нас. Прошу вас, заботьтесь о себе».

Я повесила трубку, уронила голову на стол и заплакала. *Господи, только Ты мог сделать так, чтобы этот человек, насильник, который сидит в тюрьме за тысячи миль отсюда, позвонил мне именно тогда, когда я больше всего в этом нуждалась, чтобы сообщить мне, что кто-то любит меня.*

Протянув руку за бумажными салфетками, я подумала о том, сколько стоил Джорджу этот телефонный звонок. Заключенные в тюрьме получают от десяти до двадцати пяти центов за час. Вероятно, звонок стоил ему больше недельной зарплаты. Какой необычайный подарок.

Размышляя о Джордже, я стала вспоминать о других своих друзьях – мужчинах: некоторые из них женаты или с кем-то живут, а остальные либо гомосексуалисты, либо значительно моложе меня, или отбывают срок в тюрьме. Я рассмеялась, настолько странным это было. Более того, «прежняя Мэрилин» ни за что ни позволила бы себе водить с ними дружбу.

Моя жизнь здорово изменилась. Тодд женился во второй раз. Внезапно скончался мой отец. Автомобильная авария вывела Мисси из строя на несколько месяцев, а сейчас она вот-вот выйдет

замуж. Моя машина пострадала от пожара. Недавно мою квартиру обворовали, унеся кое-что из ценностей. Стресс? Я была близка к нервному срыву! Тем не менее я чувствовала себя относительно неплохо. Если бы все эти вещи произошли со мной шесть лет назад, я бы уже была прикована к постели ужаснейшей болью.

Но я не прикована к постели! У меня и головной-то боли нет! Я не принимала обезболивающих, за исключением периода после операции, с сентября 1980 года. У меня есть проблемы, но я продолжаю жить. И не просто выживать. Мне кажется, я только сейчас начинаю жить по-настоящему!

* * * * *

Волчанка превратилась в позитивный фактор моего существования. Она побудила меня заново расставить мои приоритеты и цели и заставила установить здоровые границы – границы, которые я едва бы провела, если бы не суровая необходимость. Хотя сейчас я сознаю, что это обернулось мне во благо, большую часть 1986 года я была иного мнения.

Взяться за написание книги казалось неосуществимым делом. Джудит Брайл, моя близкая подруга, член Национальной ассоциации спикеров и автор нескольких книг, взялась наставлять меня. Она настойчиво напоминала мне об ответственности, приставая ко мне с вопросом: «Ты уделяешь время для написания книги?»

К несчастью, волчанка продолжала обостряться, и я пришла к выводу, что помимо прекращения моей клинической практики мне придется отказаться и от аспирантуры. Это решение далось мне с невероятными усилиями. Я никогда не бросала начатых дел. Уход из академической сферы и с работы в центре были страшным ударом для меня.

Я не пережила бы этого без Билла, моего нового друга из студии. Мы оба не так давно развелись, и нам нравилось проводить время вместе. Постепенно между нами возникли единственные в своем роде взаимоотношения.

Его ярко выраженная мужественность в сочетании со спокойствием и восприимчивостью были новинкой для меня. Он помог мне пережить боль, связанную с оставлением учебы и

консультативного центра; он был со мной, когда я плакала; он использовал свои знания в бухгалтерии и составил план, следуя которому я смогла заложить свой дом и продать кое-что из предметов искусства, чтобы мне было на что жить, пока я пишу свои книги и готовлю обучающие семинары.

Билл был на несколько лет моложе меня, но у нас были схожие характеры и интересы и мы мыслили одинаково. У Билла не возникало проблем с сильной, успешной женщиной. Он относился к моей работе с не меньшим энтузиазмом, чем я сама. Когда я возвращалась из Аризоны, он часто встречал меня вопросом: «Ну как там? Джои еще не выпустили досрочно? А как дела к Джорджа?»

Он никогда не отворачивался от меня, когда мой Плачущий обиженный ребенок повергал меня в прежнюю боль. Он не просто выслушивал – он слышал меня. Мы расходились во мнениях. Но вместо того, чтобы взорваться гневом или сбежать, он чуть ли не всегда первым говорил: «Давай сядем и поговорим. Он оставался верен своему намерению воспитывать свои эмоции, а его энтузиазм по поводу моих теоретических идей не раз оставался источником воодушевления для меня самой.

Но главное, он позволял мне быть самой собой. Более того, он поощрял меня делать это. Моя терапия с доктором Дэнилчаком помогла мне выявить моего Естественного ребенка. Общение с Биллом научило этого все чаще обнаруживающего себя Ребенка любить и помогать ему расти. Его Естественный ребенок и мой бегали, держась за руки, по холмам. Мы помогали друг другу подниматься по скалистым склонам, перепрыгивать через расщелины и карабкаться по краю обрыва, чтобы увидеть, что ждет нас там, с другой стороны.

И хотя ни у одного из нас не было прежде опыта таких исключительных отношений, наши личные цели постепенно уводили нас в разных направлениях. В наших отношениях было несколько витков радости и боли, близости и расставания. После множества попыток наладить отношения мы попрощались друг с другом.

Наши отношения заставили меня понять, как много важных препятствий на пути к выздоровлению я еще не преодолела. Я провела сотни часов терапии в связи с одним - единственным

часом моей жизни – нападением. Но ведь я провела годы в браке, который в своей основе был дисфункциональным. Общась с Биллом, я начала понимать, насколько сильно я боюсь, что кто-то станет меня контролировать, насколько сильно мои проблемы созависимости по-прежнему влияют на меня. Я начала смотреть в лицо своим страхам и приняла решение разбираться с ними.

Мои отношения с родственниками во многом улучшились. Теперь мы с мамой могли разговаривать. Я ощущала ее любовь и поддержку. Я получала удовольствие, видя, что дети у Джинджер и Мисси являют собой прекрасный образец Естественного ребенка. Даже Тодд казался мне более чутким после того, как второй брак его закончился разводом. Он восстановил отношения в нашими детьми и внуками и научился проявлять поддержку и понимание. Некоторые из наших друзей по церкви стали осознавать и понимать проблемы, связанные с пережитым в детстве насилием. Я была рада приглашению провести свои обучающие семинары по скиндо-синдрому в Канзасе. Понемногу прежние отношения между нами стали меняться.

Я также поняла, что, что настало время заняться самыми важными взаимоотношениями в моей жизни: заново подружиться с Богом. На протяжении нескольких лет я ощущала, что мы с Ним сидим в разных углах одной комнаты. Время от времени мы машем друг другу рукой. По сути, это было не так уж плохо. Он знал, что мне нужно время, чтобы пережить свой гнев, а я знала, что Он считает это нормальным – вроде того, как ребенок убегает к себе в комнату и громко возмущается там своим родителем, зная, что тот терпеливо дождется, откуда ребенок выйдет обратно. И я начала выходить. Я снова взяла Бога за руку, но уже иначе, свободно.

Одним из этапов моего духовного пути стала новая поездка в Чехословакию, паломничество в Прагу. В течение многих лет я собиралась еще раз посетить Милоша Сольца и его прихожан. За десять лет Милош, его жена и я проехали по Богемии, Моравии и Словакии, встречаясь с людьми в крошечных квартирках, сельских и городских церквях, в деревенских домиках. Люди прикасались к моему лицу и плакали. Я молилась вместе с ними и тоже плакала. Я чувствовала себя как дома за заборов с колючей проволокой - шестнадцать радов в высоту и шесть в глубину,

который окружал всю страну. И хотя ситуация здесь несколько улучшилась со времени моего последнего визита девятилетней давности, я по-прежнему находилась под впечатлением чудовищной пропасти между этим и моим миром. Однако, как и тогда, я испытывала непреодолимое искушение остаться. Улыбка Милоша и его безусловная любовь сделали жизнь терпимой для множества людей.

По возвращению в Калифорнию мне захотелось найти церковь, которая стала бы мне домом: консервативную в вероучении, либеральную в любви и понимании; где есть пасторы, способные честно признать свои собственные трудности и неудачи. Я понятия не имела, существует ли такое место, но Билл посоветовал мне одну церковь, которая, как ему казалось, мне подойдет. Во время моего первого посещения этой церкви пастор произнес проповедь, которая была озаглавлена «Темная ночь души». Его сострадание и понимание глубокой эмоциональной боли задела меня за живое. Когда верующие встали и запели слова гимна «Удивительная благодать» достигли моих глубин и обняли моих внутренних Детей. Они больше не плакали – они улыбались.

Мои Дети и я только начали понимать, чем на самом деле являются благодать и прощение.

18

все мои жертвы

я отказалась от аспирантуры и прекратила клиническую практику в центре, однако, продолжала свою работу в тюрьме. С годами мужчины из СОТП стали моей главной духовной проблемой и принадлежали к наиболее твердым моим приверженцам. Но не все с энтузиазмом воспринимали мои

визиты. Когда Джек впервые пришел в группу, вены выступили на его шее и он принялся яростно выкрикивать: «Провалиться мне на этом месте! Нам не нужны тут всякие, которые приходят сюда, тычут в нас пальцем и говорят нам о том, какие мы испорченные». Он вскочил со стула и выпалил: «Меня воротит от людей, которые твердят нам, что мы навсегда останемся преступниками, что насильники никогда не меняются».

Голос Барта прорезал воздух в комнате: «Эй, почему бы тебе не успокоиться и не позволить даме продолжить?»

Джек угрожающе размахивал руками перед лицом у Барта. «А ты не напирай на меня, парень!»

Спокойно, но твердо, Барт продолжал: «Я, между прочим, много получаю от того, что она говорит. Если бы ты хоть немного помолчал и послушал, уверен, ты бы понял, что она совсем не то, что тебе кажется».

Хмурый Джек уселся на место и замолчал.

Слова скорби наполнили комнату. Мужчины, пережившие в детстве насилие, рассказывали кошмарные истории из своего прошлого. Бородатый мужчина в углу просидел все это время не проронив ни одного слова. Его тело, охваченное печалью прошлого, начала бить крупная дрожь.

«Я не догадывался, что причиняю своей малышке такой вред. Если бы я только знал». Слова утонули в слезах, когда он осознал, как много боли причинил своей дочери. Я спокойно встала и подошла к нему.

«Все в порядке, не противься этому, Сэм». Я ласково помогла ему встать на ноги и обнимала его, пока он не перестал плакать.

Сэм взглянул на меня с горечью и беспокойством и произнес: «Как вы можете быть здесь среди нас, когда вам известно, что мы натворили?»

Вернувшись на свое место, я ответила: «Я не смогла бы сделать этого, если бы не провела множество часов, когда я выколачивала душу из моих истязателей, остервенело колотя ракеткой по ковру в комнате для терапии. Тогда я наконец-то смогла излить всю свою ярость по отношению к ним. В результате я не перенесла этот гнев на вас. Напротив, я могу относиться к вам как к личностям, наделенным человеческим достоинством. Из

этого не следует, что я мирюсь с тем, что совершили вы или мои насильники. Вы по-прежнему несете ответственность за свои поступки. Это означает, что теперь я осуждаю поступки, а не человека, и не позволю, чтобы мое осуждение о нем определялось скрытым во мне гневом».

Джек обратился ко мне: «Я хочу извиниться. Я был не прав. Вы не имеете никакого отношения к тому, что я наговорил. Мне жаль. Спасибо вам за все, что вы делаете для нас».

Сидящий возле него Уильям кивнул в знак согласия. «Благодаря тому, что сделали вы, доктор Мэкзен и вся ваша команда, я стал находить общий язык с сыновьями». Я хочу быть хорошим отцом. Я не хочу, чтобы они кончили так же, как я».

Он продолжал говорить, а я слушала его, поражаясь тому, насколько он силен духом. Он отсидел уже шестнадцать лет пожизненного заключения за изнасилование, не имея шансов на изменение приговора, и я поначалу не ожидала, что ему захочется изменить себя к лучшему. Но я ошиблась. Он упорно работал в терапии и получил свидетельство о прослушанных курсах по юриспруденции и психологии, достаточных для получения степени бакалавра. Многие мужчины в тюрьме, которым не скоро предстояло выйти на свободу, начинали употреблять наркотики, алкоголь или проявлять жестокость к другим. Уильям представлял собой редкое исключение и был одним из наиболее уважаемых заключенных в тюрьме. От вызывал восхищение у черных, латиноамериканцев и белых, он был человеком, в котором чувствовались достоинство и благодать. Его лицо озаряла прочная вера. В отличие от «стучащих Библиями», его искренность и умение интересоваться чужими проблемами привлекали к нему людей.

Твердое намерение Уильяма быть образцом для подражания своим сыновьям дало превосходные результаты. Двое из четырех окончили колледж, один учился на последнем курсе. Сыновья Уильяма посещали его регулярно, как и жена, навещавшая его почти каждую неделю на протяжении истекших шестнадцати лет.

Когда наше занятие подошло к концу, я встала у выхода, обнимая на прощание каждого из участников. Жест, некогда дававшийся мне с таким трудом, теперь стал важной нитью в ткани моего исцеления.

Позади всех стоял Уильям. Он молча приблизился ко мне и застыл в неуверенности, едва я коснулась его. Когда мои руки обхватили его плечи, я почувствовала, как он вздрогнул и втянул головы в плечи. Он с трудом дышал через стиснутые зубы.

Я отступила назад. «Уильям, с тобой все в порядке?»

Прошло несколько секунд, а он все стоял, вцепившись в футболку в том месте, где, как безумное, колотилось его сердце, и по-прежнему не мог вымолвить ни слова.

«Вдохни поглубже», - посоветовала ему я. — « все будет нормально. Давай присядем на минутку».

Он тяжело опустился на стул. Я положила руки ему на плечи. Слезы наполнили его недоверчивые глаза. «О, Мэрилин, в тебе я только что увидел всех моих жертв». Его вновь затрясло. «Я и представить себе не мог, что кто-то из них захочет ко мне прикоснуться. И уж тем более, что они не будут держать на меня зла».

Я всмотрелась в темнокожее лицо. Я прошептала: «Уильям, все твои жертвы были белыми?»

Его ответ прозвучал еле слышно: «Да».

Взяв его за руку, я, поколебавшись, продолжила: «Уильям, сейчас я скажу тебе кое-что, о чем ни разу не упоминала в этой тюрьме прежде: изнасиловавшие меня люди были черными».

Наши глаза встретились, и я спокойно произнесла: «Уильям, посмотри на меня. Я - все твои жертвы. Я прощаю тебя за них. И глядя на тебя, я вижу всех моих истязателей».

Я запнулась, собираясь произнести нелегкие для меня слова. «Сегодня... я прощаю и их тоже». Целительная сила этого момента проникла сквозь стены старого железного трейлера и полетела над пыльными полями, над забором с колючей проволокой, донося слова прощения далеко за пределами физических оболочек, в которые мы были заключены. Это была весть прощения и свободы для Уильяма и для меня.

В тот вечер, бродя по пыльным улицам маленького пустынного Флоренса, я заглянула в мексиканский ресторанчик. Заказав еду, я стала прокручивать в голове события прошедшего дня. Я тыкала вилкой в пережаренные бобы, отмечая про себя, что не все преступники в тюрьме подобны Уильяму. Даже в СОТП было несколько провалов. Я падала духом, сталкиваясь с

мужчинами, которые отказывались от твердого намерения меняться, покидали программу, снова употребляли наркотики, ввязывались в драки или совершали иные нарушения, за которые их «заворачивали» или отправляли назад за решетку. *Но если говорить о тех, кто действительно старался, упорно работал и оставался чистым, - что я ощутил бы, если бы кто-то из них вновь совершил преступление?*

Я не переставала думать об этом, возвращаясь в свой ставший уже привычным номер в мотеле. Из бара за углом доносились звуки электрогитар, наполняя эхом улицу.

Я свернула за угол и в навалившейся вдруг темноте шаркалась от изгородей и деревьев, стараясь держаться середины улицы. Нахальные молодые «мачо», включив на полную модность музыку в своих пикапах, гоняли из бара в бар. Винтовки висели на подставках у них за головой.

Скверные мысли мелькнули в моей голове – мысли, которые нагоняли страх. Я думала о своей подруге из Сан-Франциско, которая недавно позвонила мне вся в слезах и рассказала, что ее только что ограбили и зверски изнасиловали. Мой гнев по отношению к ее истязателям был чудовищным. Я воспользовалась этим случаем для подготовки нескольких занятий с участниками тюремных групп. Мне было необходимо сохранять равновесие между моим участием к ним – и тем безжалостным обстоятельством, что все они способны вновь совершить преступление. Я пришла в тюрьму не для того, чтобы нянчить заключенных. Я пришла не для того, чтобы утирать им сопли и оправдывать их поступки. Я хотела, чтобы эта страшная цепочка насилия где-то оборвалась. Я набралась смелости затронуть те проблемы, обсуждать которые, как я знала, им будет тягостно и неприятно.

На следующее утро я стояла перед ними с мрачной улыбкой. «Меня преследует мысль о том, что кто-то из вас, прошедших программу, может совершить преступление. Я не хочу, чтобы вы когда бы то ни было успокоились, удовлетворились своими изменениями и ростом, стали самодовольными и забыли о возможности того, что и вы можете пополнить статистику рецидивов».

Я начала описывать улицы города, расположенного всего в нескольких сотнях ярдов от дверей трейлера. Я рассказала о своей прогулке предыдущим вечером, честно поведала о том, как тревожно мне было очутиться там одной.

«Я хочу, чтобы вы включили воображение и представили себе одну ситуацию, наблюдая при этом за своей реакцией. Предположим, что один из тех парней, шатавшихся по барам прошлой ночью, вывез меня в пустыню и жестоко изнасиловал...»

мужчины почувствовали себя задетыми и стали беспокойно шевелиться. Их мускулы напряглись, челюсти сжались.

«Теперь представьте, что этот молодой человек был арестован и отправлен как раз сюда, в тюрьму штата Аризона во Флоренсе. И вот однажды он приходит сюда, в этот трейлер и просит принять его в СОТП. Что вы сделали бы с ним?»

«Он не дожил бы до утра!»

Кровь прилила к их лицам, враждебность наполнила комнату. Но вдруг, почти одновременно, их плечи поникли и глаза опустились, когда до них дошло, к чему я клоню.

«Похоже, он ничем от нас не отличается. Он тоже заслуживает шанса измениться с помощью программы».

Я продолжала. «Вообразите себе снова ту же сцену. Только на этот раз изнасиловавший меня мужчина – это человек, который провел два года в этом трейлере, пришел в СОТР и досрочно освобожден. Его поймали, отправили обратно во Флоренс, и он хочет пройти программу заново. Что вы сделали бы с ним?»

Ярость была еще сильнее, чем в первый раз.

«Я бы с радостью его убил!»

«Он заслуживает смерти!»

я посмотрела каждому из них прямо в глаза: «Почему вы отнеслись к нему более сурово, чем к первому?»

несколько человек категорично заявили: «Да потому что он знал, что делает!»

вдруг на их лицах появилось выражение, будто они пропустили удар ниже пояса. Все мужчины поморщились, когда один из них воскликнул: «Здорово же вы подставили нас с этим вопросом!»

«Я еще не закончила. Почему для вас важно, что изнасилована была именно я? Я выбрала себя в качестве жертвы,

поскольку каждый из вас общался со мной приблизительно одинаковый период времени, а одних и тех же обстоятельствах. Но я могла бы сказать, что этой жертвой была жена, дочь, сестра или ребенок, которые просто проходили мимо почему для вас так важно, кто именно это был?»

«Да, конечно, мы должны злиться, когда обижают любого невиновного человека, а не только тех, кого мы любим».

Я обвела присутствующих взглядом. «Мы уже говорили о том, как безжалостны вы были к себе, когда признавались в своих прошлых преступлениях. Я призывала вас быть помягче. Но есть одна вещь, которую вы совсем не горите желанием обсуждать. Это повторное преступление.

Я в самом деле беспокоюсь о каждом из вас. Простите, что приходится быть с вами такой жестокой, но я вовсе не хочу увидеть вас здесь снова после того, как вы, наконец, обретете свободу. Вы слишком долго работали для этого».

Мужчины кивали. Я затронула опасения, которые они все испытывали. Им хотелось верить, что они никогда больше не нарушат закон. Но они отдавали себе отчет в своей слабости. Они знали данные статистики. Всем им было мучительно думать об этом, и тем не менее они оценили сказанные мною слова, несмотря на свою боль.

Один из них выразил общее настроение. «Мне не хотелось думать, что опасность вновь совершить преступление как-то связана с тем, что произошло со мной в детстве. Я несколько месяцев топтался на месте, отказываясь верить, что у меня есть какие-то подавленные воспоминания. Я, откровенно говоря, считал, что вы все это выдумали. Но однажды я подумал: «К чему бы этой леди лгать мне? Должно быть, она говорит правду». Но после этого мне пришлось иметь дело со всей моей детской болью, со всем гневом и страданием, которые вы разбудили внутри меня».

Заговорил другой мужчина: «Эй, парни. Я хочу, чтобы мы все менялись ПОСТОЯННО».

Того же желала им и я. Я знала, что перемены не происходят за одну ночь. Для этого требуются часы упорной и болезненной работы. Нужно время, чтобы увидеть насилие, пережитое в детские годы, которое послужило почвой для

преступного поведения. Нужно время, чтобы принять ответственность за свои собственные насильственные действия. Нужно время, чтобы посещать занятия, которые помогают выстраивать новые, здоровые способы поведения и дают информацию о ценностях, о принятии решений, об общении, сексуальности, самоуважении.

Я была «откупоривателем бутылок», - тем, кто помогал им вынуть затычку из своих скважин боли. Главную работу делали другие. Мужчинам из СОТП повезло, что у них были Хайла Джо Хоук и Терон Уэлди, которые вели образовательные классы и курировали работу групп для семейных пар, доктор Мэйзен и другие, посвятившие себя этому делу сотрудники. Эти люди были готовы тратить свое время и силы, чтобы помочь заключенным порвать со старым и строить новое – и не только во время пребывания в тюрьме, но и на протяжении критического периода на «полпути», когда человек наконец выходит на свободу.

Я продолжала приезжать в тюрьму. Перемены в жизни людей побуждали меня возвращаться. А затем этому настал конец. Вопреки многочисленным протестам сотрудников и участников, Департамент исправительных учреждений объявил, что программа переведена в Таксон. Только некоторые из заключенных, с которыми я работала, получили право переехать вместе с программой. Большинство из них были вынуждены прекратить терапию, независимо от того, с какими проблемами они в данный момент работали.

Я вернулась, чтобы провести заключительную неделю индивидуальных встреч с каждым из участвовавших в программе. Мое чувство разочарования и гнева смешивалось с глубоким ощущением грусти и потери.

Я была очень взволнована, когда Барт отозвался на мои чувства: «Сначала мы все были в страшной ярости. Но вы знаете, нам ведь очень повезло. У нас был шанс для изменений и развития, которого не получили люди в других тюрьмах. Пускай мы еще не закончили нашу терапию и занятия, но мы по-прежнему решительно настроены передать то, чему мы научились, как можно большему числу людей».

Барт с радостью сообщил мне, что это уже проходит. Джои, который условно освобожден, и поступил в колледж на

полставки, работает консультантом в центре для наркоманов. Когда мы с Бартом еще разговаривали, дверь отворилась, и на пороге появился Уильям с сияющей улыбкой на лице.

Мы с Уильямом прошли в другой конец трейлера, в маленький терапевтический кабинет. Устроившись на стареньком металлическом стуле, Уильям стал рассказывать как изменилась его жизнь с момента нашей первой встречи и его поступления в СОП: он учился искренне и открыто общаться с женой и сыновьями: он писал законодателям об условиях тюремного содержания, он продолжал работать со своим превращенным в жертву Плачущим обиженным ребенком, чувствуя его боль и учась быть родителем самому себе: но главное, он осознавал те горе и боль, которые он причинил своим жертвам и Богу в результате своих преступлений.

Я была так увлечена разговором, что не заметила, как стемнело. На прощание я протянула руку Уильяму. «Ты очень дорог мне. Ты очень помог мне в моем собственном пути к выздоровлению».

Мы пожали друг другу руки. Сквозь слезы я видела, как мускулы на его руке напряглись и задрожали от нарастающего внутреннего напряжения.

Наконец и он тоже заплакал. «Мне кажется, я не заслужил такого отношения с вашей стороны. Я не заслужил того, что дал мне Бог. Я знаю, что Божие Слово говорит: «Все согрешили и лишены славы БОжией», но...»

Он разрыдался, закрыв лицо руками, оплакивая свою боль и потерянные годы. Я присела рядом с ним и обвила руками мужчину и ребенка.

Я прошептала: «Уильям, ты знаешь, что Бог простил тебя?»

Он кивнул.

«Ты знаешь, что я простила тебя?» Он вновь качнул головой.

«Уильям, когда ты сумеешь простить себя?»

мысленно он вытер слезы: «Но ведь я причинил столько вреда...»

«Я знаю, знаю, для этого требуется время, но взгляни, как далеко ты продвинулся».

Стиснув мои руки, он, запинаясь, произнес: «Что я могу сделать, чтобы хоть как-то отблагодарить вас...»

«Уильям, лучший подарок, который ты можешь сделать мне – это научиться любить и прощать себя. Ты человек, обладающий достоинством, независимо от того, что было в твоём прошлом».

В дверь постучал Барт, давая знать, что пора уходить. Я окинула трейлер прощальным взглядом – как много людей стали здесь моими друзьями. *разве не странно, что именно здесь я снова узнала, что мужчины могут быть сочувствующими и заботливыми, понимающими и вежливыми. Кто бы подумал, что я, жертва изнасилования, найду самую большую безопасность, самую большую защищенность, самое большое понимание, самое большое принятие, самую большую заботу и самую большую любовь здесь, в маленьком трейлере на пыльном тюремном дворе, в помещении, полном насильников и извращенцев.*

Я принялась сгребать свои разбросанные бумаги и кассеты, пока Барт с Уильямом собирали пластиковые стаканчики – последние следы занятия группы. Несколько нечаянных слез смешались с остатками кофе в стаканчиках, пока я бросала их в покореженное мусорное ведро.

Барт закончил уборку и погасил свет в трейлере, пока Уильям собирал мое видеоборудование. Мы молча дошли до моей машины, радуясь тому, что в темноте не видно наших слез. Уильям протянул руку в окошечко автомобиля и мягко коснулся моего плеча: «Благослови тебя Бог, дорогой друг».

Миновав охранника, я выехала за ворота. Полными грусти и благоговения глазами я смотрела, как Барт и Уильям медленно идут к старым сборным баракам, где они жили.

Это были свободные люди, несмотря на то, что их физические тела оставались за забором с колючей проволокой, в тюрьме, которая составляла весь их мир в течение шестнадцати лет. И даже если эта тюрьма останется их миром до конца жизни, они всегда будут свободны.

19

Реальный мир, реальная война

Я осваивала рубежи своей жизни подобно первопроходцам Дикого Запада в 19-ом веке. Это было порой увлекательные, порой исполненные опасностей путешествия. В нем было немало объездов, а порой и тупиков. Иногда я чувствовала себя потерянной и испуганной. Одиноким ночам нередко казались бесконечными и после них наступало утро – утро, исполненное свободы.

Свобода от обезболивающих препаратов, свобода от физической боли, по крайней мере, сейчас.

Свобода чувствовать, сознавая, что эта свобода может нести с собой эмоциональную боль – боль, которая реальна, боль, которая дает мне знать, что я еще жива, свобода знать, что я могу и должна уделять внимание своим эмоциональным ранам.

Свобода быть собой, быть сложной личностью, состоящей из нескольких существ, и полностью сознавать и ценить каждую свою часть: моего Контролирующего ребенка, моего Плачущего Обиженного ребенка, моего Естественного ребенка и моего Чувствующего взрослого.

Продолжая свой путь по холмам жизни, я оглядываюсь вокруг и вижу, что я не одна. На соседних горных вершинах – мои друзья: доктор Эрл, в прошлом президент Американской Ассоциации супружеской и семейной терапии; доктор Питер Дэнилчак и его жена Линетт, занимающаяся терапией с взрослыми жертвами насилия в «Центре терапии возрождения»; доктор Сэнди Мэйзен, продолжающий терапию с вышедшими на свободу преступниками и их семьями; Хайза Джо Хоук и Терон Уэлди, возглавляющие Программу штата Канзас для людей, совершивших преступление на сексуальной почве; доктор Эрлис Норкросс, специалист по лечению взрослых и детей, переживших насилие; Беверли Джеймс, всемирно известный автор и ведущий семинаров по насилию, пережитому в детстве, Рич Булер, популярный телеведущий и автор, который много сделал для работы по выявлению скрытой детской травмы; доктор и миссис Хэнк Джаретто, основатели «Объединенных родителей» - союза членов семей, в которых были случаи инцеста; мои собратья – члены «Помощи детям в США», одной из превосходнейших

организаций, работающих в сфере предупреждения насилия в отношении детей, их лечению и научных исследований. Я берегу память о Вирджинии Сатир, пионере в области семейной терапии, которая оказала мне честь дружбой и возможностью сотрудничества.

Я вижу и много других. Людей, чьи книги я прочла, чьи записи слушала, в чьих семинарах участвовала. Людей, которых я молча, а иногда и вслух, одобряла. Мы не одни в этой войне. Некоторые стоят на вершинах холмов, но тысячи сражаются в окопах. Терапевты, работники образования, родители – люди, которые заботятся о раненых детях, люди, которые столь же важные и нужные, как и те, что у всех на виду.

И почти каждый из нас – раненый солдат. Ни один из нас не является тем Естественным ребенком, которым он сотворен быть. В каждом из нас в той или иной степени есть Плачущий обиженный ребенок. Боль ребенка вовсе не связана с сексуальным или физическим насилием. Эмоциональное насилие или отсутствие любви могут быть столь же разрушительными. Страшно признаться, что твой Плачущий обиженный ребенок существует, страшно признать его боль, но это необходимо сделать, если вы хотите стать целостным, здоровым, полностью жизнеспособным Чувствующим взрослым.

Изменения начинаются, когда вы учитесь быть близким другом всем своим частям, которые есть внутри вас, - когда вы высвобождаете Плачущего обиженного ребенка и учитесь быть ему родителем: когда вы заново обретаете вашего очаровательного Естественного ребенка: когда вы осознаете, каким образом ваш Контролирующий ребенок скрывал от вас двух других ваших детей, не давая им проявить себя, возможно уже долгие годы.

Движение к цельности происходит постепенно, шаг за шагом. Ваш путь наверняка будет иным, нежели мой. Я не считаю, что интенсивная терапия, которую я прошла, необходима каждому. Отыщите то, что будет правильным для вас.

Не колеблясь, обращайтесь за помощью на вашем пути к исцелению. Есть множество квалифицированных терапевтов, которые проявляют глубокое участие к страдающим людям. Все больше и больше профессионалов получают специализированную

подготовку для работы с насилием. Кризисные центры, приюты и телефоны доверия есть в каждом мегаполисе и многих городах. Группы поддержки и 12-ти шаговые программы можно обнаружить повсюду, даже в самых консервативных церквях. Надежды на исцеление сейчас больше, чем когда-либо прежде.

Для многих из вас путь к выздоровлению может быть и духовным путем. Возможно, вам, как и мне, потребуется время, чтобы проработать ваш гнев и постепенно начать выстраивать заново ваше доверие к Богу. Это невозможно сделать в одиночку. На моем жизненном пути Бог послал мне великое множество людей, чтобы они были сосудами, через которые Он являет мне Свою любовь. Ваш путь может увести вас далеко от ваших собственных детских границ, но возможно, вы останетесь в их рамках и будете изменять их изнутри.

Каждый ли может измениться? В этом я не сомневаюсь. Я – не наивная идеалистка. Свои чувства я уравниваю реальностью, и знаю, что в жизни некоторых людей перемены так никогда и не настанут. Некоторые будут упорно придерживаться деструктивных моделей поведения. Даже имея возможность измениться, не каждый захочет хранить верность этому намерению, тратить силы и время, разрешить себе чувствовать бессилие и боль. Иногда боль не так тяжела, как страх признать ее источник.

Узнавание своего Плачущего обиженного ребенка – это задача на всю жизнь. Я поняла, что мне необходимо принять моего Обиженного ребенка как постоянную часть самой себя – точно так же, как если бы мне ампутировали ногу, мне нужно было бы принять необходимость пользоваться протезом. Я знала бы, что мне следует быть осторожной, спускаясь по лестнице или сходя с тротуара, или проявлять внимание, обходя торчащий из мостовой камень.

Подобным образом сейчас я полностью осознаю, что именно может выбить почву из под ног у моего Плачущего обиженного Ребенка. Он неизменно реагирует на крик испуганного ребенка. Не раз мне приходилось поспешно покидать магазин из-за отбившегося от родителей малыша. Я не стану стоять рядом и испытывать свою выдержку. Я просто уйду.

Когда умер мой отец, чувство «оставленности» застало меня врасплох. В больнице, когда я прощалась с ним навсегда, и затем тремя днями позже, на похоронах, я пережила чрезвычайно болезненную самопроизвольную регрессию. Реакция была настолько ужасной, неистовой, что я оказалась «сброшенной» со своего «утеса» и вновь пережила нападение. Я ощущала себя растерянной и уязвимой. Вероятно, люди, которые видели меня в эти моменты, решили, что я подавлена скорбью о своем отце; быть может, у некоторых вызвала презрение моя неспособность быть «сильной» и держать эмоции под контролем.

Да, самопроизвольные регрессии, подобные моей, случаются и с другими людьми. И эти регрессии становятся все более частым явлением. Я сталкиваюсь с ними – со многими из них – каждый раз, когда выступаю на тему жестокого обращения с детьми.

Сегодня выходы наружу подавленной детской травмы случаются ежедневно, когда ничего не подозревающие жертвы читают газеты и журналы, смотрят телепередачи или видеофильмы. Насилие над детьми становится темой открытого обсуждения. Это значит, что огромное число скрытых Плачущих детей отзывается на то, что они видят и слышат. Если это случилось с вами или с кем-то другим, кого вы знаете и любите, не пугайтесь. Это естественный выброс детской боли. Лучшее, что вы можете сделать в таких случаях, - это заботливо удерживать этого ребенка во взрослом теле и убедить его, что чувствовать – это неопасно.

Признать собственную поврежденность – первый шаг навстречу исцелению. Но для того, чтобы разорвать цепочку насилия, необходимо взглянуть на проблему более широко.

Когда я только приступила к терапевтической работе и осознала, что мы были жертвами «иной войны», я думала, что мы ведем войну только против насилия. Сейчас я осознаю, что она не ограничивается этим. Это война против создания условий для насилия любого рода. Это война против идеологии и системы, которая потворствует

- Превосходству какой-либо национальности, вероисповедания или пола,
- Физическому, сексуальному или эмоциональному насилию над кем бы то ни было,

- Подавлению человеческой индивидуальности и достоинства
- Отрицанию ценности и значимости каждого человеческого существа.

Терапевт из Западной Вирджинии, который принял участие в одном из моих обучающих семинаров, недавно прислал мне письмо и приложил к нему статью Эли Визеля, лауреата Нобелевской премии мира. Вот что он пишет:

во время войны они пытались заставить нас поверить, что каждый, кто не является нашим братом, является нашим врагом: нам было запрещено прислушиваться к нашим сердцам, проявлять сострадание или даже дать увлечь себя своим воображением. Если бы солдат считал своего врага потенциальной жертвой (войны), а стало быть, способным плакать, отчаиваться, умирать... отношения между нами бы переменялись бы. А потому делалось все, чтобы ограничить и даже подавить его человеческие побуждения, его мысленные образы и его способность переживать чувство братства по отношению к такому же как и он существу... отныне у войны не должно быть ни славы, ни будущего. В ней не останется победителей, только жертвы. Войны между государствами зачинаются людьми, которые хотят подавить и втиснуть других людей в идеологические границы агрессора, людьми, которые не способны уважать право других иметь собственные убеждения и ценности. Эти войны зачинаются людьми, которые каждого за пределами своих границ считают врагом.

Если мы можем увидеть в нашем враге ребенка, который испытывает боль и одиночество, ребенка, которому введомо боль, который плачет, который может истекать кровью, - тогда мы начнем изменять мир. Если мы способны увидеть, что стоит за этой болью и разглядеть Естественного ребенка, которым призван быть этот человек, тогда мы уже больше не враги, а обычные люди, внутри одних границ.

Если мы увидим ребенка в другом человеке, то сменим ненависть на прощение, предубеждение на понимание, фанатизм

на принятие, презрение на сострадание и высокомерие на равенство.

Это не значит, что мы должны одобрять злодеяния или насилие. Но это значит – пытаться найти причину. Мне довелось выслушать многих мальчишек и взрослых мужчин, совершивших отвратительные преступления. И мне довелось выслушивать рассказы о преступлениях, зачастую еще более ужасных, жертвами которых они сами стали, будучи детьми.

Относиться к преступникам, балансируя между безразличием и яростью толпы линчевателей, - нечто новое для большинства людей. Не так давно, когда я закончила свое телевизионное выступление, один мужчина обрушился на меня, выкрикивая: «Вы понятия не имеете, что эти сволочи вытворяют со своими жертвами!» Я ответила: «Хватит нести ерунду. Я сама – их жертва. Я пронесла эту боль через всю свою жизнь, час за часом, день тот дня. Полагаю, я заработала право говорить от лица этих людей. Если я могу простить их, почему вы можете позволить себе меньшее?»

Я убеждена, что, в конце концов, нам удастся разорвать цепочку насилия и тем самым выиграть главное сражение этой войны. Для этого мы должны заглянуть внутрь насильника и увидеть в нем того, кто сам подвергся насилию. Мы должны понять, почему ребенок из жертвы стал мучителем, понять, что преступники – это не «просто случайность», и поверить, что перемены для многих из них возможны. Они возможны, если терапия проводится квалифицированными, заинтересованными профессионалами и если преступник готов принять на себя ответственность за свои прошлые действия и взглянуть в лицо своей собственной боли, которая неизбежно сопровождает любые перемены. Тюремное заключение без специализированного лечения, направленного на работу с источником боли и гнева, неэффективно и обходится слишком дорого. В недавнем комментарии в «Вашингтон Пост» утверждалось, что увеличивать количество тюрем для того, чтобы остановить преступность, столь же наивно, как строить больницы в надежде, что это остановит распространение СПИДа.

Я верю в возможность изменений, поскольку я наблюдала их результаты не только в своей жизни, но и в жизни множества

других людей. Но я полностью отдаю себе отчет в масштабах войны, в которую мы вовлечены. Чтобы не упасть духом перед лицом предстоящих страшных сражений, над своим столом повесила дощечку со словами:

Спасая одного ребенка,
Ты спасаешь весь мир.

Я посвятила свою жизнь спасению этого ребенка, будь он в теле маленького мальчика или девочки или в теле взрослого мужчины или женщины.

Бог, в которого я верю, говорит в Ветхом и Новом Заветах: «Я пришел исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и отпустить измученных на свободу».

Существует несколько вопросов, которые мне часто задают:

Был ли трудным ваш путь?

Безусловно

Был ли он болезненным?

Несомненно

Он был долгим?

Я все еще иду

Он стоит затраченных усилий?

Этот последний вопрос я нередко задаю сама себе.

Зачем был нужен тот вечер, много лет назад, когда невинный, ничего не подозревающий ребенок шел по окаймленной изгородью заснеженной улице? Зачем были нужны те ужас и боль, невероятная агония разделения на части и погребение заживо этого измученного ребенка – внутренний и эмоциональный суицид? Хотела бы я вновь вернуться в то время, когда мне было восемь? Снова ехать на автобусе, но на этот раз выйти, не пропустив ни одной остановки? Если бы я вышла там, где надо, я избежала бы нападения, избежала многих лет физической и эмоциональной боли, избежала часов мучительной терапии. избежала развода, избежала опустошения, вызванного отвержением и отсутствием поддержки. Я избежала бы всего этого. Что было бы со мной, если бы у меня был еще один шанс? Захотела бы я пройти заново через все это? Имело бы это смысл?

С вершины своей горы я вижу тюрьму во Флоренсе – такой, какой я запомнила ее в тот прощальный вечер: силуэты

сторожевых вышек, их длинные тени на песке безмолвного двора; луна блестит и отражается на проволочном ограждении, которое окружает моих друзей, вынужденных находиться в этом месте.

Да, я сделала бы это еще раз. Это имело бы смысл. Я сделала бы это, чтобы видеть, как меняются жизни людей, чтобы давать надежду другим раненым сердцам и получать письма – такие, как то, что вручил мне один из участников СОТЦ, перед тем как мы навсегда расстались.

Он написал:

Дорогая Мэрилин.

Каждый раз, когда Вы приезжаете сюда, я вижу Вашу искреннюю любовь и внимание к нам, собирающу закоренелых преступников. На прощание Вы обняли меня. Вы, жертва, обняли меня, насильника. Теперь я чувствую, что я – человек. Свободный человек, я не надеялся, что когда-либо заслужу что-то подобное.

Вы помогали нам изменить свою жизнь. Вы верили в нас и доказали на деле, что любите нас. Мы бесконечно Вам благодарны.

* * * * *

сегодня я тоже свободна. Я больше не тот Плачущий обиженный ребенок на черной грязной земле. *Я жива, и с каждым днем мне становится все лучше и лучше.* Мне кажется, что Бог смотрит на моих «детей» и улыбается.

Возможно, мой путь всегда будет трудным. Но я надеюсь, что, продвигаясь вперед, я открыла новые рубежи, и боль моего ребенка принесла свой плод – пространство свободы, где дети и взрослые больше не будут невольниками и жертвами войны.

Мой Естественный ребенок приглашает вас последовать за ним и найти ваш собственный, единственный в своем роде путь к вашему исцелению

Эпилог

Круг замкнулся

26 декабря 1989 года. Я сидела в крошечной квартирке своей матери и смотрела на нее, пока она что-то рассказывала мне. Она казалась такой хрупкой, когда мы обсуждали известие, которое ей сообщили по телефону вчера вечером. У ее единственной оставшейся в живых сестры Розеллы случился инфаркт и ожидалось, что она не доживет до утра.

Всю неделю в Канзасе стоял двадцатисемиградусный мороз, и я пыталась уговорить маму не ездить на похороны. У нее были артрит и простуда, но мама решила поехать во что бы то ни стало. Моя сестра Мэри Сью, ее муж Уэйн и двенадцатилетний сын Джош предложили отвезти ее в своем новом микроавтобусе. Я сказала ей, что полечу в Уичито самолетом и присоединюсь к ним в Мэрионе на похоронах. Однако, когда она сказала, что мне не обязательно присутствовать, я почувствовала облегчение.

Я была измучена, у меня не было никакой зимней одежды, и уж тем более такой, которая была бы уместна на похоронах. Я прилетела в Феникс, захватив с собой лишь одежду для отдыха при теплой погоде в 20-25 градусов. На следующий день рано утром мне предстояло отправиться на автомобиле во Флоренс. Я получила специальное разрешение провести дополнительную работу с выпускниками СОТП и планировала за несколько оставшихся до возвращения в Калифорнию дней увидеться с некоторыми из бывших заключенных, освобожденных условно, и с их женами.

В тот солнечный вторник я на несколько часов заглянула к матери. Как только было решено, что она отправляется в Канзас без меня, мы стали обсуждать, как замечательно прошли выходные (до того, как мы узнали о тете Розелле). Вся семья отправилась на рождественское богослужение, мы вместе провели Сочельник и Рождество, наслаждаясь общением с Джошем, Биджеем, Дженелл и шалостями двухлетней непоседы Эшли, дочери Мисси. Даже Тодд присоединился к нам. Мама была рада,

что Тодд и я смогли остаться друзьями и что он восстановил свои отношения с Джинджер и Мисси. Семья была услугой ее жизни. Она выглядела спокойной и радовалась тому, что в данный момент ей не приходится «переживать» из-за каких-либо серьезных кризисов в нашем семействе.

Мать принесла мне чашку горячего чая, и мы говорили о новой галерее, которую Джинджер, Брэдд и я открыли в прошлом году в Скодсдейле, и о ностальгии, которую мы испытываем, наблюдая, как Биджей и Дженнел помогают нам во время художественных выставок. Маме было приятно услышать, что мне разрешено работать психологом-ассистентом и что я могу возобновить свою клиническую практику. Она поддерживала мое намерение закончить аспирантуру и недавнее решение перебраться в район Сан-Диего. Мы допили чай, и, попросил маму осторожнее ступать по обледенелых улицам, я обняла ее на прощание.

Через три дня, в пятницу вечером, войдя в дом к Джинджер и Брэдду, я застала их у дверей. Они с тревогой ждали моего прибытия. Джинджер была вся в слезах. Им только что позвонили из Канзаса Мэри Сью и Уэйн.

По просьбе мамы они отвезли ее попрощаться с тетей Розеллой сразу, как только они прибыли в Мэрион после полудня. Вместе с Мэри Сью, Уэйном и Джошем мама подошла к гробу своей сестры, с которой они справляли день рождения в один и тот же день: Розелле исполнилось 82, а маме 75. едва приблизившись, чтобы коснуться руки своей сестры, она внезапно притронулась к своему виску со словами: «Как ужасно болит голова. У меня еще никогда такого не было». Ее ноги подкосились. Уэйн кинулась вызывать «скорую».

«скорая» мчалась в больницу, Мэри Сью сидела возле матери. Меньше, чем через пятнадцать минут с момента приступа, мама перестала дышать. Фельдшеры «скорой» вернули ее к жизни, но врачи оставили Мэри Сью и Уэйну мало надежды – ее организм, и в частности мозг, серьезно пострадали. Она перенесла обширный инсульт. Единственным шансом для нее была операция, которую могли сделать только специалисты в Уичито, в шести милях от Мэриона. Было решено отправить ее туда немедленно.

Перелет занял всю ночь, и я прибыла в аэропорт в половине девятого субботним утром. Все мои прежние чувства и реакции подняли во мне, едва я увидела надпись на дверях аэровокзала: «Добро пожаловать в Уичито».

Уэйн сочувственно обнял меня мы забрались в его микроавтобус и поехали в больницу. Было холодно и туманно. Оцепеневшая, я читала мелькавшие названия улиц – «Келлог», «Дуглас» - столь хорошо знакомые моему восьмилетнему ребенку.

Ведя машину, Уэйн сообщил мне: как показала томография, повреждения столь обширны, что операция не поможет. Ей осталось жить несколько часов.

Слезы брызнули у меня из глаз. Я тотчас же их вытерла. Каждый раз, когда Вы приезжаете сюда, я вижу Вашу искреннюю любовь и внимание к нам, сборищу закоренелых преступников. На прощание Вы обняли меня. Вы, жертва, обняли меня, насильника. Теперь я чувствую, что я – человек. Свободный человек, я не надеялся, что когда-либо заслужу что-то подобное.

Вы помогли нам изменить свою жизнь. Вы верили в нас и доказали на деле, что любите нас. Мы бесконечно Вам благодарны.

Не небезопасно чувствовать: не здесь, не сейчас. Я прекрасно сознавала, что с момента, когда Джинджер и Брэд встретили меня у порога прошлым вечером, мой Контролирующий ребенок взялся за дело и теперь пытался овладеть мной. «Механизм эмоционального шока», о котором я столько писала и рассказывала, работал на полную мощность.

Стоя возле маминой кровати и глядя на ее почти безжизненные черты, я ощущала себя разделенной на части – как если бы одна часть оставалась в стороне безучастной, в то время как другая часть беспомощно держала за руку мою мать. Я сознавала, что мысленно задаю себе вопросы и отвечаю на них, независимо от своих чувств. Я просто делала все то, что требовалось от меня в такой ситуации. По мере того, как я стала понимать, какую необходимую роль играет мой Контролирующий ребенок на пике интенсивной травматической ситуации, во мне росла благодарность за то, как уместно он проявил свою силу – по крайней мере, в данный момент.

Спустя несколько часов поступили результаты анализов, врач сообщил, что кровь перестала питать мамин мозг и она больше не функционирует как живой человек. Он спросил, хотим ли мы, чтобы она была отключена от системы жизнеобеспечения. Мы согласились, зная, что таковым было бы и ее собственное желание. Мэри Сью, Уэйн, Джош и я поддерживали друг друга. Готовясь попрощаться с матерью, я чувствовала, как меня колотит. Воспоминания о самопроизвольных регрессиях, связанных со смертью отца, лезли мне в голову. Мэри Сью и Вейн тоже помнили о них и волновались за меня.

Страх и ощущение оставленности переполняли меня и раздирали изнутри, грозя поглотить меня вновь. Я вовсе не была уверена, что мой Контролирующий ребенок сможет с этим справиться.

Я молилась, силясь не дать моему Плачущему ребенку свергнуть меня в прежнюю боль. *Пожалуйста, Господи, помоги мне справиться с горем как Чувствующему взрослому. позволь мне пережить боль – но только боль сегодняшнего дня.* Я шептала эти слова, и слезы ручьями лились у меня по лицу. *Прошу, пожалуйста, не дай этому смертельно перепуганному ребенку внутри меня овладеть мной.*

В тот момент, когда я ощутила наибольшее одиночество и страх, Бог сделал для меня нечто очень важное. Едва Мэри Сью, Вейн, Джош и я собрались покинуть нашу маленькую комнату ожидания и направиться по коридору в реанимационное отделение, дверь отворилась. Мы с удивлением увидели пастора из нашей церкви в Мэрионе. Днем раньше он «совершенно случайно» оказался на панихиде, где мою мать хватил удар; он также произносил речь на похоронах тети Розеллы в Марионе, Теперь же, в субботу, в одиннадцать часов вечера, они приехал, чтобы забрать после химиотерапии свою жену, которая проходила лечение костного рака в самой большой больнице в Уичито.

Этот сильный, но мягкий и заботливый человек присел и помолился вместе с нами, а затем проводил меня к моей матери. Я попросила его подождать за занавесом, пока я буду с ней прощаться.

Я опустила глаза на мамины руки, искривленные и шишковатые от мучившего ее много раз артрита, руки, за который

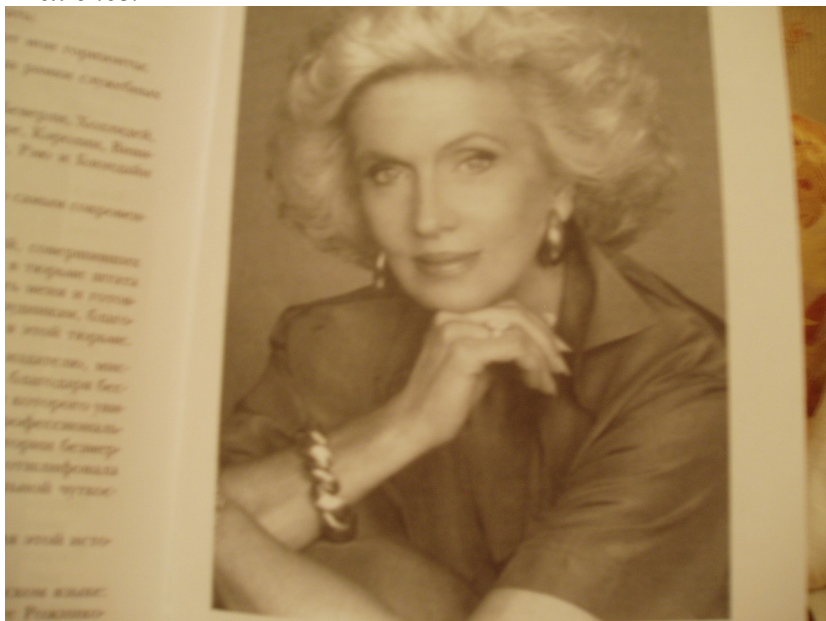
я, девочкой лет восьми, держалась в те ночи, когда мои кошмары становились невыносимыми, и просила: «Пожалуйста, мама, держи меня за руку, не давай мне заснуть, чтобы мне не видеть этот сон».

В этот вечер я прильнула к ее кровати, плача: «Мамочка, прости, что я причинила тебе столько боли. Я так тебя люблю».

Поцеловав ее, я прошептала: «До свиданья, мама. Я скоро тебя увижу».

Я дала волю своим слезам, но это были слезы взрослого, а не ребенка. Для меня это было самым большим испытанием: моя мать умерла в больнице Уэсли в Уичито, штат Канзас, на Хилсайд-авеню, *всего в трех кварталах от большого белого дома, где мы жили, когда на меня было совершено нападение.*

Шел снег.

54 года.... Чувствующий взрослый, которому еще предстоит расти.